This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG-3447
Z5Z633

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Біографическій
очеркъ.

Составилъ А. Д. Алферовъ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, собственный домъ.
Москва — 1902 г.

В. А. Жуковскій.

(Съ картины Гильдебрандта 1840 г.; оригиналъ находится у П. В. Жуковскаго.

Alferov, Aleksandr D

В. А. Жуковскій.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

СОСТАВИЛЪ
А. Д. АЛФЕРОВЪ.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.
МОСКВА. — 1902.

Р6-3447
Л 5 2033

Дозволено цензурою. Москва, 16 марта 1902 г.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина. Валовая ул., свой домъ
МОСКВА.—1902.

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

(Біографическій очеркъ).

I.

Происхожденіе Жуковскаго. — Его дѣтство и первоначальное воспитаніе. — Пансіонъ Роде. — Ѳ. Г. Покровскій. — Домашнее воспитаніе въ домѣ Юшковыхъ и его вліяніе. — Поѣздка въ Кекгольмъ.

Василій Андреевичъ Жуковскій родился въ благоустроенной помѣщичьей усадьбѣ, въ селѣ Мишенскомъ, въ 3 верстахъ отъ уѣзднаго города Бѣлева (Тульской губерніи). Это было одно изъ имѣній богатаго русскаго барина Аѳанасія Ивановича Бунина. Все въ этой усадьбѣ было типично для старинпаго дворянскаго русскаго помѣстья: и огромный господскій домъ съ флигелями, и обширный паркъ, и садъ, и оранжереи, и теплицы, и пруды. Близъ усадьбы была дубовая роща, село съ церковью, въ ближней долинѣ журчалъ ручей «гремучій», а дальше кругомъ, по отлогимъ холмамъ, разстилались поля.

А. И. Бунинъ, по отзывамъ современниковъ, былъ привлекательный и дѣятельный человѣкъ, а его жена, Марья Григорьевна, «соединяла съ рѣдкой добротою души и кротостью необыкновенный умъ, и была притомъ женщина значительной для своего вѣка образованности и читала все, что печаталось тогда на русскомъ языкѣ, но никакого другого языка не знала». У Буниныхъ было четыре дочери: Авдотья, Наталья, Варвара, Екатерина и одинъ сынъ, умершій въ 1781 г. студентомъ Лейпцигскаго университета. Двѣ старшія

дочери вышли замужъ: Авдотья Аѳанасьевна за Дмитрія Ивановича Алымова, съ которымъ уѣхала въ Кяхту, взявъ съ собою младшую сестру Екатерину, а Наталья Аѳанасьевна— за Николая Ивановича Вельяминова. Такимъ образомъ, къ началу 80-хъ годовъ XVIII вѣка въ усадьбѣ Буниныхъ оставались только Аѳанасій Ивановичъ съ женою и средняя ихъ дочь Варвара. Незадолго передъ этимъ и произошли тѣ обстоятельства, которыя сначала осложнили семейныя отношенія Буниныхъ, а затѣмъ послужили къ общей ихъ радости.

Еще въ началѣ 70-хъ годовъ, когда одинъ изъ крестьянъ села Мишенскаго отправлялся маркитантомъ въ русско-турецкій походъ, Аѳанасій Ивановичъ шутя сказалъ ему: «Привези мнѣ, братецъ, хорошенькую турчанку; видишь, жена моя совсѣмъ состарѣлась!» Крестьянинъ буквально исполнилъ желаніе барина, сказанное въ шутку, и вернулся въ Мишенское съ двумя турчанками, взятыми въ плѣнъ подъ Бендерами: одна изъ нихъ, Фатима, была ребенкомъ 11 лѣтъ, и вскорѣ умерла; другая, Сальха, была 16-лѣтняя вдова: мужъ ея былъ убитъ во время штурма Бендеръ. Сальха понравилась Марьѣ Григорьевнѣ своею кротостью, ловкостью и привлекательной наружностью, и была взята въ господскій домъ няньчить, тогда еще маленькихъ, Варвару и Екатерину Аѳанасьевнъ, а вскорѣ затѣмъ, выучившись русскому языку и русской грамотѣ, заступила мѣсто домоправительницы и стала завѣдывать домашнимъ хозяйствомъ Буниныхъ, поселившись въ одномъ изъ боковыхъ строеній усадьбы. Въ это время она была окрещена, и при крещеніи названа Елизаветою Дементьевною. Аѳанасій Ивановичъ увлекся красивой и кроткой молодой турчанкой и переѣхалъ изъ господскаго дома во флигель, гдѣ жила Елизавета Дементьевна. Эта связь очень тяготила Марью Григорьевну; она запретила дочерямъ ходить къ Елизаветѣ Дементьевнѣ, а ей самой являться въ господскій домъ, иначе, какъ для приказаній, а когда замужнія дочери уѣхали, жизнь Марьи Григорьевны въ опустѣломъ большомъ домѣ стала еще грустнѣе.

Такъ, можетъ-быть, тянулось бы очень долго, если бы у Сальхи, послѣ трехъ дочерей, вскорѣ умершихъ, не родился, наконецъ, 29 января 1783 года сынъ. Съ этихъ поръ въ семьѣ Буниныхъ вновь наступило согласіе при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ крестные отцы мальчику Бунинъ пригласилъ Андрея Григорьевича Жуковскаго, бѣднаго дворянина, проживавшаго въ ихъ домѣ и общаго друга всѣхъ членовъ семьи, просилъ его усыновить ребенка, а самъ на время уѣхалъ изъ Мишенскаго.

Андрей Григорьевичъ попросилъ у Марьи Григорьевны позволить ея дочери, Варварѣ Аѳанасьевнѣ, быть крестной матерью новорожденнаго. Она согласилась, и крещеніе мальчика состоялось въ большомъ господскомъ домѣ въ ея присутствіи. По воспоминаніямъ о собственномъ сынѣ, Марья Григорьевна *съ растроганнымъ сердцемъ приняла живое участіе въ священномъ обрядѣ и въ самомъ младенцѣ*. Мальчикъ былъ названъ Василіемъ, и получилъ отчество и фамилію отъ усыновившаго его Андрея Григорьевича Жуковскаго. Съ этихъ поръ въ семьѣ водворился миръ, Аѳанасій Ивановичъ переселился въ большой домъ, Елизавета Дементьевна глубоко привязалась къ Марьѣ Григорьевнѣ. Ребенокъ же сталъ предметомъ самыхъ нѣжныхъ заботъ всего семейства.

Сначала мальчикъ росъ одинъ, а затѣмъ у него появились и сверстницы, среди которыхъ онъ занималъ первенствующее положеніе. Когда ему было два года (1785 г.), Варвара Аѳанасьевна вышла замужъ за Петра Николаевича Юшкова и уѣхала съ мужемъ въ Тулу, гдѣ у нея родилась слабая и хилая дѣвочка Анна (впослѣдствіи А. П. Зонтагъ). Марья Григорьевна взяла ее себѣ на воспитаніе, а когда умерла родами вторая ея дочь—Наталья Аѳанасьевна Вельяминова,—то бабушка взяла къ себѣ и ея дѣвочку, и обѣ дѣвочки стали подругами маленькаго Васи.

Первыя попытки учить мальчика очень характерны для провинціальнаго дворянскаго воспитанія XVIII вѣка.

А. И. Бунинъ, вѣроятно, недовольный слишкомъ большою нѣжностью воспитанія сына, пригласилъ къ нему нѣмца учителя—Якима Ивановича, но въ самомъ непродолжительномъ времени его пришлось отправить въ кибиткѣ въ Москву: портной по профессіи, онъ попробовалъ съ первыхъ же дней воспитанія сѣчь мальчика, ставить голыми колѣнями на горохъ и т. п. Но избалованный и изнѣженный ребенокъ заявилъ свой протестъ такими воплями, что и Марья Григорьевна, и Андрей Григорьевичъ настояли на удаленіи нѣмца.

Ученье вообще шло плохо: мальчика слишкомъ баловали; занимаясь съ Андреемъ Григорьевичемъ, онъ, вмѣсто черченія буквъ на аспидной доскѣ, рисовалъ мѣломъ на столѣ и на полу рожи и т. п. Кто имѣлъ передъ глазами образцы такого нѣсколько обломовскаго деревенскаго воспитанія, тотъ можетъ ясно представить себѣ, что для даровитаго и чуткаго, съ нѣжнымъ сердцемъ ребенка здѣсь было гораздо болѣе пищи для мечты, для смѣны разныхъ настроеній, но отнюдь не подготовки для серьезной работы мысли и правильнаго труда; по крайней мѣрѣ, послѣдствія не замедлили обнаружить вредъ пріемовъ этого воспитанія.

Когда А. И. Бунинъ, по своимъ служебнымъ занятіямъ, переселился со своею семьею въ Тулу, то мальчика отдали приходящимъ въ очень хорошій тамошній пансіонъ Христофора Филипповича Роде, и, какъ къ настоящему барчуку, который дома не могъ бы справиться съ приготовленіемъ уроковъ, къ «Васенькѣ» пригласили репетитора. Но, несмотря на эти мѣры, занятія все-таки не шли. Шли они дурно и послѣ, когда, со смертію А. И. Бунина въ 1791 г., мальчикъ былъ отданъ живущимъ въ тотъ же пансіонъ и бывалъ дома только по праздникамъ. Да и не могли занятія идти хорошо, такъ какъ семья Буниныхъ пріѣзжала въ Тулу и уѣзжала изъ нея, сообразуясь не съ началомъ и концомъ учебнаго года, а съ своими деревенскими надобностями: въ Тулу пріѣзжали позднею осенью, а уѣзжали ранней весной. Такимъ образомъ, большую часть своего времени, до 10-лѣтняго воз-

раста, ребенокъ проводилъ среди поэтической обстановки деревенской природы, въ обществѣ безконечно любящихъ его взрослыхъ и сверстницъ, надъ которыми онъ мудрилъ, какъ хотѣлъ: дѣвочки ему вполнѣ повиновались. Свободно отдаваясь своему воображенію, онъ строилъ ихъ въ ряды, представлялъ себя полководцемъ, заставлялъ ихъ брать укрѣпленія, сажалъ подъ арестъ между креслами, даже наказывалъ линейкой. Цѣлые дни бѣгалъ онъ съ своими подругами въ тѣнистомъ паркѣ, въ саду, на полномъ привольѣ.

Кажется, все слагалось, чтобы свое дѣтство Жуковскій могъ вспоминать, какъ дни безпечнаго счастья и свободнаго, искренняго развитія своихъ наклонностей. Именно къ этому времени его жизни можно отнести его позднѣйшее воспоминаніе:

О, родина, *всѣ дни твои прекрасны!*
Гдѣ бы ни былъ я, но все съ тобой
Душой...

Уже будучи старикомъ, подъ тяжелыми впечатлѣніями жизни, въ 1847 г. Жуковскій писалъ, что «беззаботное спокойствіе..... баловало его съ колыбели». Но, несмотря на эти справедливыя воспоминанія самого Жуковскаго, нельзя не указать, что въ этомъ счастливомъ на видъ дѣтствѣ были и свои терны: мальчикъ, по незаконности своего происхожденія, едва ли во всемъ могъ быть сравненъ съ остальными членами семьи. Онъ жилъ одно время съ Андреемъ Григорьевичемъ, котораго считалъ своимъ отцомъ, на «чердачкѣ флигеля» и, можетъ-быть, уже въ это время начиналъ чувствовать, то зависимое положеніе, которое занимала его мать, которая, «какъ ни была любима своею госпожей — все же должна была стоя выслушивать приказанія господъ». По крайней мѣрѣ, среди радостныхъ воспоминаній о дѣтствѣ, у Жуковскаго мелькаютъ и такія слова:

Къ младенчеству ль душа прискорбная летитъ,
Считаю ль радости минувшаго?.. Какъ мало!

Въ 1793 году пансіонъ Роде закрылся, и Марья Григорьевна отдала «Васеньку» вмѣстѣ съ его племянницей Анной Петровной для продолженія образованія къ его сестрѣ Варварѣ Аѳанасьевнѣ Юшковой, жившей въ Тулѣ. Здѣсь его отдали въ главное народное училище, которое соотвѣтствовало позднѣйшей гимназіи, и которымъ завѣдывалъ старшій учитель Ѳеофилактъ Гавриловичъ Покровскій, для своего времени чрезвычайно образованный человѣкъ. Онъ былъ очень уважаемъ и въ семьѣ Буниныхъ, и у Юшковыхъ. Ѳ. Г. Покровскій ѣздилъ давать уроки дѣтямъ въ Мишенское, обучалъ молодежь въ домѣ Юшковой и принималъ большое участіе въ литературныхъ вечерахъ Варвары Аѳанасьевны. Такъ какъ вліяніе Покровскаго на направленіе этихъ вечеровъ было велико, и оно въ свою очередь могло отразиться и на первомъ развитіи взглядовъ и литературныхъ вкусовъ Жуковскаго, то на міровоззрѣніи Ѳеофилакта Гавриловича стоитъ нѣсколько остановиться. «Лучшею для себя похвалою Покровскій считалъ наименованіе филантропа». Херасковъ хвалилъ его «мысли и чувства». Въ наказѣ Екатерины II Ѳеофилактъ Гавриловичъ особенно цѣнилъ слова: «Лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного неповиннаго». Улучшеніе правосудія въ Россіи было его завѣтною мечтой. При вступленіи на престолъ императора Александра I, онъ восторженно пророчествовалъ: «Что онъ (Александръ I) побѣдитъ ихъ (свои народы) любовію, кротостью и милосердіемъ. Вѣсы правосудія не будутъ наклоняться по пристрастіямъ». Добродѣтель была девизомъ жизни Покровскаго: въ его словахъ о добродѣтели такъ и слышится типичный русскій идеалистъ конца XVIII вѣка. «И могутъ ли люди назваться прямо просвѣщенными, ежели не добродѣтельны?..» восклицаетъ онъ. «Просвѣщеніе и добродѣтель! вотъ важнѣйшіе предметы и цѣль истиннаго воспитанія, толико уважаемаго просвѣщенными народами, колико пренебрегаемаго невѣждами!» Невинная сельская жизнь его идеалъ. «Только въ пріятномъ уединеніи селъ несокрушенны еще жертвенники

невинности и счастья». Города для него «великолѣпныя темницы». Въ своемъ мечтательномъ разсказѣ онъ горько сѣтуетъ, что крестьянъ одной деревни «продали на вывозъ: ихъ поведутъ на поселеніе въ дикія пустыя степи — въ мѣста ихъ прадѣдами неслыханныя, куда хищный вранъ утлыхъ костей не занашивалъ. Ахъ! можно ли изобразить тогдашнее смятеніе ихъ деревни!» Въ подобныхъ словахъ, несмотря на ихъ сентиментальную форму, нельзя не замѣтить, по вѣрному указанію Н. Тихонравова, что Покровскій «не былъ сентиментальнымъ идилликомъ: трезвое чувство дѣйствительности не позволяло ему предаваться безпредметнымъ мечтаніямъ романтиковъ и самодовольно растравлять въ себѣ «священную меланхолію». Разносторонне образованный и дѣятельный, Покровскій былъ извѣстенъ въ Петербургѣ, и его сочиненіе «Философъ горы Алаунской» было напечатано, по предложенію министра народнаго просвѣщенія, «на казенный коштъ и за вычетомъ издержекъ отдано въ его пользу». Произведенія Ѳеофилакта Гавриловича могли вліять на Жуковскаго и впослѣдствіи, во время пребыванія его въ Благородномъ пансіонѣ, такъ какъ журналъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени», гдѣ печатались статьи Покровскаго, составлялъ обязательное внѣклассное чтеніе воспитанниковъ пансіона. Жуковскій и впослѣдствіи, уже въ зрѣломъ возрастѣ, занимая видное общественное положеніе, относился дружественно къ Покровскому, и, ходатайствуя за него (въ 1819 г. 13 мая), писалъ директору Благороднаго пансіона, Прокоповичу-Антонскому: «Тотъ, отъ кого вы получите это письмо, есть директоръ тверскихъ училищъ господинъ Покровскій. Онъ нѣкогда былъ моимъ учителемъ, и *отъ него* я достался вамъ». Послѣднія слова явно указываютъ на признаніе со стороны Жуковскаго, что, если у него и была какая-либо подготовка для ученья въ Благородномъ пансіонѣ, то ею онъ обязанъ былъ Покровскому.

Но каково могло быть вліяніе Покровскаго на мальчика во время его пребыванія у Юшковыхъ, можно съ извѣстною

долею вѣроятности предположить, только принявъ во вниманіе всю обстановку его жизни въ это время. Въ домѣ Юшковыхъ жили четыре ихъ дочери: Анна, выросшая вмѣстѣ съ «Васенькой», Марія, Авдотья и Екатерина; «одна родственница Бунина, одна бѣдная дворянка — Сергѣева, еще три дѣвочки, и три взрослыя дѣвицы лѣтъ по 17, и одинъ мальчикъ, сынъ доктора Риккера». Съ «Васенькой» эта молодая компанія составляла 16 человѣкъ, изъ которыхъ 12 приходилось на женскую молодежь. Атмосфера дома была пропитана литературными и эстетическими стремленіями; въ домѣ устраивались цѣлые концерты, гдѣ съѣзжалось избранное общество, гдѣ исполнялись музыкальныя новинки при непосредственномъ участіи радушной, образованной и талантливой хозяйки. Здѣсь пѣлись сентиментальные романсы Нелединскаго, декламировались только что вышедшіе стихи Дмитріева, читались «чувствительныя» послѣднія произведенія Карамзина. Все это не могло не увлекать и не растрагивать отзывчивую молодежь, которая тутъ могла упиваться настроеніями, давать полную волю своей фантазіи и мечтамъ, и, наконецъ, подражать старшимъ. 12-лѣтній Жуковскій къ пріѣзду Марьи Григорьевны въ Тулу «написалъ трагедію: «Камиллъ, или освобожденіе Рима», избралъ для себя роль героя пьесы, нарядилъ всѣхъ учениць домашняго пансіона, отъ 17-лѣтняго возраста до трехлѣтней Екатерины Петровны, въ одежды римскихъ консуловъ и сенаторовъ, и, разумѣется, какъ авторъ и актеръ, увѣнчался полнымъ успѣхомъ». Поощренный лаврами, онъ еще попробовалъ сочинять, но только неудачно. Гдѣ жъ было мальчику усидчиво приняться за упорный трудъ, надъ рѣшеніемъ задачъ, надъ прохожденіемъ правильнаго курса школы, когда ему кружилъ голову этотъ свой обаятельный міръ чувствъ, фантазіи, настроеній и общихъ похвалъ. Естественно, что Покровскій, побившись нѣсколько времени съ разсѣяннымъ и отвлеченнымъ отъ школы ученикомъ, настоялъ, чтобъ его взяли изъ училища.

Такимъ образомъ, Покровскій своими требованіями школьной работы только досаждалъ мальчику, и едва ли могъ въ это время привить ему тѣ серьезные взгляды на жизнь, которыми самъ отличался; слишкомъ не въ пору попали его совѣты для увлеченнаго мальчика, но зато онъ могъ повліять на него иначе. Его характерная для XVIII в. фразистость чувствительныхъ рѣчей могла воодушевлять впечатлительнаго мальчика высокими словами: *добродѣтель, правосудіе, счастье людей* и т. п.; ребенка могъ трогать и меланхолическій тонъ Покровскаго.

Съ невольнымъ выходомъ изъ школы Васенька сталъ продолжать свое воспитаніе въ домѣ Юшковой, все въ той же изнѣживающей атмосферѣ, подъ руководствомъ преимущественно гувернантокъ; французскій языкъ былъ на первомъ планѣ, нѣмецкимъ онъ не очень усердно занимался; по крайней мѣрѣ, и черезъ 10 лѣтъ послѣ этого онъ все еще не владѣлъ этимъ языкомъ. Въ курсъ преподаванія входила и пресловутая *mythologie*, какъ можно судить по дѣтскимъ письмамъ Авдотьи Петровны, гдѣ она называетъ мальчика, повидимому, избалованнаго ихъ поклоненіемъ, «Le Jupiter de mon coeur» (Юпитеръ моего сердца).

Въ этой домашней обстановкѣ ученья уже вполнѣ могла развиваться мечтательность Жуковскаго, не занятаго серьезною образовательною работою, и не на чемъ было воспитаться наблюдательности зоркаго къ жизни реалиста, не на чемъ было окрѣпнуть характеру. «Я не пріученъ ни къ какой дѣятельности, ни къ душевной, ни къ тѣлесной, — писалъ онъ А. И. Тургеневу 8 янв. 1806 г. изъ Бѣлева, — слѣдовательно не увѣренъ, могу ли съ чѣмъ-нибудь бороться и что-нибудь побѣдить». То же подтверждаютъ и его слова въ письмѣ М. А. Протасовой (отъ 25 дек. 1815). «Я знаю по собственному опыту, какъ нужно пособіе, и какъ человѣкъ слабъ одинъ». Онъ былъ совсѣмъ не приготовленъ воспитавшей его средой для житейской борьбы, и кн. П. А. Вяземскій былъ правъ, когда писалъ А. И. Тургеневу, во

время одного изъ случаевъ острой борьбы арзамасцевъ: «Отъ Жуковскаго ждать нечего». При всякихъ столкновеніяхъ съ людьми, даже при простыхъ встрѣчахъ съ ними, онъ скорѣе всего былъ готовъ уступить. «Зачѣмъ позволяю себѣ не думать», заноситъ онъ въ свой дневникъ (2 декабря 1817 г.), «и такъ часто въ пустякахъ къ другимъ приноравливаться!.. Надобно пріучить себя менѣе уважать одобреніе другихъ и единственно довольствоваться собственнымъ одобреніемъ». Именно въ тѣ годы, когда люди переходятъ отъ отрочества къ юности, подготовилась та мечтательность, которая всю жизнь заставляла Жуковскаго гораздо болѣе жить воображеніемъ, чѣмъ серьезною и упорною работою реальной мысли. «Я очень мало размышлялъ въ связи, — пишетъ онъ въ дневникѣ (1805 г. 4 мая), — и думаю, что еще долго порядочно размышлять не буду».

22-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, когда другіе наиболѣе бодро рвутся къ живому дѣлу, онъ могъ опредѣлять свое душевное состояніе такими словами: «Я нынче въ какомъ-то *пріятно-унылом*ъ расположеніи. Не думая ни о чемъ, задумчивъ. Мнѣ пріятно было смотрѣть на отдаленія, покрытыя вечернею тѣнью. Эта неясность и отдаленность всегда имѣетъ трогательное вліяніе на сердце». Въ поэтическихъ своихъ произведеніяхъ онъ не разъ упоминаетъ, что «мечтаетъ и блаженъ», что «за нимъ всюду летаютъ мечты», что онъ «играетъ призраками и счастливъ» и ставитъ вопросъ:

Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?

Къ нему, какъ ни къ кому, идутъ слова Гете, сказанныя во вступленіи къ Фаусту:

И вновь дѣйствительность темнѣетъ предо мной,
И снова я живу любимою мечтой.

Онъ сохранилъ и въ зрѣломъ возрастѣ способность краснѣть на придворныхъ обѣдахъ, какъ дѣвушка, безъ причины, что его страшно смущало (Дн. 14 авг. 1819 г.).

Но какъ бы ни были велики эти слабости, развившіяся въ Жуковскомъ подъ вліяніемъ женскаго поверхностнаго воспитанія и ранней приподнятости эстетическихъ чувствъ, нужно отдать справедливость, что эти же условія жизни дали Жуковскому и огромное достоинство: они сохранили за нимъ благородный идеализмъ и замѣчательную чистоту сердца, привлекавшую къ нему его товарищей и сдѣлавшую изъ него вѣрнаго и преданнаго друга тѣхъ людей, къ которымъ онъ разъ привязался. Пушкинъ называлъ его «идолъ дѣвственныхъ сердецъ». Жуковскій «можетъ споткнуться разсудкомъ ребяческимъ, но вѣрно не сердцемъ» писалъ про него кн. Вяземскій Тургеневу, а слова Вяземскаго въ оцѣнкѣ нравственной личности Жуковскаго, въ данномъ случаѣ, очень важны, и потому, что онъ близко зналъ Жуковскаго, и потому, что при благородствѣ собственнаго характера, при большихъ нравственныхъ требованіяхъ къ людямъ и жизни, и трезвомъ умѣ — онъ былъ хорошій судья въ этомъ дѣлѣ.

Жизнь Жуковскаго въ домѣ Юшковыхъ была прервана только разъ, мѣсяца на четыре, его отъѣздомъ въ городъ Кексгольмъ. Родные хотѣли, по обычаю того времени, записать мальчика въ какой-либо полкъ, и одинъ ихъ знакомый — майоръ Дмитрій Гавриловичъ Постниковъ предложилъ свезти его явиться на службу въ Кексгольмъ, въ Нарвскій пѣхотный полкъ, куда онъ былъ записанъ со дня рожденія, и гдѣ прежде служилъ его отецъ. Въ 1795 году 12-лѣтній «Васенька» отправился съ нимъ въ Кексгольмъ, прожилъ тамъ около 4 мѣсяцевъ и, обстриженный вглядь, вернулся домой, а его подруги сожалѣли о его прежнихъ прекрасныхъ длинныхъ волосахъ. Судя по его письмамъ изъ Кексгольма къ матери, жизнь его въ крѣпости вовсе не была пріученіемъ къ фрунтовой жизни, хотя онъ и упоминаетъ въ одномъ письмѣ «учусь ружьемъ». Мальчика, повидимому, и здѣсь баловали: «Со многими офицерами свелъ знакомство, — пишетъ онъ матери, — и много обязанъ ихъ ласками». Маль-

чикъ увлекался тамъ военными зрѣлищами, любовался пушеч ной «пальбой со всѣхъ бастіоновъ крѣпости» по случаю пріѣзда графа Суворова, побывалъ даже въ «маскарадѣ» тѣмъ и кончилось его военное воспитаніе. «Его письма к матери за это время показываютъ, что, несмотря на то, чт онъ значительную часть своей жизни проводилъ вдали от нея; несмотря на увлекательность этой жизни, онъ не забы валъ Елизаветы Дементьевны, былъ къ ней привязанъ Правда, его дѣтскія письма, какъ всѣ дѣтскія письма кратки, но весь тонъ ихъ несомнѣнно подтверждаетъ, чт онъ былъ и любящій, и, какъ самъ подписывался под письмами, «послушный сынъ Василька».

Эти отношенія къ матери Жуковскій сохранялъ вплот до ея смерти (25 мая 1811 г.). Мать безконечно любил его; ея письма полны заботъ объ его здоровьѣ, о его ма теріальномъ положеніи. Въ одномъ письмѣ она пишетъ: «По жалуйста, Василька, учись хозяйничать. Ты знаешь, что вс радости мои, надежда, все отъ тебя зависитъ... Поручаю тебя въ милость Божію. Многолюбящая тебя мать и вѣрны твой другъ Лисавета Жуковская» (1799 г. 6 апр.). Когда Жуковскій уже 18-лѣтнимъ юношей перетратилъ изъ при сланныхъ ему матерью денегъ 25 р. на книги, то Елизавет Дементьевна ему писала: «На первый разъ прощаю и позво ляю оставленные на книги 25 руб. употребить», а рукой Марьи Григорьевны на письмѣ была сдѣлана приписка: «Мат не сердилась и ничего не сказала». Въ этихъ простыхъ сло вахъ чувствуется много любви со стороны обѣихъ женщинъ

Такъ проходили дѣтство и юность Жуковскаго, дававшія ему много дружбы и привязанности, а среди младшихъ по другъ даже поклоненія. Правда, могли закрадываться в душу и мучительныя мысли о происхожденіи, о положеніи его матери, но трудно думать, чтобы онѣ не ослаблялис обстановкой дружбы и баловства.

II.

Университетскій Благородный пансіонъ. — Его задачи и пріемы воспитанія. — А. А. Прокоповичъ-Антонскій. — Слава пансіона. — Семья Тургеневыхъ и ея друзья. — Роль Пансіона и кружка Тургеневыхъ въ развитіи Жуковскаго.

По мѣрѣ того, какъ Жуковскій подросталъ, все болѣе выяснялось, что необходимо учить его болѣе серьезно, и на домашнемъ совѣтѣ положили везти его въ Москву. Тамъ нашлась близкая Бунинымъ семья Тургеневыхъ, дружественно расположенная къ Бунинымъ; глава этой семьи, Иванъ Петровичъ, былъ директоромъ Московскаго университета, и, ввѣряя молодого человѣка покровительству этой семьи, Жуковскаго въ январѣ 1797 г. отвезли учиться въ Московскій Университетскій Благородный пансіонъ.

Давно пора было оторвать юношу отъ изнѣживающей обстановки и поставить въ условія, которыя заставили бы его серьезно думать и работать.

Пребываніе В. А. Жуковскаго въ Благородномъ Университетскомъ пансіонѣ занимаетъ время отъ 1797 до 1801 года. Этотъ періодъ его жизни заслуживаетъ особеннаго вниманія, во-первыхъ, потому, что возрастъ юноши отъ 15 до 18 лѣтъ всегда наиболѣе воспріимчивъ: на этой переходной ступени отъ юности къ мужеству люди обыкновенно начинаютъ складываться болѣе опредѣленно, начинаютъ больше вдумываться въ жизнь, а, во-вторыхъ, потому, что среда, въ которую попалъ теперь Жуковскій, дѣйствительно, оказала сильное вліяніе на послѣдующее его развитіе: здѣсь сложились и проявились его первыя литературныя стремленія, здѣсь завязались и тѣ дружескія отношенія, которыя остались неразрывными и самыми лучшими въ жизни Жуковскаго, и даже опредѣлили послѣдующее его общественное положеніе.

Годъ учрежденія Благороднаго пансіона при Московскомъ университетѣ самимъ университетомъ опредѣляется различно:

то относится къ 1776 году, то къ 1779. Сначала воспитанники этого пансіона посѣщали Дворянскую университетскую гимназію, затѣмъ, когда число ихъ разрослось, пансіонъ съ университетскаго двора былъ переведенъ въ 1790 г. на Тверскую, въ домъ межевой канцеляріи, пожалованный университету императрицей. Въ 1791 году инспекторомъ пансіона былъ назначенъ его преподаватель естественной исторіи Прокоповичъ-Антонскій, и уже при немъ и по его мысли пансіонъ былъ преобразованъ въ самостоятельное учебное заведеніе, съ новою программою, имѣвшею цѣлью подготовить молодыхъ людей къ *военной и гражданской службѣ*. Руководитель учебнаго заведенія Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій былъ убѣжденъ, что «умъ молодыхъ людей преимущественно должно обогащать тѣми знаніями, кои больше имѣютъ отношенія къ будущему ихъ состоянію».

Кончившіе въ немъ курсъ теряли право поступленія въ университетъ. Основныя измѣненія программы заключались въ упраздненіи преподаванія древнихъ языковъ, въ поставленіи на первый планъ исторіи, какъ главнаго предмета, и за ней физическихъ и математическихъ предметовъ. Учебное заведеніе преслѣдовало цѣли практической дѣятельности, гналось за многопредметностью, и въ общемъ давало поверхностное образованіе, но судьба столкнула здѣсь Жуковскаго съ цѣлымъ рядомъ лицъ, серьезно думавшихъ, интересовавшихся литературой, и, не развлекаемый болѣе домашними условіями, онъ здѣсь сталъ усердно учиться и кончилъ это учебное заведеніе первымъ ученикомъ, награжденный всѣми отличіями, какія давалъ пансіонъ лучшимъ ученикамъ. Официальные акты пансіона даютъ ясное представленіе, какъ объ успѣхахъ Жуковскаго, такъ и о тѣхъ сторонахъ ученія, которыми хотѣлъ блеснуть пансіонъ въ свои торжественные дни «въ присутствіи ихъ превосходительствъ г. куратора университета и г. директора, также гг. профессоровъ философскаго факультета и нѣкоторыхъ изъ знатныхъ посѣтителей».

Уже 19 декабря 1797 г. «послѣ танцевъ и фехтованія двое изъ воспитанниковъ читали стихи своего сочиненія: 1)—Александръ Чемезовъ: *Къ счастливой юности*. 2)—Василій Жуковскій *Оду: Благоденствіе Россіи, устрояемое великимъ самодержцемъ ея Павломъ Первымъ...*» Среди другихъ воспитанниковъ и Жуковскій получилъ серебряный листъ и книгу. Въ отчетѣ объ актѣ 21 декабря 1799 года говорится: «послѣ фехтованія и танцевъ двое изъ воспитанниковъ читали стихи своего сочиненія: 1)—Семенъ Родзянка подъ заглавіемъ: *Слава*, а 2)—Василій Жуковскій—подъ заглавіемъ: *Могущество, слава и благоденствіе Россіи...* Признанъ *первымъ* воспитанникомъ Василій Жуковскій, получилъ въ награжденіе *одобрительный листъ и серебряную медаль съ именемъ...* Чертежи военной архитектуры, какъ лучшіе, остаются въ пансіонной залѣ—Аѳанасія Офросимова... а картины Василія Жуковскаго, Павла Чернявскаго и Аггея Абазы». За годъ передъ этимъ Жуковскій читалъ на актѣ свое стихотвореніе *Добродѣтель*.

Бѣглый обзоръ этого лучшаго, что выставлялъ пансіонъ передъ своими почетными посѣтителями, уже даетъ понятіе объ утилитарномъ направленіи учебнаго заведенія, готовящаго къ военной и гражданской службѣ: здѣсь и патріотическія стихотворенія, и фехтованіе, и танцы, и военные чертежи, и рисованіе—всего понемногу.

Отъ этой показной и офиціальной стороны стоитъ перейти къ тому, какъ жили ученики въ самомъ пансіонѣ и съ какими дѣйствительными свѣдѣніями кончали курсъ. Общее направленіе пансіона было реакціей противъ идей конца XVIII вѣка. Здѣсь Жуковскій, какъ обязательное чтеніе, имѣлъ передъ собою «Мистическія толкованія извѣстнаго протестантскаго проповѣдника и слагателя духовныхъ пѣсней Христофа Христіана Штурма», отпечатанныя трудами «Компаніи типографической», и представляющія энциклопедію естествознанія, проникнутую религіозною мыслью. Поэтическое чувство автора едвали могло пройти безслѣдно для

Жуковскаго и должно было вліять и на его міросозерцаніе. Въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» онъ находилъ въ это время статьи бывшаго своего учителя Покровскаго, написанныя на религіозныя и нравственныя темы. Подготовка къ будущему общественному положенію воспитанниковъ отчасти выражалась и въ томъ, что, какъ обязательное руководство для внѣкласснаго чтенія воспитанниковъ, въ пансіонѣ была принята «Книга Премудрости и добродѣтели», гдѣ ученики читали доказательства необходимости рабства: «оно есть опредѣленіе Божіе и имѣетъ многія выгоды: оно устраняетъ отъ тебя (обращается авторъ книги къ рабу) заботы и прискорбія жизни. Честь раба есть его вѣрность, отличныя добродѣтели его суть — покорность и послушаніе». Французскій языкъ господствовалъ, какъ языкъ нужный дворянскому сословію, и Жуковскій долго еще по окончаніи курса долженъ былъ работать самъ надъ усвоеніемъ нѣмецкаго языка. Въ старшіе классы Антонскій приглашалъ лучшихъ преподавателей, а о младшихъ заботился менѣе, такъ что въ старшіе классы ученики поступали не очень подготовленными. Какъ проходилась исторія, поставленная Антонскимъ главнымъ предметомъ, можно судить по слѣдующимъ словамъ перваго ученика пансіона — Жуковскаго, сказаннымъ вскорѣ послѣ окончанія курса: «Я совершенный невѣжда въ исторіи... мнѣ нужна будетъ какая-нибудь *краткая*, но хотя нѣсколько сносная *русская исторійка*... Ахъ, братъ, сколько погибло времени!» (письмо къ А. Тургеневу 7 нояб. 1810 г.). Въ 1816 году, 7 ноября, онъ писалъ изъ Дерпта А. П. Елагиной: «Для мужчины, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, въ которомъ отъ другихъ отставать не должно, въ этихъ наукахъ (исторіи, географіи, натуральной исторіи) нужно знаніе *фундаментальное* — я самъ вамъ въ этомъ примѣръ! Мнѣ часто приходитъ плохо отъ недостатка въ этомъ фундаментальномъ знаніи! И я бы не желалъ, чтобы съ дѣтьми вашими было то же, что со мною». Одинъ изъ случаевъ такого затрудненія отъ недостатка свѣдѣній

онъ указалъ въ письмѣ къ Полетикѣ. «Я, къ несчастію, не ученый; посреди просвѣщенной Европы такой недостатокъ живо чувствителенъ». Такъ писалъ онъ въ 1821 году, когда уже прошло много времени послѣ окончанія пансіона, и онъ успѣлъ значительно пополнить свои знанія самостоятельнымъ трудомъ.

Въ дневникѣ (20 августа 1805 года) онъ записалъ: «Я не испорченъ, но я нимало не образованъ». Правда, въ 1806 году онъ записалъ тутъ же неясную фразу: «Что помѣшало хорошо воспользоваться пенсіономъ?», какъ будто вина въ недостаткѣ свѣдѣній себя, а не учебное заведеніе, но для насъ въ данномъ случаѣ гораздо важнѣе при оцѣнкѣ учебнаго заведенія, что оно само признало свѣдѣнія Жуковскаго образцовыми и наградило его, какъ лучшаго своего ученика. Да и странно было бы думать, что юноша Жуковскій съ той безпорядочной и поверхностной подготовкой, которую онъ получилъ въ домашней обстановкѣ Юшковыхъ, могъ бы такъ сразу начать преуспѣвать въ серьезной и требовательной общеобразовательной школѣ. Своимъ большимъ, хотя, можетъ-быть, и одностороннимъ образованіемъ Жуковскій гораздо болѣе былъ обязанъ себѣ самому уже въ позднѣйшіе годы жизни, а, что въ это время самъ онъ не очень былъ удовлетворенъ Благороднымъ пансіономъ, видно изъ словъ того же письма, отъ 1816 г., гдѣ онъ совѣтуетъ Елагиной подготовить своихъ сыновей отъ перваго брака (братьевъ Кирѣевскихъ), не въ Благородный пансіонъ, а въ университетъ, выражая увѣренность, что «университетъ, не повредя бы ихъ нравственности, приготовилъ бы ихъ для *дѣятельной* жизни». Явно, что отвлеченная фразистость пансіона на благородныя темы о добродѣтели, счастьи и т. п. не удовлетворяла впослѣдствіи и Жуковскаго. Правда, въ полуофиціальной перепискѣ Жуковскій отзывался объ этомъ учебномъ заведеніи благосклонно, но для настоящаго его представленія о немъ для насъ важнѣе вышеприведенная истинная его переписка съ друзьями. Воспитательные пріемы

пансіона возбуждаютъ теперь въ насъ болѣе, чѣмъ сомнѣніе: въ надзорѣ за воспитанниками, напримѣръ, практиковалась система доносовъ. Въ наставленіи Жуковскому и его товарищу Антонскій рекомендовалъ имъ, какъ старшимъ воспитанникамъ, слѣдить за поведеніемъ среднихъ и меньшихъ, причемъ въ случаѣ провинностей какого-либо ученика «каждый изъ лучшихъ, среднихъ и меньшихъ, — говорилъ онъ, — даетъ вамъ *тихонько* знать о такомъ своемъ сверстникѣ». Антонскій считался тогда прекраснымъ педагогомъ, и мнѣніе это отчасти подтверждается добрыми отношеніями къ нему учениковъ, даже такихъ прямыхъ и развитыхъ, какъ Петинъ. Когда Антонскому хотѣлось перейти директоромъ въ Царско-Сельскій лицей, что, кстати сказать, не свидѣтельствуетъ о большой его привязанности къ своему пансіону, то министръ народнаго просвѣщенія отказалъ въ ходатайствѣ Жуковскаго по этому дѣлу, говоря, что пансіонъ погибнетъ безъ Антонскаго. Жуковскій до конца жизни остался съ нимъ въ добрыхъ отношеніяхъ, въ интимной перепискѣ называлъ его своимъ «благодѣтелемъ» и сохранялъ къ нему «въ сердцѣ благодарное уваженіе». Пріѣзжая въ Москву уже самостоятельнымъ, взрослымъ человѣкомъ, онъ нерѣдко останавливался у Антонскаго. Но, вѣроятно, въ этихъ отношеніяхъ гораздо большую роль играло простосердечіе поэта, чѣмъ личность бывшаго его инспектора. Болѣе проницательные люди, какъ Мерзляковъ, Воейковъ, Вяземскій отзывались объ немъ насмѣшливо, видѣли въ немъ неискренность, и Вяземскій для характеристики Антонскаго приводитъ въ письмѣ къ Тургеневу отъ 8 ноября 1818 г. такое трехстишіе Воейкова:

Превосходительный профессоръ нашъ Ханжеевъ!
Всѣмъ недоволенъ онъ, всѣхъ судитъ, всѣхъ бранитъ,
А самъ... подъ вѣрный лишь закладъ благотворитъ.

(Ост. Арх. I, 172 ст.).

Что послѣдняя строка этого злого стихотворенія написана не безъ нѣкотораго основанія, видно изъ писемъ Жуковскаго

къ Антонскому, гдѣ дѣло идетъ о неуплаченныхъ имъ Антонскому процентахъ по векселямъ. А. И. Тургеневъ писалъ своему брату Николаю въ 1827 г. изъ Лейпцига: «Опять слушалъ Линднера о педагогикѣ и опять съ большимъ любопытствомъ, ибо онъ сильно нападалъ на недостатки здѣшнихъ и вообще нѣмецкихъ педагоговъ и управленія училищнаго. Что бы сказалъ онъ при видѣ Антонскаго педагогики? Почти всѣ замѣченные недостатки существуютъ у Антонскаго». Намъ представляется, что слава объ Антонскомъ, какъ о педагогѣ, гораздо больше опредѣляется его умѣньемъ показать свое дѣло, чѣмъ дѣйствительною вѣрностью и глубиною его педагогическихъ воззрѣній, хотя, повидимому, были въ немъ и нѣкоторыя привлекательныя свойства.

Подводя итоги оцѣнкѣ этого учебнаго заведенія, преслѣдовавшаго утилитарныя цѣли, съ его выставочными торжественными актами, съ пестротою многопредметной и поверхностной программы, съ главенствомъ моднаго французскаго языка, съ сомнительными педагогическими пріемами распознаванія проступковъ воспитанниковъ и торжественными словами о добродѣтели, съ проповѣдью рабства въ обязательномъ внѣклассномъ чтеніи, невольно ставишь себѣ вопросъ, чѣмъ же объясняется слава этого учебнаго заведенія, и чѣмъ объяснить, что изъ его стѣнъ вышло столько прекрасныхъ дѣятелей?

Намъ кажется, что объясненіе этому находится, во-первыхъ, въ томъ, что Благородный (дворянскій) пансіонъ могъ соотвѣтствовать вполнѣ сословному духу своего времени, угаданному Антонскимъ, во-вторыхъ, тѣмъ, что дворянство, обучавшееся въ этомъ пансіонѣ, было наиболѣе образованнымъ тогда сословіемъ, и при продолжительности существованія пансіона (отъ 1776 г. до 1833 г., когда, въ директорство Старынкевича, пансіонъ былъ преобразованъ въ Дворянскій институтъ), можно было насчитать десятка полтора окончившихъ въ немъ курсъ выдающихся личностей, на очень многихъ заурядныхъ и плохихъ, и, наконецъ, въ

третьихъ — главнымъ образомъ нѣкоторыми общественными условіями времени, которыя, помимо педагогической системы пансіона, могли на него воздѣйствовать. Это была гораздо болѣе черта времени, чѣмъ заслуга самого пансіона.[1]) Въ дни расцвѣта пансіона на рубежѣ XVIII и XIX столѣтія въ Москвѣ жили крупнѣйшіе литераторы своего времени, въ ней жили тогда и нѣкоторые опальные петербургскіе вельможи. Литературные интересы въ этой средѣ были живы, эти люди интересовались пансіономъ, бывали въ немъ, поддерживали литературныя стремленія старшихъ воспитанниковъ присутствіемъ на ихъ литературныхъ бесѣдахъ. Если и были обязаны ученики чѣмъ-либо пансіону, то прежде всего свободою въ старшихъ классахъ. Свобода ихъ простиралась до того, что имъ бы разрѣшено даже устроить литературныя собранія, первымъ предсѣдателемъ которыхъ былъ воспитанникъ пансіона Василій Жуковскій, а засѣданія посѣщали Карамзинъ, на котораго тогда молились, и Дмитріевъ, который, по словамъ Жуковскаго, былъ для него «второю ипостасью Карамзина». Засѣданія эти устраивались довольно часто: разъ или два въ недѣлю отъ 6 до 10 вечера; участники и ужинали позднѣе. Собранія прекращались только къ веснѣ, по случаю подготовки къ экзаменамъ, а частію потому, что по вечерамъ въ это время начинались «военныя екзерциціи», какъ видно изъ протокола собраній отъ 18 мая 1799 г. Пансіонъ предоставлялъ воспитанникамъ возможность товарищеской взаимопомощи въ дѣлѣ самообразованія, а условія общественной жизни того времени благопріятствовали литературному направленію этого образованія. «Москва, — писалъ Батюшковъ о допожарной Москвѣ, — есть большой провинціальный городъ, единственный несравненный, ибо, что значитъ имя столицы безъ двора? Москва идетъ сама

---

[1]) Стоитъ припомнить въ данномъ случаѣ общее литературное направленіе учебныхъ заведеній того времени: какъ, напр., Царкосельскаго и Нѣжинскаго лицеевъ.

собой къ образованію, ибо на нее почти никакія обстоятельства не дѣйствуютъ». Карамзинъ съ гордостью называлъ Москву «столицей россійскаго дворянства», куда охотнѣе, чѣмъ въ Петербургъ, «отцы везутъ дѣтей для воспитанія, и люди свободные ѣдутъ наслаждаться пріятностями общежитія».

Что именно товарищество и среда повліяли здѣсь на Жуковскаго, можно видѣть изъ многаго. Припомнимъ, что Бунины, отправляя «Васеньку» въ пансіонъ, разсчитывали на покровительство для него семьи директора университета, Ивана Петровича Тургенева. Расчеты ихъ на это покровительство вполнѣ оправдались: «Васенька» былъ принятъ въ эту семью, какъ родной, а семья была замѣчательная.

Глава семьи, И. П. Тургеневъ, былъ однимъ изъ лучшихъ представителей конца XVIII в., другъ Новикова, бывшій членъ Дружескаго Общества, масонъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, безъ какихъ бы то ни было мистическихъ увлеченій — этотъ старикъ «жилъ своими сыновьями». Эту замѣчательную личность Жуковскій характеризовалъ, уже будучи взрослымъ 30-лѣтнимъ человѣкомъ, въ такихъ словахъ: «Любовь его къ дѣтямъ была товариществомъ зрѣлаго опытнаго мужа съ юношами, привязанными къ нему свободною довѣренностью, сходствомъ мыслей и чувствъ, и самою нѣжною благодарностью.

Его сѣдинъ свобода не чуждалась...
О, нѣтъ! онъ былъ милѣйшій намъ собратъ,
Онъ отдыхалъ отъ жизни между нами,
Отъ сердца даръ его былъ каждый взглядъ,
И онъ друзей не рознилъ съ сыновьями!

Это изображеніе самое вѣрное. Нельзя безъ сладкаго чувства вспомнить объ этомъ старцѣ. Онъ былъ живой юноша въ кругу молодыхъ людей, изъ которыхъ каждый готовъ былъ сказать ему все, что имѣлъ на сердцѣ, будучи привлеченъ его прямодушіемъ, отеческимъ участіемъ, веселостью, простотою».

Сыновья Тургенева были въ отца. Особенно привлекалъ къ себѣ Жуковскаго старшій изъ нихъ Андрей, съ 1799 года уже студентъ университета: онъ былъ центромъ ихъ молодого кружка.

Къ нему именно относятся слова посланія Жуковскаго:

Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ!
Сколь былъ онъ простъ, нескрытенъ въ разговорѣ,
Какъ для друзей всю душу обнажалъ,
Какъ взоръ его во глубь сердецъ вникалъ!
Высокій духъ пылалъ въ семъ быстромъ взорѣ,
Бывало, онъ, съ отцомъ рука съ рукой,
Входилъ въ нашъ кругъ — и радость съ нимъ являлась.

Именно къ этимъ двумъ лицамъ, преждевременная смерть которыхъ рано разлучила съ ними нашего поэта, можно отнести его сожалѣніе объ утратѣ тѣхъ двухъ, «которые такъ много и такъ мало на него дѣйствовали». Послѣ смерти Андрея Ивановича Жуковскій писалъ старику Тургеневу: «Любя васъ лично, какъ добродѣтельнаго человѣка, котораго примѣръ почитаю благодѣяніемъ, буду еще больше любить въ васъ отца моего истиннаго друга». Чрезвычайно любопытны тѣ письма Жуковскаго, гдѣ онъ самъ сравниваетъ для себя значеніе общихъ условій своего воспитанія съ тѣмъ вліяніемъ, которое оказывала на него семья Тургеневыхъ. «Ты, — пишетъ онъ А. И. Тургеневу, въ 1806 г., съ которымъ воспитывался въ Благородномъ пансіонѣ, — имѣлъ передъ собою брата, батюшку — какіе люди! но я вѣчно прозябалъ, почти одинъ, хуже, нежели одинъ, потому что не былъ оставленъ, не былъ брошенъ, слѣдовательно, не имѣлъ нужды дѣйствовать, могъ спать умомъ и тѣломъ, и спалъ, и проснулся очень недавно, и по сію пору не умѣю владѣть собою ....Братъ! братъ! Скажу тебѣ, какъ Карлъ Мооръ, который смотритъ на ясное заходящее солнце и вспоминаетъ о томъ, что онъ былъ прежде; я не вспоминаю о прошедшемъ, потому что оно мало оставило на душѣ моей; но воображаю, что бы я былъ, когда бы прошедшее было не

таково, каково оно было! Въ прошедшемъ не вижу *ничего, кромѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ съ братомъ* (Андр. Ив. Тургеневымъ) .....Я долженъ теперь, если можно, побѣдить привычку, уничтожить старое, чтобы поселить въ себѣ что-нибудь хорошее; сверхъ того, необходимо нужно что-нибудь такое, что бы сильно меня къ этому подвинуло, а этой-то побудительной причины мнѣ и недостаетъ. Дай мнѣ понятіе о религіи твоего батюшки... Эти вещи самыя важнѣйшія, потому что на нихъ должно основываться все наше бытіе».

По смерти Ивана Петровича, привязанность Жуковскаго обратилась на Александра Тургенева, о чемъ онъ говорилъ А. Ф. Воейкову въ лучшую пору своихъ отношеній къ нему. «Обними его (А. Тургенева) за двухъ, скажи ему все, что дружба внушитъ твоему сердцу, скажи ему, что *онъ мой братъ*, что я чту память его отца, какъ святыню, и что онъ почти замѣна для меня Андрея».

«Какъ утѣшительно,— писалъ онъ самому А. Тургеневу въ 1815 г., — дать тебѣ названіе брата и всѣ обязанности братства принять на себя и, можетъ-быть, теперь на всю остальную жизнь... Во мнѣ болѣе ребячества и, можетъ-быть, мелкости, нежели въ тебѣ; но понимаемъ другъ друга сердцемъ, и эта связь вѣчная. Я внутреннему своему чувству вѣрю. Оно не опредѣляется словами, но оно ясно».

Другіе два брата Тургеневы, Николай и Сергѣй, также влекли къ себѣ сердце и душу Жуковскаго, особенно Николай, въ которомъ онъ нашелъ «все, о чемъ только могъ мечтать, когда мечталъ о предметахъ высокой нравственности, о душѣ человѣческой, о высокой простотѣ ея и о ея назначеніи».

Можно живо себѣ представить, какъ долженъ былъ отразиться на впечатлительной, благородной юношеской душѣ Жуковскаго весь складъ этой идеально дружной и просвѣщенной семьи. Именно здѣсь предстала передъ нимъ та живая добродѣтель, которая такъ обаятельна въ простомъ и

честномъ своемъ осуществленіи, и о которой въ пансіонѣ произносились только прописныя и сентиментальныя фразы. Именно въ этой атмосферѣ окрѣпло въ немъ убѣжденіе: «Для чего же и жить, какъ не для усовершенствованія своего духа всѣмъ тѣмъ, что есть высокаго и великаго?» При этомъ нужно имѣть въ виду, что не одни только члены семьи Тургеневыхъ могли въ это время вліять на Жуковскаго, но и весь кругъ ихъ знакомства, въ который входили Карамзинъ, Дмитріевъ, старикъ масонъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и имъ подобные. На нихъ юноша взиралъ, какъ на недосягаемые образцы таланта, величія и благородства и, присутствуя на ихъ бесѣдахъ, съ жадностью ловилъ каждое ихъ слово. Онъ всю жизнь считалъ себя обязаннымъ имъ, и уже старикомъ приводилъ въ подтвержденіе собственныхъ мнѣній ихъ взгляды и отдѣльныя выраженія. «Милый, единственный Карамзинъ — образецъ прекраснѣйшаго человѣка», «мой евангелистъ, т.-е., Карамзинъ», вотъ его слова объ извѣстномъ русскомъ писателѣ. Въ 1826 году, въ 40-лѣтнемъ возрастѣ, онъ писалъ А. Тургеневу: «У Николая Михайловича (тогда умиравшаго) цѣлую его руку съ чувствомъ любви сыновней». А Дмитріеву уже старикомъ (51 года) онъ писалъ: «Вы все-таки останетесь для меня на всю мою жизнь второю ипостасью нашего незабвеннаго Николая Михайловича». Оба эти писателя въ то время были новаторами, передовыми людьми, и тѣмъ болѣе могли увлечь за собою молодого человѣка.

Желанію совершенствовать себя и вдумываться въ свою духовную жизнь, «созидать свой внутренній храмъ» могъ особенно способствовать Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. Авторъ книги «О внутренней церкви» пользовался большимъ уваженіемъ въ семьѣ Тургеневыхъ, и дѣти Ивана Петровича вмѣстѣ съ Жуковскимъ называли его «своимъ благодѣтелемъ». Правда, Жуковскій впослѣдствіи относился къ нему уже болѣе критически, но въ юности беззавѣтно вмѣстѣ съ своими молодыми друзьями отдавался его вліянію. Лопухинъ

довершалъ религіозное воспитаніе, которое давали Жуковскому и семья Тургеневыхъ, и внѣклассное пансіонское чтеніе. Именно къ нему обратился впослѣдствіи Жуковскій за разрѣшеніемъ своихъ религіозныхъ сомнѣній, «со страхомъ замѣчая въ себѣ какое-то отдаленіе отъ религіи». Онъ не разъ бывалъ и въ подмосковной усадьбѣ Лопухина — Савинскомъ, и описаніе этой усадьбы, сдѣланное Жуковскимъ, какъ нельзя лучше, передаетъ намъ, какія настроенія и какіе литературные вкусы прививала ему обстановка жизни Лопухина и его литературные вкусы.

«Я видѣлъ, — пишетъ Жуковскій, — въ саду И. В. Лопухина, находящемся верстахъ въ 30 отъ Москвы, въ подмосковномъ его селѣ Савинскомъ, *скромную урну, посвященную памяти Фенелона.* На ровномъ мѣстѣ, гдѣ было топкое болото, явились тѣнистыя рощи, пересѣкаемыя прекрасными дорожками и орошенныя чистою, прозрачною, какъ кристаллъ, водою. Расположеніе сада прекрасно; лучшее въ немъ мѣсто есть *Юніовъ островъ.* Вы видите большое пространство воды. Берегъ осѣненъ рощею, въ которой мелькаетъ *Руссова хижина!* На самой серединѣ озера *Юніовъ островъ,* съ *пустынническою* хижиною и нѣсколькими памятниками, между которыми замѣтите мраморную урну, *посвященную Фенелону.* На одной сторонѣ урны изображена госпожа Гюйонъ, другъ Фенелона, а на другой Ж. Ж. Руссо, стоящій въ размышленіи передъ бюстомъ камбрейскаго архіепископа... Островъ осѣненъ разными деревьями: елями, осинами, березами и другими; его положеніе чрезвычайно живописно; *всего пріятнѣе быть на немъ во время ночи,* когда сіяетъ полная *луна,* воды спокойны, и рощи, окружающія берегъ, отражаются въ нихъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ! Это мѣсто невольно склоняетъ васъ къ какому-то *унылому, пріятному* размышленію». Читая это описаніе, невольно вспоминаешь сентиментальныя Карамзинскія строки и чувствуешь, что все въ кружкѣ Тургеневыхъ сплелось для того, чтобы поддержать въ Жуковскомъ и его благород-

нѣйшіе нравственные запросы, и меланхолическое настроеніе, и, кажется, не будетъ далеко отъ истины сказать, что даже и здѣсь, въ этой образовывающей и воспитывающей обстановкѣ, въ Жуковскомъ росли еще только порывы, крѣпли благородныя стремленія, но еще не начиналась работа серьезной и упорной мысли: судьба столкнула его съ людьми, которые откликались на лучшіе и коренные его душевные задатки, и онъ весь отдался увлеченію этими людьми и поклонялся имъ. По крайней мѣрѣ, по его собственнымъ словамъ видно, что серьезно думать онъ началъ позднѣе. Черезъ 4 года послѣ окончанія курса въ Благородномъ пансіонѣ онъ пишетъ А. Тургеневу изъ Бѣлева: «Я что-то усталъ: вѣдь не вдругъ привыкнешь къ продолжительному *размышленію*. Эта наука труднѣе всякой, особливо, когда человѣкъ прожилъ 23 года на семъ свѣтѣ, не подозрѣвая, чтобы можно было находить пріятность въ размышленіи».

«Но что дѣлать! — пишетъ онъ про Андрея Тургенева. — Даже при жизни его мы не были то, что бы могли быть; въ то время, когда онъ былъ со мною, въ насъ было больше (т.-е., во мнѣ) *ребяческаго энтузіазма;* потомъ мы разстались, потомъ все кончилось... Я потерялъ въ ней (въ его дружбѣ) то, чего не замѣню или чего не возвращу никогда: онъ былъ бы моимъ руководцемъ». (Къ А. Тургеневу 11 сент. 1805 г.).

Послѣ всего сказаннаго становится ясна относительная роль пансіона въ воспитаніи Жуковскаго, и значеніе для него Тургеневыхъ и ихъ друзей. И совершенно естественно, что въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (ч. XVI), въ которомъ такъ чтилась «священная меланхолія» въ поэзіи, появилась характерная для настроенія Жуковскаго статья «Мысли у могилы». Что литературныя и нравственныя стремленія воспитанниковъ Благороднаго пансіона были чертою времени, вынесенною изъ ихъ семействъ и общественныхъ условій, видно изъ того, что и въ университетской средѣ, гдѣ директорствовалъ Иванъ Пет-

ровичъ, были тѣ же стремленія. По крайней мѣрѣ, въ день годовщины основанія Московскаго университета, въ Татьянинъ день, 12 января 1801 г., большею частью *бывшими воспитанниками* университета при участіи воспитанниковъ Благороднаго пансіона, въ числѣ которыхъ былъ и Жуковскій, основано было «Дружеское литературное общество», имѣвшее цѣли литературныя, и цѣли нравственнаго самосовершенствованія, и, наконецъ, и благотворительныя цѣли. Самое названіе этого общества и его задачи ясно намекаютъ на преданія Новикова, которыя черезъ его друзей перешли и въ этотъ кружокъ молодежи. Кружокъ товарищей Жуковскаго все расширялся: здѣсь онъ сошелся съ Мерзляковымъ, будущимъ профессоромъ Московскаго университа, а впослѣдствіи сблизился съ Блудовымъ и С. С. Уваровымъ, которые не учились въ Благородномъ пансіонѣ, и получили солидное домашнее классическое образованіе. Еще позднѣе къ кружку Тургеневыхъ и Жуковскаго примкнулъ и князь П. А. Вяземскій.

III.

Попытка Жуковскаго служить. — Выходъ въ отставку, жизнь и настроеніе его въ деревнѣ. — Занятія съ племянницами. — Любовь въ Марьѣ Андреевнѣ. — Редактированіе „Вѣстника Европы“. — Оставленіе редакторства и новый переѣздъ въ деревню. — Предложеніе Уварова. — Отказъ Екатерины Аѳанасьевны и поступленіе Жуковскаго въ ополченіе. — Жизнь его въ Муратовѣ. — Появленіе Воейкова. — Долбино.

По окончаніи Благороднаго пансіона, по настоянію родныхъ, Жуковскій поступилъ было на службу въ Московскую Контору Соляныхъ Дѣлъ, но слишкомъ уже велика была разница между широкими и поэтическими стремленіями 18-лѣтняго молодого человѣка и канцелярскою службою. Не прослуживъ здѣсь и году, въ 1802 году, онъ извѣстилъ своихъ родныхъ, что выходитъ въ отставку. Эта отставка, повидимому, ихъ очень огорчила: съ нею рушились, вѣроятно, ожиданія ихъ для Васеньки хорошей служебной дороги.

«Я матушкѣ твоей письмо не дала, — отвѣчала ему Марья Григорьевна на извѣстіе о рѣшеніи выдти въ отставку. — Она очень грустить будетъ, а лучше самъ пріѣдешь, такъ и она спокойна будетъ, а твое письмо ты писалъ въ горячкѣ самой, то могъ бы ее убить. Словомъ, тебѣ скажу, что всякая служба требуетъ терпѣнія, а ты его не имѣешь. Теперь осталось тебѣ ѣхать ко мнѣ и ранжировать свои дѣла съ господами книжниками. Мадамъ ѣдетъ наша въ Москву, вотъ и лошади готовы. Если мало, то найми еще и пріѣзжай. Посовѣтовайся съ своими тамъ милостивцами, какъ они тебѣ скажутъ. Я писала къ Авдотьѣ Аѳанасьевнѣ, чтобы тебя отставить, и паспортъ дали порядочный, а то мнѣ очень больно; у меня никто не знаетъ про это, только Петръ Николаевичъ [1]), да Анюта [2]). Ну, ранжируйся самъ хорошенько. Прости, пріѣзжай».

Получивъ это дружеское приглашеніе, въ которомъ замѣтно такъ много заботы и любви къ нему родныхъ, Жуковскій подалъ въ отставку и отправился въ Мишенское.

Онъ пріѣхалъ на родину искать успокоенія отъ своей неудачи, ему хотѣлось здѣсь на волѣ поработать надъ своимъ самообразованіемъ и попробовать свои силы въ литературѣ. Мысль о службѣ была покинута навсегда: «Польза есть цѣль службы, — писалъ онъ; — кто неспособенъ къ ней достигнуть, тотъ не служи и выбери для себя кругъ тѣснѣйшій, цѣль ближайшую и вѣрнѣйшую... Служить для собственной выгоды есть отдѣлять ее отъ общей, думать о корысти, а не о чести» (Дневн. 5 авг. 1804 г.).

Значительная собранная имъ библіотека, состоявшая большею частью изъ историческихъ сочиненій на нѣмецкомъ, англійскомъ, а главнымъ образомъ на французскомъ языкѣ, который онъ лучше другихъ зналъ въ это время, способствовала его намѣренію учиться. Онъ продолжалъ пополнять ее, бывая въ Москвѣ, гдѣ останавливался то

[1]) Юшковъ. [2]) Старшая его дочь.

въ «небольшой комнаткѣ» у Антонскаго, то у недавно тогда овдовѣвшаго Карамзина, въ Кунцовѣ или Свирловѣ. Друзья также присылали ему книги, особенно Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

Первое время своего пріѣзда въ Мишенское онъ былъ мало дѣятеленъ. Чувствительный отъ природы, привезя съ собою въ деревню ту «священную меланхолію», которая навѣяна была обстановкой московскаго воспитанія, онъ не сразу могъ и здѣсь приняться за настойчивую и серьезную работу, тѣмъ болѣе, что среди встрѣтившей его въ Мишенскомъ любви, онъ теперь могъ глубже, чѣмъ ранѣе, чувствовать неравное съ другими членами дома семьи положеніе своей матери, а, можетъ-быть, и свое собственное. Послѣднее особенно видно изъ одной замѣтки въ его дневникѣ: «Какъ прошла моя молодость!.. не имѣя своего семейства, въ которомъ бы я что нибудь значилъ, я видѣлъ вокругъ себя людей мнѣ коротко знакомыхъ, потому что я былъ передъ ними выращенъ, но не видалъ родныхъ, мнѣ принадлежащихъ по праву, я привыкалъ отдѣлять себя ото всѣхъ... всякое участіе ко мнѣ казалось мнѣ милостью».

Правда, эти слова были сказаны, по его собственному выраженію, «въ дурномъ расположеніи духа», но и въ такомъ настроеніи горькое чувство должно было имѣть какое-либо основаніе въ дѣйствительности, хотя, быть-можетъ, и правильнѣе предположить, что истинной причиной его меланхолическаго настроенія была его повышенная сентиментальность. Именно въ этотъ періодъ переведена имъ Греева элегія «Сельское кладбище» (1802 г.), и въ этомъ переводѣ нельзя не видѣть собственнаго задушевнаго лиризма начинавшаго русскаго автора. Онъ рѣшился послать свой переводъ въ «Вѣстникъ Европы» Карамзину, и вся молодая компанія, населявшая домъ Буниныхъ, съ тревогой ожидала, какъ отнесется знаменитый писатель къ этому произведенію молодого человѣка. Къ общему семейному торжеству, элегія была помѣщена въ журналѣ, и даже было присоединено

къ ней одобрительное замѣчаніе Карамзина. Съ этихъ поръ имя Жуковскаго становится извѣстнымъ, и опредѣляется его будущая дѣятельность.

Между тѣмъ, жизнь его продолжала идти скорѣе вяло. Погруженный въ разборъ своихъ склонностей, онъ часто упрекаетъ себя въ своемъ дневникѣ за лѣнь, нерадѣніе, понукаетъ себя къ занятіямъ, мечтаетъ о поѣздкѣ въ Петербургъ, о путешествіи за границу съ Мерзляковымъ и рисуетъ передъ собою идиллическое счастье, въ которомъ такъ и чувствуется общій нѣсколько прописной образецъ, вывезенный имъ изъ Москвы, даже въ самихъ выраженіяхъ, которыми онъ опредѣляетъ это счастье: «Спокойная, невинная жизнь, занятія, для меня и для другихъ полезныя и пріятныя, дружба, искренняя привязанность къ моимъ ближнимъ друзьямъ и, наконецъ, если бы было можно, удовольствіе нѣкоторыхъ умѣренныхъ благодѣяній — вотъ всѣ мои требованія отъ Провидѣнія!»

Самое чтеніе служитъ для него прежде всего источникомъ того личнаго совершенствованія, стремленіе къ которому онъ вынесъ изъ встрѣчи съ Тургеневскимъ кружкомъ. «Читая всякую книгу, надобно обращать вниманіе на себя, все примѣнять къ себѣ. Говорить: способенъ ли я къ такой добродѣтели? имѣю ли такой порокъ? Какъ пріобрѣсть первую? какъ уничтожить послѣдній» (Дневн. 9 іюля 1805 г.).

Такая въ сущности мало дѣятельная жизнь, которую велъ Жуковскій, проистекала, повидимому, главнымъ образомъ отъ того переходнаго и неопредѣленнаго положенія, которое испытываютъ очень многіе молодые люди нѣкоторое время по окончаніи курса, вслѣдствіе неопредѣленности своихъ желаній и незнакомства со многими сторонами дѣловой жизни. Одинъ заниматься наукой Жуковскій не могъ, и часто жаловался въ это время на отсутствіе руководства, а опредѣленной, реальной цѣли передъ нимъ не было; молодость, какъ ни былъ онъ мечтателенъ, требовала дѣла, а между тѣмъ онъ, въ сущности, самъ не зналъ, чего хотѣлъ, мучаясь

своею бездѣятельностью и находясь въ постоянной борьбѣ между своей меланхоліей, которая начинала уже его тяготить, и исканіемъ дѣятельности. Онъ писалъ А. И. Тургеневу: «Надобно, братъ, и мнѣ, и тебѣ назначить себѣ постоянную цѣль; видя ее вдали, по крайней мѣрѣ, не будешь въ нерѣшимости, будешь знать, чего хочешь, и, слѣдовательно, будешь стараться получить. Если минуты разслабленія и случатся, то, конечно, не будутъ такъ продолжительны: взглядъ на будущее, на тотъ предметъ, который самъ себѣ избралъ, будетъ оживлять душу и возвращать ей прежнюю ея силу и бодрость». Хозяйственныя заботы его «бѣсили», да онъ и не для нихъ былъ рожденъ. Постройка небольшого дома въ Бѣлевѣ и его общее неумѣнье обращаться съ дѣлами увеличили его прежніе долги, такъ что онъ опять вернулся къ мысли о службѣ. Его письменныя просьбы къ друзьямъ о помощи въ опредѣленіи на службу, какъ нельзя лучше, выясняютъ и его матеріальныя затрудненія, и полную неопредѣленность желаній.

Въ 1806 году онъ проситъ Тургенева о мѣстѣ въ такихъ выраженіяхъ: «Если бъ можно было найти въ Петербургѣ такую службу, которая бы не мѣшала мнѣ заниматься и въ то же время (что всего важнѣе!) могла доставлять мнѣ средства къ моему содержанію (вѣдь не все же мнѣ ходить въ Блудова сюртукѣ и жилетѣ, и ѣсть слоеные пироги), то я бы съ радостью и большою радостью къ вамъ пріѣхалъ. Подумай, любезный другъ, какого рода службу можешь найти мнѣ». То проситъ онъ мѣста библіотекаря, то «директора училища въ Москвѣ», то готовъ «идти во фрунтъ», то согласенъ на работу въ канцеляріи «которагонибудь изъ главнокомандующихъ». Среди всей этой бросающейся въ глаза шаткости желаній нельзя не отмѣтить все-таки постояннаго исканія благопріятныхъ условій для свободной духовной жизни, для нравственнаго совершенствованія, для возможности литературной дѣятельности, на которую онъ и теперь откликался небольшими то оригиналь-

ными, то переводными лирическими стихотвореніями, которы охотно помѣщали въ журналахъ. Приходилось ему больше частью изъ-за денегъ исполнять и большіе переводы, какъ, напр., переводъ Донъ-Кихота, сдѣланный имъ въ 1805 году.

Между тѣмъ, въ личную жизнь Жуковскаго вторглись въ это время еще новыя обстоятельства, которыя еще болѣе осложнили ему этотъ трудный періодъ его жизни.

Въ 1805 году овдовѣла младшая дочь Марьи Григорьевны, Екатерина Аѳанасьевна, жившая до этого времени съ своимъ мужемъ Андреемъ Ивановичемъ Протасовымъ въ Орловской губерніи, въ усадьбѣ Муратово. Состояніе, разстроенное ея мужемъ, не дало ей возможности остаться въ усадьбѣ и послѣ его смерти. Отличаясь большимъ характеромъ, она рѣшила вести скромную жизнь, чтобы расплатиться съ долгами покойнаго мужа, и съ этою цѣлью переѣхала въ Бѣлевъ и поселилась тамъ съ двумя дочерьми — Маріей (12 лѣтъ) и Александрой (10 лѣтъ). Въ молодости живая, веселая, насмотрѣвшись въ Сибири на тяжелую жизнь Авдотьи Аѳанасьевны, которую она туда еще дѣвицей сопровождала, и испытавъ не мало тяжелаго, распутывая дѣла своего мужа, полуобразованная — Екатерина Аѳанасьевна производила теперь впечатлѣніе суровости и большой узости взглядовъ. Жуковскій ея побаивался, и въ виду разницы лѣтъ (она была старше его на 13 лѣтъ), называлъ ее не сестрой, какъ она ему доводилась, а «тетушкой», иногда «маменькой», и говорилъ ей «вы», между тѣмъ какъ она всегда говорила ему «ты».

Желая помочь Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ въ ея затруднительномъ положеніи, онъ вызвался давать уроки ея дочерямъ, и, составивъ обширный планъ ихъ образованія, одобренный «тетушкой», принялся ежедневно ходить за три версты изъ Мишенскаго въ Бѣлевъ, давать уроки своимъ юнымъ племянницамъ.

Предметомъ преподаванія были преимущественно: исторія, философія, изящная словесность, языки, теологія, эстетика и

нравственность. За это дѣло принялся Жуковскій съ воодушевленіемъ и съ наслажденіемъ сообщалъ своимъ ученицамъ результаты вчерашней своей работы надъ нѣмецкими писателями, которыхъ изучалъ въ это время. Екатерина Аѳанасьевна, по собственному ея признанію, присутствуя на урокахъ, пополняла пробѣлы собственнаго образованія. Преподавая то, что самъ только что изучалъ и чѣмъ самъ увлекался, Жуковскій увлекалъ и своихъ учениць, которыя, если и не всегда понимали своего восторженно настроеннаго преподавателя, зато не могли не чувствовать той поэзіи, которую онъ невольно вносилъ въ свои уроки. Онъ скоро увлекся одной изъ племянницъ, Марьей Андреевной, и сейчасъ же понялъ свое состояніе. 8 іюля 1805 года онъ записалъ въ свой дневникъ: «Что со мной происходитъ? Грусть, волненіе въ душѣ, какое-то неизвѣстное чувство, какое-то неясное желаніе! *Можно ли быть влюбленнымъ въ ребенка?* Но въ душѣ моей сдѣлалась перемѣна въ разсужденіи ея! Третій день грустенъ, унылъ. Отчего? оттого что она уѣхала!» И съ этихъ поръ въ дневникѣ его начинаютъ появляться мечты о семейномъ счастьѣ, представляемомъ съ такою наивностью, которая свидѣтельствовала о полномъ незнаніи жизни со стороны молодого человѣка. Съ этихъ поръ собственныя занятія его идутъ еще разсѣяннѣе, въ дневникѣ записываются религіозныя разсужденія, мысли о безсмертіи души, иногда онъ чувствуетъ на глазахъ своихъ слезы. Занятія съ Машенькой, нерѣдко бывшія источникомъ воодушевленія, подчасъ причиняли истинное горе, выражавшееся длинными страницами дневника, о «слезахъ Машеньки», вслѣдствіе строгости Екатерины Аѳанасьевны. Иногда вѣтренность и шалости любимой имъ племянницы разстраивали его на цѣлые дни. «Носить собаку на рукахъ не грѣхъ,—пишетъ Жуковскій среди одного длиннаго разсужденія объ этой шалости племянницы,—но когда тебя просятъ, чтобы ты ее не носила, когда тебѣ сказываютъ резоны, то какъ можно для удовольствія няньчиться съ Розкою, дѣлать неудоволь-

ствіе тому человѣку, который тебя такъ любитъ! Это непростительная вѣтренность!»

Такъ шла жизнь молодого человѣка среди разнообразныхъ, но довольно вялыхъ занятій наукой и литературой, среди острыхъ переживаній возникшаго и рухнувшаго въ пень чувства къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой, когда въ 1807 году онъ получилъ предложеніе отъ Карамзина и московскихъ друзей редактировать журналъ «Вѣстникъ Европы», отъ котораго въ то время рѣшилъ отказаться Каченовскій. Приглашеніе основывалось на томъ сочувствіи, которое вызывалъ въ русской читающей публикѣ начинающій писатель. О журналѣ давно уже подумывалъ Жуковскій и, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, взялъ на себя это отвѣтственное дѣло, заручившись согласіемъ друзей по мѣрѣ силъ помогать предпріятію, и сталъ заготовлять матеріалъ для этого изданія. «Теперь [illegible] — писалъ онъ въ это время Тургеневу. — [illegible] на себя надѣюсь и даже [illegible] не худо будетъ [illegible]»

Между тѣмъ [illegible] это новое [illegible] а уже болѣе [illegible] принялся работать. [illegible] статей для журнала. [illegible] въ Москву, и Елизавета Дементьевна [illegible] писала: «*Благодѣтникъ* [illegible] твоего здоровья. [illegible] Береги себя».

[illegible] задачу [illegible] въ то время могло [illegible] Вся Европа [illegible] войнъ; Жуковскій [illegible] въ Тильзитъ; [illegible] а заграничныя [illegible] Но могъ ли Жуковскій [illegible] для и,

при отвлеченности своихъ стремленій, угадать и оцѣнить передъ своими читателями и политическій моментъ, и «дней Александровыхъ прекрасное начало»? Онъ слишкомъ мало былъ подготовленъ своею предшествующею жизнью для обсужденія подобныхъ вопросовъ. Онъ стремился перенести въ журналъ тѣ самые вопросы нравственности и эстетическіе взгляды, которые были ему наиболѣе близки. Съ Жуковскимъ журналъ переходилъ въ руки художника и моралиста, переносившаго много своего собственнаго настроенія на страницы повременнаго изданія. Журналъ сильно выигралъ въ художественномъ отношеніи: въ немъ чаще стали появляться стихотворенія Жуковскаго, выборъ другихъ поэтическихъ произведеній становился замѣтно удачнѣе, стали помѣщаться иллюстраціи, снятыя съ знаменитыхъ картинъ, статьи общаго характера стремились поднять вкусъ читателей и вызвать въ нихъ къ духовнымъ стремленіямъ человѣка; добродѣтель занимаетъ въ немъ видное мѣсто, и временами мелькаетъ отраженіе того, что переживалъ самъ редакторъ. Въ статьѣ: «Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?» давался отвѣтъ. — «Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнью».

Весь тонъ журнала соотвѣтствовалъ тому взгляду на выраженіе истины, который передалъ Жуковскій въ своемъ дневникѣ еще 13 іюня 1805 года: «Надобно правдѣ, самой непріятной, давать такой образъ, который бы не могъ отвратить отъ нея того человѣка, которому ты ее предлагаешь. Иначе она несомнѣнно потеряетъ свое дѣйствіе и будетъ нѣкоторымъ образомъ брошена на поруганіе. Говорить истину съ *грубостью* и *жестокостью,* которыми хвалились стоики, есть нѣкоторымъ образомъ непозволенное самохвальство, совершенно противное той пользѣ, которую принести хочешь и показывающее одинъ только эгоизмъ, сокрытый подъ маскою правдолюбія».

Здѣсь редакторъ былъ въ своей сферѣ и работалъ съ жаромъ: «Плановъ и предметовъ въ головѣ пропасть,—

говоритъ онъ въ это время, — и пишется какъ-то скорѣе и удачнѣе прежняго».

Что касается до общественныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ тѣмъ временемъ, то журналъ мало ими занимается, и хотя Жуковскій одно время просилъ у Тургенева заграничныхъ вѣстей изъ Тильзита, но въ 1809 г. онъ ему же писалъ: «Я уже отпѣлъ панихиду политикѣ и нимало не опечаленъ ея кончиною. Правда, она отыметъ у моего журнала нѣсколько подписчиковъ, но такъ тому и быть. Это ничуть не умалило моего рвенія; напротивъ, чувствую желаніе сдѣлать журналъ мой изъ дурного, или много-много посредственнаго, хорошимъ».

Какъ бы то ни было, несмотря на потерю нѣкоторыхъ подписчиковъ, умѣренный тонъ журнала, соотвѣтствовавшій очень распространенному вкусу читателей, поэтическія произведенія самого редактора и его имя создавали для журнала успѣхъ.

Но недолго велъ Жуковскій свое редакторство. Это дѣло требовало не только литературнаго образованія и способностей, которыми обладалъ редакторъ, оно требовало умѣнья вести дѣловыя и хозяйственныя отношенія съ разными людьми, оно требовало умѣнья бороться въ возникавшихъ отсюда столкновеніяхъ. Все это было не по душѣ Жуковскому, и дѣло его становилось тѣмъ труднѣе, что молодые его друзья не спѣшили исполнить свое обѣщаніе — помочь его журналу. «Друзья мои, друзья, — упрекалъ онъ Тургенева и Блудова уже въ самомъ началѣ своего редакторства,— вы совсѣмъ отъ меня отступились! Вы могли бы мнѣ помогать и ободреніемъ, и матеріалами, но вы слишкомъ разсѣяны, чтобы обо мнѣ позаботиться... И можете ли удѣлить мнѣ хотя минуту? Надобно ѣхать на балъ къ Демидову, на именины, во дворецъ и прочее... Кто видалъ, чтобы люди, занятые со свѣтомъ и которыхъ головы наполнены разными *высокими* идеями, брали на себя какой-либо трудъ, когда надобно сдѣлать удовольствіе пріятелю отдаленному!».

Утомленный этою борьбой, Жуковскій рѣшилъ оставить редакторство «Вѣстника Европы», и въ 1810 году Каченовскій снова принялъ въ немъ дѣятельное участіе, а Жуковскій числился въ редакціи уже почти только по имени, присылая по временамъ въ журналъ свои стихи, а съ 1811 года окончательно вышелъ изъ редакціи. Онъ оставилъ свое предпріятіе, разочарованный въ возможности преобразовать вкусъ публики и въ сущности не разгадавъ важнаго момента, въ который взялся за дѣло публициста. Вспоминая это время своей жизни въ письмѣ къ декабристу А. Ѳ. Фонъ-деръ-Бриггену, уже старикомъ 64 лѣтъ, онъ называлъ себя «жалкимъ издателемъ Вѣстника Европы» (письмо $^{6}/_{8}$ мая 1847 г.). Какъ бы то ни было, онъ вынесъ изъ этого впервые взятаго на себя практическаго дѣла много полезнаго: для него выяснилась гораздо болѣе, чѣмъ прежде, трудность литературной дѣятельности, расширилось ея значеніе и стали понятны пробѣлы въ собственной подготовкѣ для авторства.

Осенью 1809 года онъ перебирается въ деревню, временами очень ненадолго пріѣзжаетъ въ Москву, и въ деревенской тиши начинаетъ работать уже совершенно иначе, чѣмъ до своего редакторства. Характеръ его жизни за это время лучше всего выясняется изъ письма къ Тургеневу отъ 7 ноября 1810 г. изъ Бѣлева и изъ отрывка его дневника. Въ «Вѣстникъ Европы» онъ посылаетъ пока стихи только потому, что это «нужно для кармана», «главный его трудъ не въ этомъ». «Три года будутъ посвящены труду *приготовительному,* необходимому, тяжелому». «Исторія всеобщая, какъ приготовленіе къ Русской», классики, латинскій языкъ лежатъ въ основаніи этой работы. Взглядъ на будущую литературную дѣятельность становится у него въ это время болѣе серьезнымъ: «Авторство мнѣ надобно почитать и должностью гражданскою, — пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, — которую совѣсть велитъ исполнять со всевозможнымъ совершенствомъ. Теперь не могу исполнять ее, какъ бы надлежало, ибо я невѣжда; но я могу исполнять ее со

временемъ... говорить пустяки передъ публикою тяжко для совѣсти».

Онъ чувствуетъ сильный подъемъ духа въ этомъ году; работа у него кипитъ, и даже «любовь уступила трудолюбію»; увѣренность въ своихъ силахъ растетъ.

«Вотъ два мѣсяца, — продолжаетъ онъ свой дневникъ, — какъ работы мои идутъ порядочно, какъ я доволенъ собою, спокоенъ, внутренно веселъ. Думаю, что эта привычка къ порядку, любовь къ дѣятельности и постоянство въ преслѣдованіи одного предмета будутъ во мнѣ укореняться». Въ это время крѣпнетъ его привязанность къ Елизаветѣ Дементьевнѣ и «связи съ матушкою становятся драгоцѣнны». Языкъ его писемъ становится энергичнѣе. «Мое настоящее положеніе весьма можетъ быть названо счастливымъ», — замѣчаетъ онъ.

Чѣмъ болѣе серьезно начиналъ онъ работать, тѣмъ требовательнѣе становился къ себѣ. Характерно въ этомъ отношеніи для него, что когда, въ началѣ 1811 г., С. С. Уваровъ, бывшій въ то время попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, предлагалъ ему должность, повидимому, профессора Педагогическаго института, Жуковскій ему отвѣтилъ: «Предложеніе это почитаю для себя непремѣнно выгоднымъ, но также почитаю необходимымъ объясниться съ вами искренно... хотите ли сдѣлать мнѣ истинное добро? Дайте мнѣ время для приготовительнаго, ученическаго труда... если теперь возьму на себя такую должность, къ которой я совсѣмъ не готовъ, то она будетъ для меня только источникомъ самыхъ непріятныхъ ощущеній: безпрестанно буду воображать себя не на своемъ мѣстѣ». Несмотря на отвѣтныя слова Уварова: «Самая скромность ваша увѣряетъ меня, что вамъ приготовляться не нужно», Жуковскій не рѣшился принять выгодное предложеніе, и въ этомъ его житейскомъ шагѣ нельзя не видѣть благородной черты его характера, а также и результата реальнаго опыта съ редакціей журнала.

За это время онъ закончилъ составленіе «Сборника лучшихъ русскихъ стихотвореній» въ пяти частяхъ, написалъ первую часть поэмы «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» и сдѣлалъ довольно много переводовъ изъ Шиллера, Парни и Местра.

Такъ шло время до начала 1811 года, когда умерли Марья Григорьевна (13 мая) и вскорѣ вслѣдъ за нею Елизавета Дементьевна. Это горе на время выбило Жуковскаго изъ его хорошаго настроенія, но въ концѣ года онъ уже чувствовалъ себя снова бодрымъ и удовлетвореннымъ.

Между тѣмъ Протасовы переѣхали въ Муратово, гдѣ Екатерина Аѳанасьевна начинала строиться при участіи Жуковскаго, а онъ въ это время купилъ небольшое имѣньице по сосѣдству. Такимъ образомъ онъ постоянно видѣлся съ любимой племянницей, теперь уже вышедшей изъ ребячества. Къ этому времени относится и его сближеніе съ богатымъ помѣщикомъ А. А. Плещеевымъ, усадьба котораго была въ 40 верстахъ отъ Муратова. Это былъ очень даровитый человѣкъ, съ артистическими наклонностями, и въ его имѣніи, Черни, нерѣдко устраивались музыкальные и литературные вечера, даже театральныя представленія; концерты устраивались и въ Муратовѣ. Эти артистическія развлеченія, въ присутствіи любимой дѣвушки и въ обществѣ друзей, и, кромѣ того, усердныя литературныя занятія снова подняли бодрость Жуковскаго, тѣмъ болѣе, что въ это время у него была крѣпкая надежда на возможность брака съ Марьей Адреевной, которая отвѣчала ему взаимностью.

Такъ продолжалось приблизительно до половины 1812 г., когда Жуковскій открылъ свои намѣренія Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ, но здѣсь неожиданно встрѣтился съ рѣшительнымъ отказомъ: Екатерина Аѳанасьевна опиралась на уставы Церкви, которые, по ея убѣжденію, запрещали браки между такими родственниками, какими были Василій Андреевичъ и его племянница. Екатерина Аѳанасьевна даже строго запретила Жуковскому говорить кому бы то ни было и о его любви, и о своемъ рѣшеніи. Между тѣмъ 3 августа въ домѣ

Плещеевыхъ, въ день рожденія хозяина, былъ концертъ въ присутствіи многочисленнаго общества окрестныхъ помѣщиковъ, въ томъ числѣ и Протасовыхъ. Жуковскій съ большимъ воодушевленіемъ пѣлъ на этомъ концертѣ свою пѣсню «Пловецъ» [1]), положенную на музыку Плещеевымъ. Екатерина Аѳанасьевна увидала въ этой пѣснѣ намекъ на его чувство къ Марьѣ Андреевнѣ, и съ этого дня запретила ему посѣщать Муратово. Онъ долженъ былъ уѣхать, и рѣшилъ поступить въ ополченіе, между тѣмъ, какъ Екатерина Аѳанасьевна сама объявила дочерямъ о своемъ отказѣ ему въ рукѣ Марьи Андреевны.

Конечно, личное несчастіе было важнымъ толчкомъ къ рѣшенію Жуковскаго идти на войну, но и обстоятельства того времени и общее настроеніе, какъ нельзя болѣе, могли содѣйствовать такому намѣренію.

Слухи о надвигающейся войнѣ распространялись повсюду. Правда, на окраинахъ Россіи, вродѣ Нижняго Новгорода, жизнь шла своимъ чередомъ. «На балахъ и маскарадахъ, наши красавицы,—писалъ Батюшковъ,—осыпавъ себя бриллiантами и жемчугами, прыгали до перваго обморока въ кадриляхъ французскихъ, во французскихъ платьяхъ, болтая по французски, Богъ знаетъ какъ, и проклинали враговъ нашихъ».—Правда, и Карамзинъ писалъ про наиболѣе спокойныхъ переселившихся сюда москвичей. «Кто на Тверской или Никитской игралъ въ вистъ или бостонъ, для того мало разницы: онъ игралъ и въ Нижнемъ», а патріотизмъ выражался, по выраженію Батюшкова, въ словахъ: «point de paix!»; но не такъ было въ мѣстахъ, прилегавшихъ къ Москвѣ. Здѣсь люди готовы были идти на войну и дѣйствовать. Еще задолго до этого времени, когда Жуковскій редактировалъ «Вѣстникъ Европы», Марья Григорьевна писала ему: «Только и слышимъ отъ мужиковъ: мы всѣ ради за Церковь и царя злодѣевъ бить. И съ такимъ усердіемъ го-

[1]) См. ниже стр. 44.

ворятъ: какъ батюшку не защитить; вѣдь, я свой домъ защищаю. Вотъ какъ непросвѣщенные-то поговариваютъ». Отголоски сильнаго общаго возбужденія въ помѣщичьей средѣ замѣтны и въ письмѣ Анны Петровны къ Жуковскому отъ того же времени, еще изъ Бѣлева: «Сейчасъ принесли намъ указъ,—пишетъ она,—по которому велѣно заводить ландъ-милицію и назначено сколько съ каждой губерніи должно еще взять рекрутъ: съ Тульской — 29.000, съ Московской 11.000 и такъ далѣе. Весь Бѣлевъ въ страшномъ волненіи, особливо Ершовъ и ему подобные. Онъ увѣряетъ, что это ни на что не похоже, и что непремѣнно будетъ бунтъ. Еще за вѣрное сказываютъ, что Бонапартъ издалъ прокламацію, въ которой всѣмъ угрожаетъ Сибирью. Это ихъ слова.—У насъ шумъ страшный въ горницѣ; всѣ толкуютъ о политикѣ, кричатъ изо всей силы, и мужчины такъ врутъ, что слушать невозможно». То и дѣло узнавалъ Жуковскій, что его товарищи и друзья поступаютъ въ полкъ. Еще въ 1806 г. собирался онъ въ «милицію» и теперь не могъ, при личныхъ своихъ обстоятельствахъ, не отдаться общему настроенію. Военная служба теперь превращалась изъ сословной традиціи въ патріотическое дѣло. 12 августа 1812 года Жуковскій вступилъ въ ополченіе, но участвовать въ Бородинскомъ сраженіи ему не пришлось, такъ какъ отрядъ ополченцевъ, въ которомъ онъ находился, не принялъ участія въ дѣйствіи. «Вся моя военная карьера состоитъ въ томъ,—писалъ онъ 9 апр. 1813 г. Тургеневу,—что я прошелъ отъ Москвы до Можайска пѣшкомъ; простоялъ съ толпою русскихъ крестоносцевъ въ кустахъ въ продолженіе Бородинскаго дѣла, слышалъ свистъ нѣсколькихъ ядеръ и канонаду дьявольскую, потомъ, наскучивъ биваками, перешелъ въ главную квартиру, съ которою по трупамъ завоевателей добрался до Вильны, гдѣ занемогъ, взялъ отпускъ безсрочный и теперь остаюсь въ нерѣшимости ѣхать ли назадъ или остаться. Мнѣ дали чинъ, и навѣрное обѣщали Анну на шею, если я пробуду еще мѣсяцъ. Но я предпо-

челъ этому возвращеніе, ибо записался подъ знамена не для чина, не для креста и не по выбору собственному (т.-е., не по выбору дворянства), а потому, что въ *это время* всякому *должно* было быть военнымъ, даже и не имѣя охоты. А такъ какъ теперь война не внутри, а внѣ Россіи, то почитаю себя въ правѣ сойти съ этой дороги, которая мнѣ противна и на которую меня могли бросить одни только обстоятельства».

Болѣзнь, о которой упоминаетъ здѣсь Жуковскій, была жестокой горячкой, заставившей его 13 дней вылежать въ постели. Въ это время онъ уже не служилъ во фронтѣ, но, вслѣдствіе ходатайства Кайсарова, былъ переведенъ въ походную канцелярію, гдѣ, какъ говорятъ, писалъ нѣкоторые бюллетени за Скобелева.

Ко времени пребыванія его въ ополченіи относятся и его знаменитые стихи «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ», вполнѣ отвѣчавшіе общему настроенію и написанные въ началѣ октября 1812 года передъ сраженіемъ подъ Тарутинымъ. «Пѣвецъ» декламировался тогда всюду, и И. И. Дмитріевъ поднесъ это стихотвореніе императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая пожелала имѣть экземпляръ стиховъ, переписанный рукою автора. Жуковскій отвѣтилъ на это желаніе «Посланіемъ къ императрицѣ», и съ этихъ поръ стала складываться его связь съ царскимъ домомъ. Успѣхъ этого стихотворенія окончательно опредѣлилъ и литературное призваніе Жуковскаго: «Вся моя дѣятельность должна ограничиться авторствомъ, — написалъ онъ въ это время Тургеневу, — а служба совсѣмъ меня не прельщаетъ».

Но какъ ни поднимали Жуковскаго въ это время гражданскія стремленія, его личное несчастье давало себя очень больно чувствовать. Даже изъ дѣйствующей арміи онъ вырвался на два дня, чтобъ побывать въ Муратовѣ и по возможности сгладить возникшія непріязненныя отношенія, а въ декабрѣ 1812 года возвратился на родину, и слѣдующій годъ проводилъ то въ Бѣлевѣ, то въ Мишенскомъ, то, се

бенно конецъ 1813 года, въ Муратовѣ. Это было невеселое время его жизни. Къ прежнему огорченію присоединилась смерть В. И. Кирѣевскаго, за котораго незадолго передъ этимъ вышла замужъ Авдотья Петровна Юшкова и къ которому Жуковскій былъ очень привязанъ. Отношенія его съ Марьей Андреевной были очень неловки, такъ какъ дѣвицы Юшковы разболтали ей объ отказѣ Жуковскому Екатерины Аѳанасьевны, а самъ Жуковскій съ ней еще не объяснялся, да и не имѣлъ права объясняться. Притомъ Марья Андреевна въ это время хворала отъ какой-то неопредѣленной грудной болѣзни. Екатерина Аѳанасьевна обращалась съ Жуковскимъ сурово и, подчеркивая свою религіозность, еще болѣе выставляла свою набожность, что особенно раздражало Жуковскаго. «Говѣть не значитъ—есть грибы, въ извѣстные часы класть земные поклоны и тому подобное, — пишетъ онъ про нее въ дневникѣ въ это время,—это одинъ обрядъ, почтенный потому только, что онъ установленъ давно, но пустой совершенно, если имъ только и ограничится говѣнье». «И эти люди называютъ себя христіанами! — восклицаетъ онъ, — что это за религія, которая учитъ предательству и вымораживаетъ изъ души всякое состраданіе? Эти люди — эгоисты, подъ святымъ именемъ христіанъ, смотрятъ на людей свысока. Однимъ несчастнымъ болѣе или менѣе въ порядкѣ созданія — какое дѣло! *Ржжь во имя Бога и будь спокоенъ*».

Чувство одиночества и покинутости охватило Жуковскаго. Его душевное состояніе въ это время акад. Тихонравовъ опредѣляетъ слѣдующими словами: «Старыя раны поэта раскрылись; думать о какой-нибудь работѣ было невозможно. «Безъ душевнаго спокойствія нельзя трудиться», пишетъ онъ въ это время. А между тѣмъ годы молодости уходили безвозвратно среди этой недѣятельности, среди искусственнаго растравленія своей грусти; и сознаніе полной безпомощности, рѣшительнаго безсилія вырваться изъ положенія, подтачивавшее нравственныя силы, угнетало Жу-

ковскаго и доводило его до отчаянія, разрѣшавшагося пустыми слезами. Онъ уединялся попрежнему съ своею неизлѣчимою грустью для того, чтобы писать дневникъ; но энергическаго порыва вырваться къ дѣятельности не было».— «Вотъ уже мнѣ тридцать лѣтъ,—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ съ 25 на 26 февр. въ Муратовѣ,— а то, что называется истинною жизнью, мнѣ еще незнакомо. Я не успѣлъ быть сыномъ своей матери: въ то время, когда началъ чувствовать счастье сыновняго достоинства, она меня оставила, я думалъ отдать права ея другой матери (т.-е., Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ), но эта другая мать дала мнѣ уголъ въ своемъ домѣ, а отдѣлена была отъ меня вѣчнымъ подозрѣніемъ; семейственнаго счастья для меня не было; всякое чувство надо было стѣснять въ глубинѣ души... Другимъ нужно несчастье, чтобы привести въ силу ихъ душевныя качества. Мнѣ, напротивъ, нужно счастіе...»

Въ этомъ году онъ въ первый разъ объяснился, черезъ жену Плещеева, добрѣйшую женщину, съ Марьей Андреевной, и какъ только Екатерина Аѳанасьевна узнала объ этомъ, послѣдовали для него самыя тяжелыя сцены. Этотъ періодъ жизни былъ для него временемъ страшныхъ терзаній и мучительныхъ переходовъ отъ надежды на счастье къ полному отчаянію. Онъ обращался къ посредству друзей, и между ними къ Ивану Владиміровичу Лопухину, къ роднымъ, къ духовенству, чтобы разубѣдить Екатерину Аѳанасьевну въ ея взглядѣ на препятствія къ браку. Ничто не помогало, и всякія новыя попытки вызывали для Жуковскаго только новыя тяжелыя сцены, заставлявшія страдать и его, и Марью Андреевну.

Положеніе его еще осложнилось появленіемъ въ семьѣ Протасовыхъ бывшаго его товарища по пансіону, А. Ф. Воейкова, писателя, входившаго тогда въ извѣстность остроуміемъ стихотвореній, которыя впрочемъ вскорѣ были и забыты. Жуковскій относился къ нему тогда самымъ дружескимъ образомъ, и ввелъ его въ семью Протасовыхъ; никакъ не

ожидая, что этотъ товарищъ можетъ ему измѣнить, онъ выхлопоталъ ему вскорѣ и мѣсто профессора словесности въ Дерптскомъ университетѣ, именно мѣсто, а не должность, такъ какъ Воейковъ, несмотря на клятвенное обѣщаніе честно работать, относился къ своимъ обязанностямъ недобросовѣстно: каѳедра была для него доходною статьею. Только значительно послѣ понялъ Жуковскій этого человѣка и сталъ цѣнить его по достоинству. Ловкій, находчивый, развязный и много видавшій, Воейковъ, несмотря на свою отталкивающую наружность, скоро привлекъ къ себѣ Протасовыхъ, и сталъ для Екатерины Аѳанасьевны авторитетомъ. Положеніе Жуковскаго становилось тяжелѣе со дня на день въ виду особенной ласки къ Воейкову, которой противопоставляли пренебреженіе къ нему. 16 апрѣля 1814 года онъ писалъ А. П. Кирѣевской: «У Воейкова заболѣла голова — его положили въ кабинетѣ; сами подкладывали ему подъ ноги, подъ голову подушки; я сидѣлъ спичкою, и на меня поглядывали съ торжествующимъ, радостнымъ видомъ — въ самомъ дѣлѣ торжество и радость. Я посматривалъ исподлобья, не найду ли гдѣ въ углу христіанской *любви*, внушающей сожалѣніе, пощаду, кротость. Нѣтъ! одно холодное *жестокосердіе* въ монашеской рясѣ, съ кровавою надписью на лбу *должность* (выправленною весьма неискусно изъ слова *суевѣріе*), сидѣло противъ меня...»

Между тѣмъ Воейковъ, сдѣлавъ предложеніе младшей Протасовой, Александрѣ Андреевнѣ, получилъ согласіе Екатерины Аѳанасьевны, и, занявъ положеніе жениха въ домѣ, не удерживаемый Екатериной Аѳанасьевной, сталъ такъ издѣваться надъ Жуковскимъ, что положеніе его сдѣлалось нестерпимымъ; 30 августа 1814 года, онъ, оставивъ Муратово, переселился къ подругамъ своего дѣтства, дочерямъ Варвары Аѳанасьевны Юшковой, въ ихъ помѣстье Долбино, въ Калужской губерніи, недалеко отъ Муратова. Здѣсь, окруженный друзьями и своими, изъ Марьи Андреевны, онъ нашелъ очень много ласки и вниманія, въ которыхъ такъ

нуждался. Въ немъ приняли участіе не только Юшковы, но ихъ друзья, сосѣди бароны Черкасовы; они сумѣли сдѣлать это такъ душевно и искренно, что Жуковскій пріободрился, и въ Долбинскихъ его стихотвореніяхъ часто мелькаютъ шутки, хотя преобладающее его настроеніе естественно остается грустнымъ. Въ Долбинѣ воскресаетъ въ немъ и поэтическое вдохновеніе: «Прошедшіе октябрь и ноябрь были весьма плодородны, — пишетъ онъ Тургеневу, — я написалъ пропасть стиховъ: написалъ ихъ столько, сколько силы стихотворныя могутъ вынести. Всегда такъ писать невозможно; ухлопаешь себя попустому. А почти такъ всегда писать можно и должно. Жизнь мнѣ измѣняетъ — уцѣпился за безсмертіе».

Какое значеніе для его работы имѣло пребываніе у Юшковыхъ, видно по его письму изъ Черни въ концѣ 1814 г., гдѣ онъ говоритъ, что тамъ работается далеко не такъ, какъ въ Долбинѣ. «Пѣвецъ» начатъ, — пишетъ онъ, — но здѣсь не Долбино, не мирный уголокъ, гдѣ есть бюро, а надъ бюромъ милый ангелъ» (портретъ М. А. Протасовой).

IV.

Посланіе къ императору Александру. — Поѣздка въ Дерптъ. — Переходъ къ новымъ отношеніямъ съ Марьей Андреевной. — Поѣздка въ Петербургъ и представленіе императрицѣ. — Возвращеніе въ Дерптъ. — Второе представленіе императрицѣ. — Арзамасъ и его значеніе для литературы и лично для Жуковскаго.

Политическія событія того времени, между тѣмъ, не могли не привлечь вниманія даже и такого удрученнаго человѣка, какимъ былъ въ это время Жуковскій. Еще 27 октября 1812 г. А. И. Тургеневъ писалъ Вяземскому, вскорѣ послѣ пожара Москвы: «Москва снова возникнетъ изъ пепла, а въ чувствѣ мщенія найдемъ мы источникъ славы и будущаго нашего величія. Ея развалины будутъ для насъ залогомъ нашего искупленія нравственнаго и

политическаго, а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно освѣтитъ намъ путь къ Парижу. Это не пустыя слова, но я въ этомъ совершенно увѣренъ, и событія оправдаютъ мою надежду... Какой народъ! Какой патріотизмъ и какое благоразуміе! Сколько примѣровъ высокаго чувства своего достоинства и неограниченной преданности и любви къ отечеству!»

Въ 1814 году предсказаніе Тургенева сбылось, и Парижъ былъ взятъ союзными войсками, а императору Александру I суждено было стать во главѣ этого освободительнаго похода. «Другъ безцѣнный, — писалъ Жуковскій въ маѣ 1814 г. изъ Черни Тургеневу, — душа воспламеняется при всемъ великомъ, что происходитъ у насъ передъ глазами. Сердце жмется отъ восторга при воспоминаніи о нашемъ Государѣ и той божественной роли, которую онъ играетъ теперь въ виду цѣлаго свѣта... Но, какъ нарочно, теперь и засуха въ воображеніи. Мысли пробуждаются въ головѣ; но, взявшись за перо, чувствую, что въ немъ параличъ».

Только въ Долбинѣ могъ онъ написать Посланіе къ государю, мысль о которомъ далъ ему Тургеневъ. Отправляя его въ декабрѣ 1814 года Тургеневу, онъ просилъ «доставить его къ Государынѣ Императрицѣ» прибавляя: «Признаюсь, я боюсь, чтобы не вздумалось меня за это Посланіе подарить чѣмъ-нибудь. Старайся, чтобъ этого не было. Пошлины съ любви и съ выраженія любви къ нашему славному Царю сбирать не должно. Я многое писалъ съ восхищеніемъ, и за это счастливое чувство не чѣмъ наградить.

Послѣдняя просьба Жуковскаго тѣмъ болѣе вызываетъ къ себѣ вниманіе, что матеріальное положеніе его было трудно, и особенно въ это время, такъ какъ онъ продалъ свое имѣньице и подарилъ вырученную за него сумму (около 11.000 р.) въ приданое А. А. Протасовой, потому что Екатерина Аѳанасьевна въ то время нуждалась въ деньгахъ.

Тургеневъ самъ прочелъ вслухъ императрицѣ это посланіе 30 декабря 1814 г. Въ то время, какъ онъ читалъ,

императрица слѣдила по сдѣланной для нея рукописи и нѣсколько разъ прерывала чтеніе, выражая свое удовольствіе. Великая княжна Анна Павловна и великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи выражали свое восхищеніе восклицаніями: «Прекрасно, превосходно, c'est sublime». При чтеніи присутствовали многія высокопоставленныя лица, какъ Уваровъ, Нелединскій-Мелецкій и др. Посланіе всѣмъ дало чувство удовлетворенія, такъ какъ отражало поэтическимъ языкомъ только-что минувшія и еще животрепещущія событія. Тургеневъ читалъ со слезами на глазахъ. Государыня приказала немедленно сдѣлать великолѣпное изданіе этого стихотворенія въ пользу Жуковскаго и пожелала, чтобъ онъ непремѣнно самъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и чтобы всѣ новые стихи его были сообщены ей поскорѣе. Кромѣ того, Жуковскій получилъ отъ государыни очень милостивый рескриптъ и послалъ на него черезъ того же Тургенева благодарственный отвѣтъ 1 апрѣля 1815 г. Друзья начали усердно заботиться о Жуковскомъ, желая дать ему возможность болѣе широкой дѣятельности, гдѣ бы могъ съ полнотою проявиться его поэтическій талантъ. Вяземскій еще въ 1813 году писалъ Тургеневу про Жуковскаго: «Полно дремать ему въ Бѣлевѣ... Надобно рѣшить его нерѣшимость. Услышитъ ли онъ, наконецъ, голосъ дружбы, призывающій его къ берегамъ Невы?» А между тѣмъ, личная жизнь поэта была страшно тяжела; онъ теперь ясно понялъ, что надежда его на бракъ съ Марьей Андреевной рушилась окончательно. Послѣднее объясненіе его съ Екатериной Аѳанасьевной происходило въ Муратовѣ. Екатерина Аѳанасьевна требовала, чтобы онъ на время съ ними разстался. «Еще она сказала,—писалъ онъ Марьѣ Андреевнѣ:—«дай время намъ сблизиться съ Машею: ты насъ совсѣмъ разлучилъ».—Признаюсь, противъ этого нѣтъ возраженія, и если это такъ, то мнѣ нѣтъ оправданія; и я поступаю, какъ эгоистъ, желая съ вами остаться». Жуковскій поѣхалъ въ Москву, гдѣ остановился у Карамзина. Вскорѣ черезъ Москву проѣзжала

Екатерина Аѳанасьевна съ молодыми Воейковыми и Марьей Андреевной, и Жуковскій, съ помощью друзей, едва выпросилъ у «тетушки» согласіе сопровождать ихъ въ Дерптъ, чтобы помочь имъ устроиться. «Ѣхавши въ Дерптъ, не заѣду въ Петербургъ, — писалъ онъ Тургеневу: — причина этому та, что я непремѣнно хочу быть спокоенъ на ихъ счетъ, узнать, какъ они доѣхали на мѣсто, увѣриться, что они здоровы, чтобы послѣ пожить нѣсколько недѣль въ Петербургѣ съ свободнымъ духомъ». Положеніе его въ семьѣ Протасовыхъ было довольно тяжелое, такъ какъ, хотя Воейковъ и присмирѣлъ, все же Екатерина Аѳанасьевна нерѣдко показывала недовольство присутствіемъ Жуковскаго; но многое удерживало его въ Дерптѣ: и привязанность къ Марьѣ Андреевнѣ, и недостатокъ подвижности, а особенно ему улыбалась жизнь въ университетскомъ культурномъ городкѣ, гдѣ можно было работать, чувствуя близость Марьи Андреевны. «Осмотрѣвшись въ Дерптѣ, я увѣренъ, — писалъ онъ, — что здѣсь работалъ бы я такъ, какъ нигдѣ нельзя работать — никакого разсѣянія, тьма пособій и ни малѣйшей заботы о томъ, чѣмъ бы прожить день и при всемъ этомъ первое единственное мое счастье — семья».

Уѣзжая изъ Дерпта въ Петербургъ для того, чтобы представиться императрицѣ, Жуковскій еще разъ объяснился съ Екатериной Аѳанасьевной и въ этомъ объясненіи настоялъ, чтобы она приняла его новыя отеческія отношенія къ Марьѣ Андреевнѣ. Въ самой Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ онъ видѣлъ уже сестру, а не «тетушку», а для Марьи Андреевны заступалъ мѣсто отца, или старшаго брата. «Рѣшившись на эту жертву, я входилъ во всѣ права твоего отца, — писалъ онъ Марьѣ Андреевнѣ. — Другая нѣжнѣйшая связь! Право, эта минута была для меня божественная; если можно слышать на землѣ голосъ Божій, то, конечно, въ эту минуту онъ мнѣ послышался! Съ этимъ чувствомъ все для меня перемѣнилось, всѣ отношенія къ тебѣ сдѣлались другія, я почувствовалъ въ душѣ необыкновенную ясность».

Но вмѣстѣ съ этимъ на сердцѣ у него было тяжело, объясненіе съ Екатериной Аѳанасьевной его не удовлетворило, и въ томъ же письмѣ онъ прибавляетъ: «Такъ и быть! все въ жизни къ прекрасному средство! Но сердце поетъ, когда подумаешь, чего и для чего меня лишили».

Въ такомъ настроеніи отправился онъ въ Петербургъ, гдѣ ожидали его друзья, съ которыми ему давно хотѣлось повидаться, и гдѣ въ маѣ Уваровъ представилъ его императрицѣ. Петербургъ произвелъ на него удручающее впечатлѣніе, хотя литературной работой своею онъ могъ быть доволенъ. «Что же вамъ сказать о моей петербургской жизни?— писалъ онъ отсюда 24 мая 1815 г. Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской: — Она была бы весьма интересна не для меня! Много обольстительнаго для самолюбія; но мое самолюбіе разочаровано — не скажу опытомъ, но тою привязанностью, которая ничему другому не даетъ мѣста. Здѣсь имѣютъ обо мнѣ, какъ бы сказать, большое мнѣніе. И по сію пору я таскался съ обыкновенною лѣнью своею по знатностямъ и величіямъ. Тому ужъ съ недѣлю, какъ былъ представленъ императрицѣ и великимъ князьямъ... Къ этому прибавьте огромный петербургскій свѣтъ... Потомъ думаю перетащиться къ вамъ — *на родину, въ семью*».

Изъ Петербурга онъ очень скоро уѣхалъ и въ концѣ іюня вернулся опять въ Дерптъ на крестины дочери Александры Андреевны Воейковой. Здѣсь приняли его ласково, но съ Марьей Андреевной держали «розно». Главное утѣшеніе онъ находилъ въ это время въ работѣ, почти не выходилъ изъ своей комнаты; онъ готовилъ теперь обширную поэму «Владиміръ», и думалъ даже побывать въ Крыму и Кіевѣ, чтобы собрать для нея матеріалъ. Но дѣло шло больше усиліями воли, чѣмъ вслѣдствіе увлеченія или сознанія ясности поставленной передъ собою идеи. Душевное настроеніе свое онъ передаетъ своимъ друзьямъ и въ Петербургъ, и въ Долбино одинаково: «Величайшій безпорядокъ въ головѣ и все въ разбродѣ... Не знаю, какой

туманъ лежитъ у меня въ головѣ и въ сердцѣ... все вспуравлено».

Между тѣмъ, петербургскіе его друзья: Тургеневъ, Уваровъ, Блудовъ, Нелединскій-Мелецкій усердно хлопотали о немъ и настойчиво требовали его пріѣзда въ Петербургъ, видя въ этомъ переѣздѣ лучшій исходъ для его личной жизни и расширеніе его дѣятельности. Самъ Жуковскій готовъ былъ покинуть Дерптъ, уѣхать откуда «не было бы для него жертвою», но боялся своего переѣзда въ Петербургъ, и свои опасенія высказалъ съ полною откровенностью въ письмахъ къ друзьямъ и роднымъ (въ Долбино): «Боюсь петербургской жизни, боюсь разсѣянности, боюсь своей бѣдности и неразсчетливости. Что, если съ своимъ счастьемъ еще и потерять свою свободу, и свои занятія, и сдѣлаться ремесленникомъ...» (письмо Тургеневу, апрѣль 1815 г.). Въ отвѣтъ на настоятельное приглашеніе Уварова переѣхать въ Петербургъ и на совѣты Тургенева, онъ ставилъ слѣдующія условія своего переѣзда: «Чтобы сдѣлать для меня то, что мнѣ надобно, вы должны имѣть настоящее объ немъ понятіе, т.-е., о томъ, что мнѣ надобно. Боюсь я этихъ grands projets. Могутъ составить за меня какой-нибудь планъ моей жизни, да и убьютъ все... Тебѣ кажется не нужно имѣть отъ меня комментарія, но то, что мнѣ надобно. Независимость — да и только! Способъ писать, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Что, гдѣ и когда писать—мнѣ на волю. Я не буду жильцомъ петербургскимъ, но каждый годъ буду въ Петербургѣ непремѣнно. Вотъ главная мысль, остальное можешь придумать самъ». Такъ обстоятельства, помимо выбора Жуковскаго, клонились къ тому, чтобы въ его жизни совершилась перемѣна, и ему предстояло теперь разстаться со всѣмъ тѣмъ семейнымъ провинціальнымъ міркомъ, въ которомъ до сихъ поръ шла его, какъ ему чувствовалось въ это время, несчастливая жизнь. Впослѣдствіе, когда неудачи этой жизни частью забылись, частью менѣе давали себя чувствовать и когда, напротивъ, по счастливому

оптимистическому складу своихъ мыслей, Жуковскій склоненъ былъ поэтизировать свою юность и молодость, и вспоминать свои лучшіе дни, онъ смотрѣлъ на этотъ періодъ своей жизни иначе.

Онъ выѣхалъ изъ Дерпта 24 августа 1815 года, и «дня черезъ два» по своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, 4 сентября 1815 г., былъ вновь представленъ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ близкимъ къ ней человѣкомъ — Юріемъ Александровичемъ Нелединскимъ-Мелецкимъ. Свое свиданіе съ императрицей Жуковскій описалъ просто и искренно въ письмѣ къ одному изъ лучшихъ своихъ друзей Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской. «Я имѣлъ здѣсь (въ Петербургѣ) и пріятныя минуты, и гдѣ же? Тамъ, гдѣ никакъ не воображалъ ихъ имѣть! Въ дворцѣ царицы. Дня черезъ два по пріѣздѣ моемъ сюда, Нелединскій увѣдомилъ меня, что надобно съ нимъ вмѣстѣ ѣхать въ Павловскъ. Я отправился туда одинъ 4 числа поутру и пробылъ тамъ 3 дня, обѣдалъ и ужиналъ у царицы и возвратился съ сердечною къ ней привязанностью, съ самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ ласки необыкновенной. Въ эти три дни не было ни одной минуты для меня неловкой; простота ея въ обхожденіи такъ велика, что я нисколько не думалъ, гдѣ я и съ кѣмъ я; однимъ словомъ, было весело, потому что сердце было довольно. Въ первый день было чтеніе моихъ балладъ въ ея кабинетѣ въ приватномъ ея обществѣ, состоявшемъ изъ великихъ княгинь, двухъ или трехъ дамъ, Нелединскаго и Вилламова. Читалъ Нелединскій... На слѣдующемъ чтеніи, которое происходило уже въ большемъ кругу, читалъ я самъ... Эти минуты были для меня пріятны, но не самыя пріятныя — здѣсь вмѣшивается безпокойное самолюбіе автора. Но то, что было для меня особенно пріятно, есть чувство благодарности за самое трогательное вниманіе, за добродушную ласку, которая нѣкоторымъ образомъ уничтожила разстояніе между мною и государынею. Очень весело принесть ее изъ того круга, въ который другихъ заманиваетъ суетное честолюбіе, не даю-

щее никакихъ чистыхъ наслажденій. У меня его нѣтъ. Добрый сторожъ бережетъ отъ него душу! И тѣмъ лучше! Можно безъ всякаго безпокойства предаваться простому, чистому чувству! Я не былъ ослѣпленъ ни на минуту, но зато часто былъ тронутъ!»

Руководителемъ его въ этихъ первыхъ шагахъ его при дворѣ былъ Нелединскій-Мелецкій, и Жуковскій даже и здѣсь, ожидая въ пріемномъ залѣ императрицу, заговаривалъ съ нимъ о Марьѣ Андреевнѣ и вновь возвращался къ исчезнувшей было надеждѣ на бракъ съ ней, а потому понятно будетъ, что, какъ ни былъ обаятеленъ для него пріемъ, оказанный ему императрицей, онъ все-таки закончилъ свое описаніе этого пріема мечтами о томъ, какъ онъ купитъ въ родныхъ мѣстахъ «десятины три» земли, будетъ жить вблизи родныхъ и отдастся деревнѣ и литературной работѣ. Жуковскій вызвалъ къ себѣ большое расположеніе императрицы и она пригласила его къ себѣ чтецомъ[1]). Слава, почести, дружеское вниманіе окружали его въ Петербургѣ, но онъ продолжалъ писать въ деревню: «Когда-то опять воротится мнѣ *мое Долбино и Мишенское?*»

Естественно, что, оставаясь въ Петербургѣ, вращаясь въ кругу своихъ друзей съ живыми литературными стремленіями, Жуковскій принялъ участіе въ ихъ интересахъ и былъ въ числѣ основателей возникшаго въ это время литературнаго кружка, подъ названіемъ *Арзамасъ*. Въ сущности этотъ кружокъ былъ продолженіемъ тѣхъ товарищескихъ сборищъ, которыя еще въ 1811 году устраивались въ Москвѣ въ домѣ кн. П. А. Вяземскаго. Тогда участниками этихъ собраній были В. Л. Пушкинъ, К. Н. Батюшковъ, А. М. Пушкинъ, Д. М. Сѣверинъ, М. Ю. Віельгорскій и др. Во время своихъ пріѣздовъ въ Москву, бывалъ на нихъ и Жуковскій. Время проходило въ литературныхъ спорахъ, чтеніяхъ, пиршествахъ

---

[1]) Въ этомъ же сентябрѣ съ Жуковскаго, по заказу Уварова, извѣстнымъ художникомъ Кипренскимъ былъ нарисованъ портретъ.

и шуткахъ. Молодежь горячо сочувствовала Карамзину и готова была вступить въ борьбу со всяческой литературной рутиной. Вяземскій, выдававшійся среди товарищей своимъ блестящимъ умомъ, уже тогда посилъ прозвище Асмодея, перешедшее къ нему и въ Арзамасъ. Вспоминая ранніе годы своей молодости, Вяземскій говорилъ: «Мы уже были арзамасцами между собою, когда Арзамаса еще не было».

Когда 23 сентября 1815 года кн. Шаховской вывелъ въ своей комедіи: *Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды*—Жуковскаго, въ видѣ жалкаго балладника Фіалкина, его товарищи были возмущены. Къ этому возмущенію присоединилась и давнишняя ихъ распря съ партіей литературныхъ старовѣровъ, во главѣ которой стоялъ Шишковъ. Товарищи Жуковскаго помѣстили нѣсколько полемическихъ статей и сатиръ по адресу кн. Шаховскаго, который по почину кн. Вяземскаго получилъ прозваніе *кн. Шутовскаго*. Самъ Жуковскій не чувствовалъ себя задѣтымъ и спокойно, со стороны, смотрѣлъ на поднявшуюся изъ-за него войну. Но товарищи его рѣшили сражаться съ приверженцами Шишкова не только за Жуковскаго, но и за всѣми ими почитаемаго Карамзина, бывшаго предметомъ постоянныхъ нападокъ «Бесѣды любителей русскаго слога», общества, основаннаго Шишковымъ. «Шишковисты,—говоритъ Ковалевскій[1]),—соединились дружно между собою, составили общество и устроили бесѣды «любителей русскаго слова» у Державина (1811 года). Уставъ этихъ бесѣдъ писанъ Шишковымъ. Засѣданія были ежемѣсячныя и происходили публично. Общество имѣло характеръ чисто бюрократическій: министры, епископы, генералы, все, что было знатнаго и имѣвшаго вліяніе въ службѣ и обществѣ, добивалось чести участвовать въ «бесѣдахъ». Въ собраніе пріѣзжали въ мундирахъ и лентахъ, дамы — въ бальныхъ платьяхъ. Всѣ скучали невыносимо, но пріѣзжали. Это была мода!.. Все, что было читано въ «бесѣдѣ», печаталось подъ

---

[1]) „Блудовъ и его время“ ст. 102 и слѣд.

названіемъ «Чтеній». Сухость, педантство, скудость дарованія, за немногими исключеніями, составляютъ характеръ ихъ».

И вотъ отчасти для того, чтобы вести борьбу съ мнѣніями «бесѣды», находившими своихъ многочисленныхъ послѣдователей въ литературѣ, отчасти для того, чтобы дружески и весело собираться, нѣсколько послѣдователей Карамзина рѣшили основать общество — пародію на «Бесѣду» Шишкова. Оно названо было Арзамасскимъ ученымъ обществомъ или просто «Арзамасомъ»; названіе это звучало ироніей надъ претензіями узкихъ педантовъ, такъ какъ Арзамасъ, глухой городокъ Нижегородской губерніи, былъ взятъ символомъ невѣжества. Основателями общества были гр. Блудовъ, Дашковъ и Жуковскій. Послѣдній вошелъ въ общество не для полемики съ «Бесѣдой» — полемики онъ никогда не любилъ, — онъ взманился перспективой веселыхъ дружескихъ вечеровъ. Общество было основано 14 октября 1815 г. на вечерѣ въ домѣ Уварова и затѣмъ собиралось каждую недѣлю, сначала по четвергамъ, то у гр. Блудова, то у гр. Уварова. Жуковскій единогласно былъ избранъ его секретаремъ и вносилъ въ эти засѣданія много шутокъ и веселья. Участники этихъ собраній были, хотя и молодые, но уже не очень юные люди: большинству было за тридцать лѣтъ; были между ними и немолодые люди, какъ напр. В. Л. Пушкинъ, Д. А. Кавелинъ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій и др. Вербовалъ новыхъ членовъ и давалъ всѣмъ членамъ прозвища Жуковскій. Почетными членами Арзамаса были Карамзинъ и Дмитріевъ. Жуковскій въ письмахъ называлъ Карамзина «Арзамасскимъ патріархомъ»; забавы въ этихъ засѣданіяхъ были такія дѣтскія, затѣи такъ громоздки и искусственны и въ словахъ, и въ шутовскихъ обрядахъ, что теперь невольно удивляешься, какъ могли эти не очень молодые и образованные люди находить удовольствіе въ подобныхъ развлеченіяхъ. Общество это просуществовало недолго (около $2^1/_2$ лѣтъ) и на первый взглядъ едва ли

можетъ быть разсматриваемо, какъ сколько-нибудь значительная сила въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія. И, дѣйствительно, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Л. Майкова, что «въ нашей литературѣ не осталось слѣдовъ совокупной дѣятельности арзамасцевъ; они собирались, что-то дѣлать, но ничего не сдѣлали сообща, а что сдѣлано нѣкоторыми изъ нихъ порознь, того нельзя ставить въ общую заслугу всему кружку. Попытка предпринять періодическое изданіе отъ имени Арзамаса не состоялась, и совѣщанія объ этомъ предпріятіи всего яснѣе обнаружили, что во взглядахъ членовъ кружка далеко не было единства» [1]).

Только что приведенныя слова совершенно справедливы, но не въ этомъ заключается и заслуга Арзамаса. Говорить объ опредѣленномъ литературномъ направленіи въ то время было довольно трудно, критика шла ощупью, и правда мнѣній больше угадывалась, чѣмъ была результатомъ опредѣленнаго литературнаго міросозерцанія. Общественная сила Арзамаса заключалась въ другомъ.

Каждый мыслящій и желающій сколько-нибудь послѣдовательно дѣйствовать человѣкъ знаетъ по собственному опыту, какъ бываетъ важно знать и чувствовать, что есть близкіе по настроенію люди, съ которыми во многомъ можно быть солидарнымъ или съ которыми можно вступить въ откровенный споръ по какимъ-либо вопросамъ, важнымъ для лица, принимающаго участіе въ подобныхъ встрѣчахъ людей. Такія встрѣчи съ людьми укрѣпляютъ увѣренность въ возможности чего-нибудь достигнуть, будятъ энергію и воодушевляютъ людей благородными стремленіями, такъ или иначе выражающимися въ жизни. Именно такимъ очагомъ безкорыстныхъ и, правда, подчасъ неясныхъ, общественныхъ стремленій былъ Арзамасъ. Онъ будилъ въ человѣкѣ любовь къ честному и смѣлому поступку, вызывалъ на борьбу, и

---

[1]) Л. Майковъ. „Батюшковъ, его жизнь и сочиненія,“ изд. 2-е, стр. 186, Спб. 1896 г.

если въ цѣломъ Арзамасъ не выступалъ, какъ дѣйствующее лицо, то онъ поддержалъ духовныя стремленія людей, которыя при существованіи въ одиночку могли бы заглохнуть. Что онъ, дѣйствительно, былъ такой школой честности мысли и бодрости душевныхъ стремленій, доказываетъ особенно переписка арзамасцевъ, которые даже въ старости любятъ называть себя арзамасскими прозвищами, и если упоминаютъ о чемъ-либо въ нихъ благородномъ и незапятнанномъ жизнью подъ старость, то не разъединяютъ этого съ понятіемъ «настоящаго арзамасца». Батюшковъ такъ опредѣлялъ составъ Арзамаса въ срединѣ 1817 г. въ письмѣ къ Вяземскому: «Благодарю за извѣстія твои о Петербургѣ и радуюсь, что ты укралъ у Фортуны нѣсколько пріятныхъ минутъ и *отдохнулъ съ людьми*, ибо это, право, *люди:* Блудовъ, столь острый и образованный; Тургеневъ, у котораго доброты достанетъ на двухъ, и какого-то аттицизма, весьма пріятнаго и оригинальнаго, человѣкъ на десять; Сѣверинъ, дѣятельный и дѣльный въ такія нѣжныя лѣта; Орловъ, у котораго — рѣдкій случай! — умъ забрался въ тѣло, достойное Фидіаса, и Жуковскій, исполненный счастливѣйшихъ качествъ ума, сердца, «ходячій талантъ». Нельзя не признать справедливымъ указанія одного изъ участниковъ Арзамаса — Вигеля, что Арзамасъ «породилъ неизмѣнную, твердую дружбу между людей, которые, оказывая великія услуги государству, въ вѣкъ обмана и златолюбія, служили примѣромъ чести и безкорыстія». Говоря о Свѣчиной въ письмѣ къ Тургеневу, кн. Вяземскій не находитъ ей лучшей похвалы, какъ сказать: «Знаешь ли, я ее пожаловалъ бы въ души Арзамаса. Въ ней есть отголосокъ, который отвѣчаетъ на все прекрасное, доброе, умное». Какую нравственную поддержку могъ оказать Арзамасъ своимъ сочленамъ, выясняетъ для насъ и Блудовъ въ письмѣ къ Жуковскому: «Если бъ мнѣ иногда не случалось вспоминать, — пишетъ онъ, — что я *другъ Карамзина, Жуковскаго, Тургенева, Батюшкова, однимъ словомъ — арзамасецъ*, то, конечно, уже давно бы причислилъ себя къ

тѣмъ людямъ, которые хуже глупцовъ, хотя не такъ глупы». Если литературные взгляды этого кружка и не получили большой опредѣленности, на что трудно было разсчитывать въ тѣ времена, зато настроеніе всѣхъ членовъ имѣло въ себѣ нѣчто общее, и понятіе объ этомъ настроеніи даетъ письмо кн. Вяземскаго изъ Варшавы къ Тургеневу. Говоря о дѣятельности М. Ф. Орлова по введенію «ланкастеровской методы», онъ замѣчаетъ, что Орловъ вводитъ «нѣкоторыя либеральныя идеи, которыя у васъ переводятъ законно-свободными, а здѣсь можно покуда назвать арзамасскими».

Очень естественно, что этотъ кружокъ оказалъ свое вліяніе на подъемъ духа опечаленнаго въ то время Жуковскаго. Въ это время онъ вновь мечтаетъ о журналѣ, и въ письмѣ къ Дашкову по этому дѣлу употребляетъ такія выраженія, которыя явно свидѣтельствуютъ, что Арзамасъ не однѣми шутками былъ ему близокъ, но ставилъ его и въ опредѣленное отношеніе къ Шишкову и его обществу: «Надобно признаться, — пишетъ онъ,—что этотъ чортъ любезенъ въ однѣхъ только моихъ балладахъ и въ одной слѣдующей фразѣ: чортъ побери «бесѣду» и Шутовскаго!» Когда нужно было помочь писателю Мещевскому, сосланному въ Сибирь, Жуковскій обратился ни къ кому другому, какъ къ тому же Арзамасу, и встрѣтилъ здѣсь самое дѣятельное сочувствіе. Помимо письма по этому дѣлу въ Арзамасъ, онъ писалъ еще спеціально Тургеневу: «Будь дѣятеленъ: дѣло идетъ о сотвореніи поэта и спасеніи человѣка. Да воскреснетъ Арзамасъ!» Недаромъ онъ, уже 64-лѣтнимъ старикомъ въ письмѣ къ Вяземскому (отъ 2/14 іюня 1847 г.) называлъ себя «старымъ сослуживцемъ подъ *знаменами Арзамаса*». Не безслѣдно, видимо, прошелъ Арзамасъ для кружка молодыхъ литераторовъ, а въ ихъ числѣ и для Жуковскаго.

Такъ шла въ 1815 году петербургская жизнь Жуковскаго среди обязанностей придворнаго чтеца императрицы, очень дружески къ нему относившейся, среди посѣщеній большого петербургскаго свѣта и среди литературныхъ занятій, кото-

рыя, впрочемъ, у него не очень шли въ это время, такъ какъ его все-таки тянуло въ деревню.

«О, рощи, о, друзья, когда увижу васъ?» писалъ онъ.

V

Выходъ замужъ М. А. Протасовой и поѣздка Жуковскаго въ Дерптъ. — Дерптская жизнь. — Пенсія и представленіе императору Александру I. — Приглашеніе преподавать русскій языкъ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. — Занятія съ великой княгиней. — Избраніе членомъ Академіи Наукъ. — Жизнь при Дворѣ.

Въ то время, какъ внѣшнія условія петербургской жизни Жуковскаго складывались благопріятно, на него неожиданно обрушилось новое горе: онъ получилъ 8 ноября 1815 г. отъ Маріи Андреевны Протасовой извѣстіе, что она выходитъ замужъ. Это извѣстіе вдвойнѣ поразило его. И самый фактъ выхода ея замужъ былъ для него ударомъ, но къ этому у него присоединилась мысль, что она выходитъ не по своей волѣ, а по принужденію матери. Онъ никакъ не могъ допустить мысли, чтобы Марья Андреевна могла кого-нибудь полюбить въ это время, кромѣ него. Послѣдовалъ обмѣнъ писемъ, частью рѣзкихъ, частью мучительныхъ, полныхъ длинныхъ разборовъ прежнихъ чувствъ и отношеній; воображеніе у Жуковскаго разросталось, въ результатѣ получился цѣлый рядъ горькихъ недоразумѣній, распутывать которыя возможно было только личнымъ свиданіемъ, и Жуковскій, истерзанный подозрѣніями, рѣшился ѣхать въ Дерптъ, тѣмъ болѣе, что онъ, принимая обязанности чтеца, выговорилъ себѣ право отлучаться изъ Петербурга, когда этого потребуютъ его обстоятельства.

Пріѣхавши въ Дерптъ въ январѣ 1816 г., ему пришлось убѣдиться, что Марья Андреевна писала ему правду объ отсутствіи принужденія со стороны Екатерины Аѳанасьевны: Марья Андреевна выходила замужъ, видимо, по склонности, и притомъ за друга Жуковскаго, которому онъ поручилъ попеченіе о Протасовыхъ, уѣзжая изъ Дерпта. Это былъ,

всѣми уважаемый въ Дерптѣ, профессоръ университета, сынъ ревельскаго пастора, Иванъ Филипповичъ Мойеръ — домашній врачъ Протасовыхъ, талантливый и благородный человѣкъ. Не безъ сердечной боли убѣдился Жуковскій въ склонности племянницы къ своему другу, но въ то же время, по свойственному ему великодушію, значительно успокоился, видя племянницу счастливой и все болѣе переходя въ роль ея отца. Съ этихъ поръ письма его къ роднымъ получаютъ болѣе спокойный характеръ; повидимому, въ это время онъ сумѣлъ побѣдить и свое чувство къ Маріѣ Андреевнѣ, которое начинало уже измѣняться и переходить въ отеческое. Разсѣявъ въ Дерптѣ свои сомнѣнія объ условіяхъ выхода замужъ Маріи Андреевны, онъ ненадолго съѣздилъ въ Петербургъ и затѣмъ снова вернулся въ Дерптъ: свадьба Маріи Андреевны была отложена до 14 января 1817 года, и Жуковскій рѣшилъ провести этотъ годъ въ Дерптѣ. Отношенія съ Екатериной Аѳанасьевной теперь уладились; Воейковъ въ это время уже чувствовалъ себя болѣе зависимымъ и держалъ себя скромнѣе, отношенія съ Маріей Андреевной были просты и искренни, самый городокъ ему нравился, — все складывалось къ тому, чтобы дать Жуковскому здѣсь болѣе мирную и удовлетворенную жизнь. Такъ оно и случилось.

Уже въ первый свой пріѣздъ въ Дерптъ Жуковскій сталъ сближаться съ здѣшнимъ образованнымъ нѣмецкимъ обществомъ и глубже изучать нѣмецкую литературу, а теперь совершенно вошелъ въ профессорскіе дерптскіе кружки. Его знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ, и безъ того къ этому времени хорошее, вслѣдствіе самостоятельныхъ занятій, теперь еще улучшилось, и онъ сталъ владѣть имъ вполнѣ свободно. Дерптскій университетъ въ то время еще былъ молодымъ учрежденіемъ и переживалъ только второе десятилѣтіе; въ отношеніяхъ къ дѣлу, въ отношеніяхъ между профессорами и студентами было много свободной простоты. Общество очень сочувствовало университету и видѣло въ

немъ свою гордость. Семейная жизнь, такъ любезная Жуковскому, здѣсь процвѣтала, и онъ, успокоенный въ личныхъ настроеніяхъ, съ увлеченіемъ отдался и литературной, и научной работѣ, и общественнымъ развлеченіямъ Дерпта. Онъ устраивалъ музыкальные и литературные вечера, и на нихъ нерѣдко исполнялись его собственныя произведенія, положенныя на музыку уже не Плещеевымъ, какъ когда-то въ Муратовѣ, а дерптскимъ композиторомъ Вейраутомъ. Жуковскій пополнялъ здѣсь и свое образованіе, посѣщая университетскія лекціи, какъ, напримѣръ, лекціи по исторіи древняго русскаго права, Эверса младшаго, съ которымъ очень сошелся и могъ въ личныхъ бесѣдахъ съ нимъ выяснять для себя многое сверхъ того курса, который предлагался въ аудиторіи. Слушалъ онъ лекціи и по философіи, но онѣ были мало ему полезны, по гуманности изложенія лектора Готтлиба-Веніамина, хотя и прямого ученика Канта.

Это было, можетъ-быть, время особенно плодотворныхъ и отрадныхъ литературныхъ занятій Жуковскаго. Онъ весь отдался этой жизни и очень мало думалъ о завтрашнемъ днѣ. Друзья, зная эту его черту, опять принялись хлопотать объ его положеніи. Тургеневъ задумалъ прежде всего поднести его сочиненія, вышедшія въ 1815 году, черезъ министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына — императору и потребовалъ отъ Жуковскаго, чтобы онъ составилъ по этому случаю письмо государю. Онъ исполнилъ настоятельную просьбу друга, но неохотно; внутреннее чувство свое онъ выразилъ Тургеневу такъ: «Мнѣ весело думать что *ты* обо мнѣ хлопочешь. Очень было бы хорошо, когда бы то, что ты затѣялъ, и о чемъ я не имѣю понятія, совсѣмъ обошлось безъ письма моего. Неужели должно непремѣнно *просить* вниманія? Довольно того, чтобы его стоить! Вниманіе государя есть дѣло святое. Имѣть на него право могу и я, если буду русскимъ поэтомъ въ благородномъ смыслѣ сего имени. А я буду!»

Онъ отдался на волю своихъ друзей въ этомъ вопросѣ совершенно и приписалъ въ одномъ письмѣ къ Тургеневу, въ которомъ хлопоталъ не за себя, а за профессоровъ Дерптскаго университета: «Ждете ли вы меня, и постарайся узнать, къ которому числу, котораго мѣсяца можно надѣяться, что я буду въ Петербургѣ». Дѣло, задуманное Тургеневымъ относительно Жуковскаго, удалось вполнѣ; онъ составилъ докладную записку министру народнаго просвѣщенія, съ которымъ былъ очень хорошъ; приводя въ этой запискѣ литературныя заслуги Жуковскаго, онъ указывалъ, что для полной успѣшности его авторства необходима матеріальная независимость. «При безкорыстномъ и благородномъ характерѣ г. Жуковскаго, — докладывалъ онъ, — сія независимость можетъ быть доставлена единственно чрезъ помощь отъ престола».

Докладная записка возымѣла дѣйствіе, министръ поднесъ императору экземпляръ стихотвореній Жуковскаго, и государь назначилъ ему пожизненный пенсіонъ. Тургеневъ съ радостью написалъ князю Вяземскому 2 января 1817 года, въ день объявленія высочайшихъ наградъ, слѣдующее: «Подарокъ въ Новый годъ отъ Тургенева князю Вяземскому»:

Копія съ указа.

Господину министру финансовъ.

Взирая со вниманіемъ на труды и дарованія извѣстнаго писателя, штабсъ-капитана Василья Жуковскаго, обогатившаго нашу словесность отличными произведеніями, изъ коихъ многія посвящены славѣ россійскаго оружія, повелѣваю, какъ въ ознаменованіе Моего къ нему благоволенія, такъ и для доставленія нужной при его занятіяхъ независимости состоянія, производить ему въ пенсіонъ по четыре тысячи рублей въ годъ изъ суммъ Государственнаго казначейства.

Александръ.

С.-Петербургъ, 30-го декабря 1816 года.

Сообщая этотъ указъ другу, Тургеневъ былъ правъ, называя его съ гордостью *своимъ* подаркомъ ихъ дружескому кружку: идея пенсіона принадлежала ему, и даже нѣкоторыя выраженія докладной записки вошли въ указъ. Второго же января Жуковскій написалъ своей лучшей пріятельницѣ А. П. Кирѣевской: «Порадуйтесь за меня. У меня есть то, *что лучше всего на свѣтѣ*, — независимость. Добрый царь далъ мнѣ пенсіонъ (4.000 р.). Этого довольно для свободы и безпечности». Друзья, дѣйствительно, оказали теперь важную услугу своему безсребреннику товарищу-поэту и русской литературѣ.

Жуковскій былъ представленъ императору, благодарилъ его за милость, получилъ въ подарокъ брилліантовый перстень съ шифромъ государя и отправился 5 января 1817 года снова въ Дерптъ. Здѣсь, черезъ нѣсколько дней, 14 января состоялась свадьба Маріи Андреевны. О жизни Жуковскаго въ это время можно судить по его собственнымъ словамъ въ письмѣ отъ второй половины января: «Я чувствую новую необходимость дѣятельности, и это побужденіе святое: благодарность къ Государю, который далъ мнѣ лучшее благо — независимость и имѣетъ на меня надежду: этой надежды обмануть ненадобно... Я принялся за работу, и часы мои идутъ порядочно. Вокругъ меня все устроено. Свадьба кончена, и душа совсѣмъ утихла. Думаю только объ одной работѣ. Благослови Богъ!» Онъ въ это время работалъ надъ давно задуманной поэмой: «Владиміръ», для которой уже собралъ довольно много историческаго и литературнаго матеріала. Но такъ ему работалось только сгоряча, подъ свѣжими впечатлѣніями свиданія съ государемъ, а черезъ мѣсяцъ онъ уже снова пришелъ въ грустное и вялое настроеніе. «Душа, какъ будто деревянная, что изъ меня будетъ, не знаю!» Но были въ его письмахъ и слова надежды: «Не бойся!—писалъ онъ,—я не упаду. По крайней мѣрѣ, я надѣюсь воскреснуть!.. Это пройдетъ... Я смотрю на счастье, которое не мнѣ принадлежитъ, *спокойно*». Если литературныя его заня-

тія въ это время двигались медленно, зато онъ много энергіи употребилъ за этотъ мѣсяцъ на хлопоты о положеніи Дерптскаго университета и лучшихъ его профессоровъ, и нужно, по справедливости, сказать, что Дерптскій университетъ нашелъ въ Жуковскомъ дѣятельнаго друга и многимъ ему обязанъ. Кромѣ того, Жуковскій много хлопоталъ въ это время за близкихъ и далекихъ для себя лицъ передъ петербургскими своими друзьями и, по обыкновенію, съ успѣхомъ, потому что просилъ онъ обыкновенно за другихъ неотступно, и прекращалъ свои напоминанія только тогда, когда достигалъ успѣха.

Въ концѣ апрѣля, повидимому, онъ уже оправился отъ своего меланхолическаго настроенія и въ немъ встрепенулось чувство молодости, жизни; по его собственнымъ словамъ, онъ «хотѣлъ было употребить года два на путешествія, хотѣлъ было дать себѣ года два настоящей молодости, свободной, живой, окруженной прекрасными, для меня новыми впечатлѣніями». Но обстоятельства опять измѣнили его намѣреніе.

23 апрѣля 1817 года проѣзжалъ черезъ Дерптъ бывшій профессоръ словесности въ Дерптскомъ университетѣ, состоявшій «кавалеромъ» при великихъ князьяхъ и прежде преподававшій русскій языкъ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ — Григорій Андреевичъ Глинка. Повидавшись съ Жуковскимъ, онъ предложилъ ему взять на себя преподаваніе русскаго языка невѣстѣ великаго князя Николая Павловича, принцессѣ Шарлоттѣ, въ крещеніи принявшей имя великой княгини Александры Ѳеодоровны. Эту должность предлагали, собственно, самому Глинкѣ, но онъ не могъ взять ее на себя, и потому обратился къ Жуковскому. Это предложеніе показалось поэту привлекательнымъ, но онъ не рѣшался браться за это дѣло, не посовѣтовавшись съ Карамзинымъ и Тургеневымъ. Онъ надѣялся на сохраненіе независимости при этихъ новыхъ обязанностяхъ, которыя требовали отъ него только одного часа въ день занятій съ принцессой,

предоставляя свободу на остальное время. Самыя занятія его интересовали, такъ какъ находились въ связи съ его собственными. Ему казалось «наслажденіемъ, а не неволей, имѣть своимъ товарищемъ образованную женщину въ любимомъ занятіи». Наконецъ, онъ начиналъ чувствовать, что неограниченная свобода, данная ему пенсіономъ, начинаетъ быть ему во вредъ вслѣдствіе его безхарактерности. «Слишкомъ неограниченная свобода вредитъ мнѣ, я это чувствую», писалъ онъ. Онъ надѣялся въ новомъ дѣлѣ найти «много пищи для энтузіазма, для авторскаго таланта». Къ тому же и матеріальныя условія этого труда были очень выгодны.

Приглашеніе Жуковскаго состоялось въ концѣ 1817 года; онъ отправился сначала въ Петербургъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ дворомъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ 22 октября состоялась первая его лекція новой его ученицѣ. Такимъ образомъ Жуковскій вошелъ въ царскую семью, и съ этихъ поръ привязался къ ней искренно и глубоко. Онъ наслаждался новыми своими занятіями, и былъ, по словамъ Карамзина, «очарованъ» привлекательными душевными свойствами своей ученицы. Занятія эти получили характеръ воодушевленныхъ бесѣдъ, гдѣ учитель давалъ свѣдѣнія о русскомъ языкѣ и въ то же время отъ своей ученицы узнавалъ многія стороны нѣмецкой поэзіи, которая теперь вновь его заинтересовала. «Я люблю свою должность, — записалъ онъ въ свой дневникъ 27 октября, — и мнѣ совсѣмъ не кажется отдыхомъ тотъ день, въ который не могу ею заняться... Однимъ словомъ, до сихъ поръ я чувствую себя совершенно счастливымъ въ своей должности, и счастливымъ особенно потому, что чувствую себя со всѣхъ сторонъ независимымъ: *извнѣ* и *внутри души*. Честолюбіе молчитъ; въ душѣ одно желаніе добраго. Безъ всякаго безпокойства желанія смотрю на будущее *и весь отданъ настоящему*. Милая, привлекательная должность! Поэзія! Свобода!» Отношенія съ членами царскаго семейства устанавливались у него самыя близкія. Уроки его очень нравились великой княгинѣ: «Я имѣлъ

удовольствіе слышать отъ нея, — записалъ онъ 6 ноября, — и, кажется, это было искренно, что мои уроки ей нравятся. «Aucun de mes maîtres n'a été si clair que vous». Однимъ словомъ, это утро наполнило сердце счастьемъ».

У него появлялось поэтическое вдохновеніе въ эти минуты счастья. Онъ былъ правъ, когда говорилъ, что счастье необходимо для проявленія его духовныхъ силъ. Къ этому времени относятся и его переводы изъ нѣмецкой поэзіи, которые онъ издавалъ подъ заглавіемъ «Для немногихъ», и раздавалъ ихъ только избраннымъ лицамъ. Жуковскій жилъ тогда въ отведенной ему квартирѣ, въ кельѣ одного изъ монаховъ Чудовскаго монастыря, и вотъ какъ описывалъ Тургеневу свое жилище и настроеніе. «На окнахъ моихъ крѣпкія рѣшетки, но горницы убраны *не по монашески:* тишина стихотворная царствуетъ въ моей обители, и ужъ музы стучатся въ двери... Мое все хорошо, и я радуюсь своею участью, ибо на душѣ легко, и мнѣ весело находить въ этой душѣ одни только теплыя безкорыстныя желанія и намѣренія, достойныя тебя, Карамзина и Арзамаса». Въ новыхъ условіяхъ своей жизни Жуковскій встрѣтилъ много ласки, дружескаго участія. Императоръ «обходился съ нимъ благосклонно», а великій князь былъ такъ близокъ, что при встрѣчахъ они «нѣжно съ нимъ цѣловались». Изящество новой жизни, атмосфера простоты и дружбы увлекли Жуковскаго. Одинъ изъ самыхъ близкихъ ему людей — Зейдлицъ разсказываетъ, что онъ «бродилъ съ своимъ другомъ Блудовымъ по Москвѣ, представлявшей еще на многихъ улицахъ обгорѣлые дома и развалины. Въ такъ называемомъ Маломъ великокняжескомъ дворцѣ господствовала простота и задушевная непринужденность. Александръ Павловичъ окружалъ молодую чету самыми пріятными для нихъ людьми. При такихъ счастливыхъ условіяхъ Жуковскій вскорѣ почувствовалъ себя при дворѣ, какъ въ родной семьѣ». Близкая его связь съ царскимъ семействомъ особенно видна изъ всего тона, которымъ проникнуто посланіе къ великой княгинѣ

Александрѣ Ѳеодоровнѣ по случаю рожденія ея первенца (17 апрѣля 1818 года), великаго князя Александра Николаевича, будущаго ученика Жуковскаго.

«Кажется, поэтъ мало-по-малу превращается въ придворнаго, — писалъ Тургеневу И. И. Дмитріевъ, — кажется, новость въ знакомствахъ, въ образѣ жизни начинаетъ прельщать его». И такъ могло, дѣйствительно, казаться, потому что придворная жизнь, дѣйствительно, налагала и не могла не налагать свой отпечатокъ на такую податливую на чужое вліяніе натуру, какимъ былъ Жуковскій. Но къ чести его нужно сказать, и это одинаково подтверждается и интимными записями его дневника, и цѣлымъ рядомъ его поступковъ, что онъ остался такимъ же прямымъ и отзывчивымъ, и чистымъ человѣкомъ, какимъ всегда знали его друзья, и тѣмъ больше онъ былъ любимъ и ласкаемъ въ царскомъ домѣ. Ненадолго съѣздивъ въ Бѣлевъ, вскорѣ послѣ рожденія великаго князя, онъ въ концѣ 1818 года вмѣстѣ съ дворомъ переѣхалъ въ Петербургъ. Въ этомъ же году Академія Наукъ избрала его своимъ членомъ.

Петербургская жизнь захватила Жуковскаго; поэтическія его произведенія почти не появлялись. Дневникъ его за это время становится очень конспективенъ: онъ для памяти записывалъ только заглавія событій своей жизни, какъ будто собираясь современемъ по этимъ «вѣхамъ» припоминать прошедшую жизнь. Перелистывая этотъ дневникъ, видишь, какъ безпрерывно чередовались для него въ это время занятія съ великой княжной, обѣды у знатныхъ лицъ, маршальскіе обѣды, встрѣчи съ крупными литературными силами, придворныя развлеченія, прогулки, свѣтскіе разговоры, чтеніе въ обществѣ, игры въ cercean, шахматы, музыка, биллiардъ и очень рѣдко литературныя занятія. Друзья замѣчали, что эта балующая атмосфера мѣшаетъ широтѣ поэтическаго творчества Жуковскаго, и Тургеневъ съ сожалѣніемъ писалъ Вяземскому, что Жуковскій «здѣсь совсѣмъ излѣнился». Наблюдая Жуковскаго, въ частыхъ встрѣчахъ въ это время,

онъ начиналъ даже опасаться, чтобы придворная жизнь не погубила таланта Жуковскаго. «Жуковскій,—писалъ онъ Вяземскому,—несмотря на пудру, отъ которой страждетъ его голова во всѣхъ отношеніяхъ, остался еще съ душою, но, можетъ, мало-по-малу ее растрясетъ на Павловскихъ линейкахъ. Ему необходимо нужно отказаться отъ вечернихъ прогулокъ, которыя отнимаютъ у него послѣдній досугъ, ибо по утру онъ за грамматикой, потомъ за обѣдомъ, а черезъ часъ долженъ являться на линейку...» Вяземскій, раздѣляя эти опасенія, по свойству своего таланта, очень образно передалъ въ это время положеніе Жуковскаго. «Искра въ дѣйствіи обширнымъ пламенемъ возносится до небесъ и освѣщаетъ окрестности; праздная, она—тотъ же огонь, но свѣтится только для нѣкоторыхъ и гаснетъ забытая».

Особенно увлекло въ это время Жуковскаго общество фрейлинъ. Выросшій среди женскаго общества, чуткій и впечатлительный поэтъ по основнымъ свойствамъ своей натуры, онъ не могъ не увлечься изяществомъ этого молодого дѣвическаго общества, которое его баловало и само имъ увлекалось. «Онъ теперь няньчится,—писалъ про него Тургеневъ,—только съ фрейлинами, ѣстъ ихъ конфекты и пьетъ за нихъ шампанское. Вино поэзіи веселитъ сердце его, а съ нимъ и воображеніе. Впрочемъ, онъ уже и записки пишетъ стихами и не можетъ сказать прозою: пришлите мнѣ мороженаго и миндалю въ сахарѣ».

Молодая жизнь проснулась въ этомъ всегдашнемъ теоретическомъ мечтателѣ, который писалъ въ 13-мъ году, что готовъ былъ считать себя старикомъ и чуть не отпѣвалъ своей молодости. Его увлеченія принимали иногда характеръ нѣжной и сильной привязанности: «Жуковскій въ Гатчинѣ еще, хотя ученица его пріѣзжала сюда взглянуть на дѣтей и на «Вертера»; но Жуковскій не могъ оторваться отъ графини Бобринской, съ которой играетъ au petits jeux» (Писалъ Тургеневъ кн. Вяземскому 7 окт. 1819 г.). Особенно любилъ Жуковскій общество фрейлинъ: Ушаковой, гр. Са-

мойловой, гр. Шуваловой и кн. Хилковой. Повидимому, или графиня Самойлова, или кн. Хилкова была предметомъ его нѣжнаго чувства. Это выразилъ онъ и въ посланіяхъ своихъ къ нимъ, то же видно и изъ переписки его друзей, наблюдавшихъ его въ то время. «Пришлю тебѣ, — пишетъ Вяземскому Тургеневъ, — нѣсколько Жуковщины. Онъ неистощимъ въ любовныхъ мечтаніяхъ и настроилъ было опять душу и любовь свою для поэзіи: положилъ на ноты своего сердца или сердечнаго воображенія». Онъ называетъ въ письмахъ къ Вяземскому кого-то изъ фрейлинъ «красавицей Жуковскаго».

Передъ отъѣздомъ за границу въ 1820 г. у Жуковскаго было трогательное объясненіе съ гр. Самойловой, судя по письму Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго къ его дочери въ октябрѣ этого года, но объясненіе не привело къ его счастью, и Карамзинъ написалъ И. И. Дмитріеву 20 сентября 1820 г.: «Жуковскій ѣдетъ въ Берлинъ. Увы! Онъ влюбленъ, но не женихъ! Ему хотѣлось бы жениться, но при дворѣ нелегко найти невѣсту для стихотворца, хотя и любимаго».

Друзья напрасно, впрочемъ, опасались за талантъ Жуковскаго; его придворное положеніе и увлеченія не могли захватить его всего, и лучшее въ немъ — его чуткая душа оставалась невредимой. «Пудра не запылила души его, и дѣятельность его, кажется, начинаетъ воскресать, — писалъ, во второй половинѣ 1819 года, тотъ же Тургеневъ, — по всѣмъ признакамъ, онъ точно воскресаетъ, и геній-воскреситель его есть Byron, да и *отдыхъ въ пользу*». Впослѣдствіи самъ Жуовскій писалъ: «Вокругъ меня былъ Дворъ, я былъ прикованъ ко всѣмъ его суетамъ (хотя и никогда не былъ имъ порабощенъ совершенно), и посреди всѣхъ этихъ суетъ чувствовалъ себя одинокимъ» (письмо къ роднымъ, 5 сент. 1840 г.).

Въ это же время Жуковскій особенно близко сошелся съ А. С. Пушкинымъ, встрѣчаясь съ нимъ въ Царскомъ Селѣ и Петербургѣ. Пушкинъ въ то время жилъ всѣми

увлеченіями молодости, безъ всякаго разсчета своихъ силъ, еще и не вѣдая всего значенія своего колоссальнаго дарованія, но уже становясь извѣстнымъ нѣсколькими своими полными жизни и свѣжаго таланта стихами. Чуждый какой-либо зависти, Жуковскій скоро понялъ богатство его натуры и, безкорыстно любуясь имъ, привязался къ нему всею душой. Впослѣдствіи онъ не разъ, благодаря своимъ непосредственнымъ отношеніямъ къ царской семьѣ, выручалъ Пушкина изъ опасныхъ и критическихъ положеній, въ которыя увлекали его непосредственность чувствъ и горячность дѣйствій. Уже въ это время Жуковскій любовно призналъ за нимъ первенство въ поэзіи, и въ день окончанія поэмы «Руслант и Людмила», въ великую пятницу 26 марта 1820 года, подарилъ ему свой портретъ, подъ которымъ подписалъ: «Побѣдителю-ученику отъ побѣжденнаго учителя».

VI.

Путешествіе за границу въ 1820 г. — Возвращеніе въ Россію и жизнь въ Петербургѣ. — Смерть М. А. Протасовой и вліяніе ея на Жуковскаго. — Заботы о Батюшковѣ. — Смерть императора Александра I. — Четырнадцатое декабря 1825 г.

Лѣтомъ 1820 года занятія Жуковскаго съ великой княгиней прекратились вслѣдствіе ея болѣзни, которая заставила великую княгиню, по настоянію врачей, отправиться за границу. Жуковскій, входившій въ ея свиту, долженъ былъ сопровождать великую княгиню и отправился въ Берлинъ, по дорогѣ заѣхавъ въ Дерптъ. Отсюда онъ успѣлъ написать ходатайство въ Петербургъ объ одномъ оклеветанномъ въ неблагонадежности дерптскомъ профессорѣ Белендорфѣ, а свое собственное настроеніе выразилъ въ письмѣ къ Авдотьѣ Петровнѣ (во второмъ бракѣ Елагиной), изъ словъ котораго ясно видно, что послѣдніе два года жизни оставили въ немъ горькій осадокъ: «Я ото всѣхъ оторванный кусокъ и живу такъ, что душа холодѣетъ. *Бѣдная моя поэзія.* Былъ въ

Дерптѣ, какъ во снѣ. Тамъ тихо, но у всѣхъ у насъ одна болѣзнь — разлука! Чѣмъ отъ нея вылѣчить? — Чтобы дать вамъ понятіе о себѣ, пришлю къ вамъ скоро списокъ всего, что я *въ послѣднее время написалъ; хорошаго мало*».

Онъ ожидалъ теперь нравственной поддержки отъ предстоящаго путешествія. Онъ надѣялся, что путешествіе «оживитъ и расширитъ душу», что «оно пробудитъ давно заснувшую поэзію».

Отъ границы до Берлина ѣхалъ онъ «законопаченнымъ въ коляскѣ» и по дорогѣ могъ видѣть въ теченіе десяти дней «только двѣ спины», сидѣвшихъ передъ нимъ людей, «изъ-за которыхъ по бокамъ выглядывало небо». Ему понравилась только дорога по морскому, песчаному берегу: «Мы ѣхали послѣ бури, — разсказываетъ онъ, — небо было ясно, но вѣтеръ страшно дулъ съ моря; огромныя волны бѣжали по пескамъ, какъ будто для того, чтобы насъ задавить, и по настоящему только для того, чтобы съ покорностью и съ ужасною пѣною разбиться подъ нашими колесами и подъ ногами нашихъ лошадей».

Въ Берлинѣ онъ пока мало знакомился съ самимъ городомъ. «Я какъ будто переѣхалъ съ одной квартиры на другую, — писалъ онъ Е. А. Протасовой, — такъ мало перемѣнилось въ моемъ образѣ жизни; и если бы я видѣлъ кого-нибудь изъ своихъ, то мнѣ казалось бы, что я не выѣзжалъ за границу».

Но такъ ему казалось только первые дни; простота Прусскаго двора и вниманіе, которое ему здѣсь было оказано, дали ему возможность широко удовлетворять свои эстетическія потребности, завести интересныя знакомства, наконецъ, и самому начать работать. Онъ каждый вечеръ бывалъ въ театрѣ, располагая мѣстомъ въ королевской ложѣ, а директоръ театра любезно ставилъ репертуаръ по назначенію самого Жуковскаго, который, по его собственнымъ словамъ «назначилъ ему всего Глука, Моцарта, всего Шиллера и почти всего Шекспира и роскошничалъ». Но среди этого

«роскошничанья» онъ не забылъ своего, теперь уже престарѣлаго учителя, Ѳ. Г. Покровскаго, и написалъ, по его просьбѣ, ходатайство въ Петербургъ объ выдачѣ ему пенсіона. Изъ новыхъ знакомствъ онъ особенно отмѣчаетъ свое сближеніе со старикомъ Христіаномъ-Вильгельмомъ Гуфеландомъ—писателемъ и лейбъ-медикомъ прусскаго короля. У этого добродушнаго и образованнаго старика Жуковскій отдыхалъ душой и бесѣдовалъ съ нимъ по философскимъ и религіознымъ вопросамъ. Его мало привлекала въ то время, по его настроенію, окружающая европейская жизнь, да онъ и не отличался наблюдательностью, онъ гораздо болѣе сосредоточивался въ себѣ самомъ. «Я боюсь за Жуковскаго: — шутя писалъ Вяземскій Тургеневу, — такимъ образомъ и путешествіе не провѣтритъ его. Онъ перенесетъ свою Аркадію во дворецъ и возвратится съ тѣмъ же безпечіемъ... Ему не душу питать нужно: она сама собой питается... нужно расшевелить умъ, разнообразить впечатлѣнія, понятія, чувствованіе. Я вижу его отсюда: жметъ руку немытую Гуфеланда, сравниваетъ ее съ запачканною рукою старца Эверса и говоритъ:

О, сладкій жаръ во грудь мою проникъ,
Когда твоя рука мнѣ руку сжала;
Мнѣ лучшею земная жизнь предстала.

Жуковскій Донъ-Кишотъ въ своемъ родѣ. Ему непремѣнно нужно бы имѣть при себѣ Санхо, напримѣръ, меня, который ворочалъ бы иногда на землю и носомъ притыкалъ его къ житейскому. Какъ Жуковскій набилъ руку на душу, чертей и луну, такъ я набилъ ее на либеральныя блестки». Опасенія Вяземскаго въ данномъ случаѣ были справедливы только отчасти; правда, Жуковскій еще не разъ вспоминалъ въ это время о Хилковой, правда, что онъ отмѣчалъ у себя въ дневникѣ даже «слезы», «уныніе», опасался быть «жалкимъ и смѣшнымъ» въ отношеніи къ Хилковой, но время и работа надъ собой, а также и новыя впечатлѣнія дѣлали свое: въ немъ проснулся талантъ, и онъ написалъ сначала

«Пери и ангелъ» подъ впечатлѣніемъ придворнаго представленія Лалла-Рукъ; а затѣмъ, подъ вліяніемъ Берлинской сцены, онъ принялся за переводъ «Орлеанской Дѣвы», которую и закончилъ въ два года. «Не могу описывать здѣшнее общество, — писалъ онъ, — я мало съ нимъ бываю и не очень хочу быть, ибо не хочу терять своего времени».

Уединяясь въ свою комнату, онъ пополнялъ свои знанія, собираясь получить отпускъ и отправиться путешествовать по Швейцаріи. «Теперь заранѣе хочу приготовиться, пока окруженъ скучнымъ Берлиномъ, — писалъ онъ роднымъ, — во время же путешествія хочу быть свободенъ, хочу думать только о томъ, что будетъ передъ глазами; однимъ словомъ, хочу провесть беззаботно нѣсколько мѣсяцевъ посреди прекраснаго Божьяго свѣта...» Его надежды оправдались: это путешествіе дало ему очень много и подняло его настроеніе, а на берегахъ Женевскаго озера, видя передъ собою Шильонъ, онъ обратился къ поэмѣ Байрона и написалъ «Шильонскаго узника».

Вернувшись изъ Швейцаріи въ Берлинъ, онъ получилъ позволеніе остаться здѣсь до января 1822 года, закончилъ здѣсь «Орлеанскую Дѣву», и черезъ Дерптъ, гдѣ опять повидался съ Протасовыми, отправился въ Петербургъ.

Вернувшись лѣтомъ 1822 г. въ Россію, Жуковскій по своимъ обязанностямъ поселился въ Царскомъ Селѣ; вмѣстѣ съ нимъ поселились и Воейковы, такъ какъ Александръ Ѳедоровичъ уже съ 1820 года не состоялъ профессоромъ въ Дерптѣ и жилъ въ Петербургѣ. Въ Царское Село пріѣхала навѣстить Александру Андреевну и Екатерина Аѳанасьевна Протасова. Всѣ они жили въ большой дружбѣ, и Жуковскій нашелъ опять въ этомъ кругу близкихъ людей счастливые дни. 6 октября Екатерина Аѳанасьевна уѣхала, и Жуковскій, проводивъ ее до Дерпта, снова вернулся въ Петербургъ, гдѣ нанялъ общую съ Воейковыми квартиру на Невскомъ проспектѣ, противъ Аничковскаго дворца. Здѣсь у него образовался свой домашній уголокъ, въ которомъ хозяйкой и душой

общества была его племянница — Александра Андреевна. Тогдашнія лучшія литературныя силы, бывшія въ Петербургѣ, и друзья Жуковскаго постоянно собирались на его радушныхъ вечерахъ: Батюшковъ, Крыловъ, Блудовъ, Вяземскій, Дашковъ, Карамзинъ, Перовскій, А. Тургеневъ бывали наиболѣе часто. Бывалъ у него и ослѣпшій поэтъ Козловъ. Женатые пріѣзжали съ своими женами, и здѣсь, старинные арзамасцы, нѣсколько уже пожилые, дружески и непринужденно проводили время. Очень понятно, что такая жизнь была вполнѣ по душѣ Жуковскому, и онъ могъ писать А. П. Елагиной: «Поэзія теперь бываетъ, по временамъ, однимъ наслажденіемъ: весело творить, это наполняетъ душу...»

Онъ снова принимаетъ въ это время дѣятельное участіе въ дѣлахъ своихъ родныхъ, вспоминаетъ про своихъ крѣпостныхъ и отпускаетъ ихъ на волю. Онъ даже купилъ въ это время нѣсколько спорныхъ крѣпостныхъ людей и далъ имъ свободу.

Его отношенія къ царскому дому были попрежнему дружескими, хотя онъ и извѣрился теперь въ придворной жизни: «Я привязанъ къ своему мѣсту не однѣми узами выгодъ, — писалъ онъ Авдотьѣ Петровнѣ, — о которыхъ не такъ-то много забочусь, но узами лучшими: чистаго уваженія, благодарности всему этому и тою поэзіей, которая (несмотря на свѣтъ и его холодную грязь, и его душную атмосферу, въ которой я долго бродилъ въ бездѣйствіи) все еще копошится и вспыхиваетъ».

Но вдругъ среди этой новой счастливой жизни Жуковскаго постигло большое потрясеніе. Въ концѣ февраля 1823 года Александра Андреевна рѣшила уѣхать въ Дерптъ; Жуковскій проводилъ ее до Дерпта и, проживъ тамъ двѣ недѣли, въ мартѣ вернулся въ Петербургъ, гдѣ неожиданно получилъ извѣстіе о смерти Марьи Андреевны, умершей въ родахъ. Онъ тотчасъ поскакалъ обратно въ Дерптъ. Это тяжелое горе приняло въ душѣ Жуковскаго отчасти религіозный, отчасти поэтическій оттѣнокъ. «Машина потеря для

меня и для васъ религія, — писалъ онъ Авдотьѣ Петровнѣ, къ которой еще болѣе привязался, — и вотъ почему называю жизнь святынею... Не покидайте меня. Все высокое сдѣлалось для меня теперь вѣрою... Послѣдніе три дни мы всѣ провели на могилѣ, садили деревья... Первый весенній вечеръ нынѣшняго года, прекрасный, тихій, провелъ я на ея гробѣ; солнце свѣтило на него такъ спокойно. Въ полѣ игралъ рогъ. Была тишина удивительная; и видъ этого гроба не возбуждалъ никакой мрачной мысли: поэзія жизни была она! но послѣ письма ея, чувствую, что она же будетъ снова поэзіею жизни. Но поэзіею другого рода!»

Съ такимъ грустнымъ и въ то же время свѣтлымъ настроеніемъ Жуковскій переселился въ Петербургъ и принялся за свои служебныя дѣла, но поэзія его умолкаетъ надолго. Занимаясь въ это время изданіемъ всего, имъ до сихъ поръ написаннаго (изданіе вышло въ 1824 году), и пересматривая свои произведенія, онъ жилъ воспоминаніями прошедшаго. Императрица, принимая въ немъ искреннее участіе и желая дать ему трудъ, который отвлекъ бы его отъ грустныхъ мыслей, предложила Жуковскому занятія съ невѣстой великаго князя Михаила Павловича, Еленой Павловной, и уже тогда передано было ему предварительное первоначальное обученіе подрастающаго великаго князя Александра Николаевича. Такъ проходили для Жуковскаго двадцатые тяжелые годы прошлаго столѣтія, отмѣченные извѣстной реакціей. Лѣтніе мѣсяцы онъ проводилъ или въ Павловскѣ, или въ Царскомъ Селѣ, а зиму въ самомъ Петербургѣ. Когда обязанности позволяли ему отлучиться изъ Петербурга, лѣтомъ или зимою, онъ уѣзжалъ въ Дерптъ, побывать на могилѣ Марьи Андреевны и повидаться съ особенно дорогими ему теперь Протасовыми. Онъ сдѣлалъ для себя нѣсколько снимковъ этой могилы и постоянно заботился о ея поддержаніи. Эти его заботы, и, главное, тѣ его чувства, которыя онъ выражаетъ въ это время въ письмахъ къ роднымъ, какъ нельзя болѣе показываютъ, что Марья Андреевна была луч-

шею и самою глубокою его привязанностью. Переживать свое горе ему было тѣмъ тяжелѣе, что въ это время онъ былъ въ размолвкѣ съ А. И. Тургеневымъ, повидимому, изъ-за его чувства къ Александрѣ Андреевнѣ. Вяземскій кругомъ винилъ въ этой размолвкѣ Тургенева. Ко всѣмъ этимъ впечатлѣніямъ присоединилось еще сумасшествіе Батюшкова, о которомъ Жуковскій заботился самымъ дружескимъ образомъ, и въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Дерптъ, лѣтомъ 1824 года, свезъ его туда лѣчить; но въ Дерптѣ помѣстить его не удалось, и тогда Жуковскій устроилъ его помѣщеніе въ Зонненштейнской больницѣ, въ Дрезденѣ. Посѣтивъ въ этотъ пріѣздъ могилу Марьи Андреевны, онъ писалъ изъ Дерпта Авдотьѣ Петровнѣ. «Чувство, съ какимъ я взглянулъ на ея тихій, цвѣтущій гробъ, тогда было утѣшительнымъ, усмиряющимъ чувствомъ. Надъ ея могилой небесная тишина! Мы провели вмѣстѣ съ Мойеромъ усладительный часъ на этомъ райскомъ мѣстѣ, когда-то повидаться на немъ съ вами? Посылаю вамъ его рисунокъ; все, что мы посадили: цвѣты и деревья, принялось, цвѣтетъ и благоухаетъ».

Между тѣмъ, въ Петербургѣ вліяніе реакціи давало себя знать: графъ Аракчеевъ былъ въ полной силѣ; кн. А. Н. Голицынъ долженъ былъ подать въ отставку, съ нимъ вмѣстѣ ушелъ и А. Тургеневъ, служившій подъ его начальствомъ. Д. Н. Блудовъ также рѣшилъ выдти въ отставку, и продалъ домъ свой въ Петербургѣ, собираясь уѣхать въ Дерптъ для воспитанія дѣтей.

Въ январѣ 1825 года, въ то время, когда А. И. Тургеневъ былъ въ Москвѣ, къ Жуковскому пріѣзжала гостить А. А. Воейкова, и къ этому времени относится его новое сближеніе съ А. И. Тургеневымъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ письма Жуковскаго отъ 31 января 1825 года, изъ Петербурга въ Москву: «Ты боишься своего возвращенія къ намъ; и я боюсь его, если твой образъ чувствованій не перемѣнился. Но пора бы дать ему иное направленіе; пора бы изъ этого омута, по крайней мѣрѣ,

выгащить нашу дружбу... Если содержаніе твоихъ писемъ все то же, то, по крайней мѣрѣ, тонъ ихъ не тотъ: старый, милый, братскій голосъ опять слышится и трогаетъ душу. Что бы онъ мнѣ ни говорилъ, я слышу его звуки: они знакомые звуки стараго времени, лучшей нашей жизни, и на нихъ вся душа — отголосокъ... я желалъ бы уцѣпиться за тебя, чтобы стать на твердый берегъ...»

Послѣднія слова особенно указываютъ, что жизнь далеко не удовлетворяла въ то время Жуковскаго.

Въ концѣ года онъ испыталъ еще новое потрясеніе. 19 ноября скончался въ Таганрогѣ императоръ Александръ Павловичъ, и Жуковскій переживалъ его кончину не только, какъ кончину государя, но и какъ утрату близкаго человѣка, раздѣляя общее горе со всѣмъ царскимъ домомъ, къ которому онъ былъ такъ привязанъ. Вотъ какъ онъ описываетъ тотъ моментъ, когда узнали въ царскомъ семействѣ о кончинѣ императора. «Въ концѣ обѣдни сдѣлалось какое-то движеніе въ церкви; камердинеръ императрицынъ, тутъ бывшій, вышелъ и опять вошелъ. Но все опять успокоилось. Начинаютъ молебенъ о здравіи государя [1]). Боже мой, какой переломъ! только что хотѣли начинать молитву, какъ выходитъ великій князь изъ алтаря и подаетъ знакъ рукою. Я въ первую минуту подумалъ, что это былъ знакъ радости, что онъ спѣшитъ всѣмъ объявить о спасеніи государя. Но молитва остановилась, въ церкви точно раздался какой-то общій глухой стонъ, и священники въ безпорядкѣ пошли въ алтарь, а Криницкій изъ алтаря со крестомъ — далѣе. Я остолбенѣлъ, но по какому то машинальному движенію пошелъ впередъ, и гдѣ же очутился? Передъ отворенными дверями той горницы, въ которой была Императрица [2]). Я въ первую минуту не видѣлъ ея, она была безъ чувствъ, ее окружали; видѣлъ только великую княгиню на колѣняхъ и

---

[1]) Извѣстіе о болѣзни государя было только что передъ этимъ получено. [2]) Марія Ѳеодоровна.

слышалъ голосъ великаго князя, и передъ безчувственною матерью стоялъ священникъ съ крестомъ. Черезъ минуту она встала, пошла къ дверямъ алтаря (ее повели) и упала на порогѣ на землю. У меня у самого ноги подкосились; невольно сталъ я на колѣни передъ горестью и покорностью матери съ чувствомъ собственной и общей потери. Между тѣмъ, въ церкви уже стоялъ налой съ крестомъ и Евангеліемъ; минутъ черезъ пять явился великій князь; и всѣ, кто былъ съ нимъ вмѣстѣ въ церкви, присягнули новому императору Константину. Имя императора произнесъ (великій князь) рѣшительнымъ и твердымъ голосомъ».

Для Жуковскаго это, дѣйствительно, была собственная потеря. «Жизнь нашего Александра,— продолжаетъ онъ то же письмо А. Тургеневу, — была лучшимъ временемъ нашей жизни: время нашихъ надеждъ; наша дѣятельность принадлежитъ его вѣку; онъ былъ слитъ со всѣмъ нашимъ лучшимъ. Теперь только осталась въ душѣ къ нему благодарность: все обвинявшее его забыто. Лучшаго изъ государей Европы не стало. Жаль въ немъ не одного императора Александра, но его самого, ласковаго, снисходительнаго, милаго. Нельзя еще понять, что... его самого, товарища нашей частной и общей жизни, уже нигдѣ не встрѣтишь. Прости, братъ; слезы невольно льются». Черезъ какія-нибудь двѣ недѣли послѣ, ему пришлось изъ оконъ дворца быть свидѣтелемъ событій 14 декабря, послѣ обнародованія отреченія отъ престола великаго князя Константина Павловича и вступленія на престолъ императора Николая I. Жуковскій негодовалъ на виновниковъ заговора и сгоряча написалъ много слишкомъ рѣзкихъ выраженій о несчастныхъ участникахъ этого движенія; впослѣдствіи онъ много ходатайствовалъ о смягченіи участи нѣкоторыхъ изъ декабристовъ.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ 1826 г.
(По гравюрѣ Скотникова; изъ собранія Ровинскаго).

VII

Назначеніе Жуковскаго инспекторомъ классовъ цесаревича Александра Николаевича. — Отношеніе Жуковскаго къ этому дѣлу. — Болѣзнь его и приготовленіе къ своей должности. — Докладная записка Императору Николаю I. — Планъ ученія. — Г. П. Павскій. — Преподаваніе польской исторіи. — К. И. Арсеньевъ. — Нравственное воспитаніе цесаревича. — Путешествіе цесаревича. — Письмо о декабристахъ. — Личная связь Жуковскаго съ цесаревичемъ.

Въ 1820 году, будучи уже немолодымъ человѣкомъ (37-ми лѣтъ), Жуковскій такъ опредѣлялъ себя въ стихотворномъ посланіи къ княгинѣ Оболенской:

Я, мечтательнаго зритель,
Глядѣлъ до сей поры на свѣтъ
Сквозь призму сердца, какъ поэтъ;
Съ его прекрасной стороною
Я неиспорченной душою
Знакомъ, но въ тридцать слишкомъ лѣтъ
Я все дитя, и буду вѣчно
Дитя, жилецъ земли безпечной;
Могу товарищемъ я быть
Во всемъ, что въ жизни сей прекрасно;
Съ душой невинною и ясной
Могу свою я душу слить;

Но неспособенъ зоркимъ взглядомъ
Приманокъ свѣта различать;
Могу на счастье руку дать,
Но не *впередъ* идти, а *рядомъ*.

Таковъ онъ былъ въ 37 лѣтъ; такимъ остался онъ и чрезъ 27 лѣтъ; по крайней мѣрѣ, въ 1847 году, уже старикомъ, онъ писалъ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой: «Оно (время) баловало меня съ колыбели, въ которой до старости лѣтъ я лежалъ веселымъ младенцемъ и посматривалъ на все, окружающее мою люльку, сквозь сонъ поэтическій. И вдругъ изъ этой люльки, отрезвившись, я всталъ шестидесятилѣтнимъ старикомъ; и только тутъ догадался, что наша жизнь не поэтическій сонъ, а строгое существенное испытаніе».

Зная, что Жуковскій писалъ въ данномъ случаѣ сущую правду, невольно ставишь передъ собою вопросъ, какъ же могъ этотъ человѣкъ, отказывавшій себѣ въ способности руководить кѣмъ бы то ни было, этотъ взрослый ребенокъ, какъ могъ онъ быть руководителемъ наслѣдника русскаго престола? Не преувеличено ли обычное мнѣніе о значительномъ и благотворномъ вліяніи этого наивнаго мечтателя на судьбу Россіи?

Чтобъ разсѣять эти сомнѣнія въ ту или другую сторону, единственное средство — ближе познакомиться съ пріемами и принципами образованія и воспитанія, вложенными Жуковскимъ въ обученіе будущаго Царя-Освободителя. Это ближайшее знакомство, дѣйствительно, быстро разсѣиваетъ эти сомнѣнія и даетъ отрадную увѣренность, что чистое сердце и дѣйствительно искреннее желаніе служить дѣлу могутъ дать иногда и при неблагопріятныхъ условіяхъ плодотворныя послѣдствія въ дѣлѣ воспитанія; или, говоря словами самого Жуковскаго изъ письма его къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826 г. $^{9}/_{14}$ окт.): «Если желаешь добра съ готовностью полнаго самопожертвованія, если желаешь

его съ настойчивымъ постоянствомъ, то всегда его можешь достигнуть».

Какъ отнесся къ своей отвѣтственной обязанности Жуковскій и что сдѣлалъ для нея, выясняется особенно изъ его переписки съ своимъ царственнымъ воспитанникомъ и его родителями, а также съ сотрудниками по дѣлу, съ друзьями и родными.

Жуковскій уже велъ элементарное преподаваніе великому князю, когда, съ вступленіемъ на престолъ императора Николая I, передъ нимъ открылось и болѣе широкое новое поприще, выражавшее большое довѣріе къ нему императора: онъ былъ назначенъ инспекторомъ классовъ юнаго наслѣдника престола, великаго князя Александра Николаевича, къ которому былъ уже привязанъ всѣмъ сердцемъ.

Это приглашеніе было цѣлымъ переломомъ въ жизни Жуковскаго, и онъ передалъ значеніе этого новаго своего шага въ жизни въ письмѣ къ французской писательницѣ Моро де-ла-Метьеръ, жившей въ дни его юности въ Муратовѣ и раздѣлявшей когда-то и бѣды, и счастье его жизни.

«Муратово, — писалъ ей Жуковскій, — это мѣсто, гдѣ протекалъ мой золотой вѣкъ. То была поэтическая жизнь, и только тогда я былъ поэтомъ. Изъ этого прошедшаго ничего не существуетъ, а что осталось, то весьма перемѣнилось... А я брошенъ на особаго рода путь, котораго никогда не думалъ выбирать и по которому влечетъ меня сила судьбы, приведшей меня, безъ моего вѣдома, къ той точкѣ, гдѣ я теперь. И вотъ я отданъ дѣятельности, вовсе не похожей на ту, которая нѣкогда наполняла мою душу. Не я выбиралъ ее. Она явилась ко мнѣ, какъ воля Провидѣнія, и этой волѣ я хочу повиноваться съ полнѣйшимъ усердіемъ. Эта дѣятельность, конечно, пугаетъ меня: она выше моихъ способностей; но она наполняетъ собою мое существованіе; она подымаетъ мою душу; вся моя жизнь ей принадлежитъ. Не смѣю довѣриться своимъ силамъ, но я богатъ усердіемъ...»

На родину къ Авдотьѣ Петровнѣ онъ писалъ: «Помолитесь за меня: на рукахъ моихъ теперь важное и трудное дѣло, и ему одному посвящены всѣ минуты и мысли. Стиховъ писать некогда, но поэзія со мною... Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, такъ что не имѣю права и возможности употреблять ни минуты на что-нибудь другое».

Къ Аннѣ Петровнѣ (по мужу Зонтагъ), подругѣ своего дѣтства, онъ писалъ: «Въ головѣ одна мысль, въ душѣ одно желаніе; не думавши, не гадавши, я сдѣлался наставникомъ наслѣдника престола. Какая забота, какая отвѣтственность! (Не ошибайтесь: наставникомъ, а не воспитателемъ — за послѣднее никогда бы не позволилъ себѣ взяться!)»

Что онъ, дѣйствительно, очень скромно смотрѣлъ на свою подготовку и на свои педагогическія способности, особенно видно изъ его дрезденскаго письма къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, гдѣ, уже взявшись за дѣло и усердно работая, онъ настойчиво проситъ императрицу употребить все свое вліяніе, чтобы пригласить къ воспитанію наслѣдника, по его мнѣнію, болѣе пригоднаго человѣка, котораго онъ видѣлъ въ графѣ Каподистрія; но эта просьба Жуковскаго была милостиво отклонена, и онъ усердно принялся готовиться къ исполненію своей задачи: просвѣтить будущаго русскаго самодержца. Онъ могъ работать тѣмъ искреннѣе, что глубоко вѣрилъ въ божественное происхожденіе самодержавія и хотѣлъ сохранить «святыню самодержавія во всей ея неприкосновенности». Онъ смотрѣлъ на монархію какъ на высшую человѣческую обязанность, возлагаемую на императоровъ самимъ Богомъ, съ отвѣтственностью только передъ Нимъ. «Изъ всѣхъ властей земныхъ самый святѣйшій характеръ безпрекословно имѣетъ самодержавіе», писалъ онъ въ 1843 году великому князю Александру Николаевичу; ибо въ немъ самое простое выраженіе верховной божественной власти. Но въ то же время эта власть изъ всѣхъ

земныхъ властей есть самая трудная для властителя: вся отвѣтственность лежитъ на немъ, но эта отвѣтственность не передъ людьми, а передъ Богомъ. Богъ молчитъ, а изъ людей говорятъ смѣло и громко только льстецы... «Его (т.-е., самодержца) опаснѣйшій врагъ есть самовластіе, въ которомъ вмѣсто Божьей воли заступаетъ наша собственная, и мы изъ исполнителей этой высшей воли становимся ея врагами».

Жуковскій былъ въ состояніи выработать планъ предстоящаго ученія тѣмъ внимательнѣе, что не могъ тотчасъ же по своемъ назначеніи приступить къ исполненію своей высокой должности. Препятствіемъ явилось состояніе его здоровья. Его другъ, врачъ Зейдлицъ, свидѣтельствуетъ, что «личныя непріятности и сидячая жизнь мало-по-малу такъ разстроили здоровье Жуковскаго, что жалко было смотрѣть на желтоватое, вздутое лицо его, на слабость и одышку, препятствовавшія ему взбираться на высокую лѣстницу новой его квартиры въ Зимнемъ дворцѣ. У Жуковскаго обнаружились большіе завалы въ печени и водянистыя опухоли ногъ». Врачи послали Жуковскаго для излѣченія за границу. Ему назначено было лѣченіе водами Эмса и покойная жизнь въ Германіи. Въ 1827 году онъ долженъ былъ повторить въ Эмсѣ курсъ лѣченія. Въ маѣ 1826 года онъ отправился въ свое путешествіе, но предварительно успѣлъ принять участіе въ судьбѣ семьи И. Д. Якушкина, пострадавшаго въ числѣ участниковъ событія 14 декабря.

Уже изъ Гамбурга, въ самомъ началѣ своего путешествія, Жуковскій могъ написать, что начинаетъ чувствовать себя лучше, глядитъ «не мертвецомъ, лицо порасцвѣло», и скоро поселился въ Эмсѣ, гдѣ началъ правильный курсъ лѣченія, приносившій ему большую пользу. Здѣсь онъ получилъ горестное извѣстіе о смерти Карамзина, глубоко его потрясшее. Въ лицѣ Карамзина онъ потерялъ большую опору въ жизни, такъ какъ привыкъ съ юношескихъ лѣтъ обращаться къ нему за нравственной поддержкой, онъ терялъ въ немъ и

человѣка, съ которымъ было связано много лучшихъ его воспоминаній.

Передъ вступленіемъ въ свою высокую и отвѣтственную должность, Жуковскій, живя за границей, долго работалъ надъ составленіемъ плана будущаго ученія цесаревича и представилъ этотъ планъ на высочайшее усмотрѣніе. На этотъ планъ онъ самъ смотрѣлъ, какъ на исповѣдь въ основныхъ своихъ взглядахъ, которые онъ собирался вложить въ преподаваніе наслѣднику.

Какъ ни отнѣкивался онъ въ письмахъ къ роднымъ отъ роли воспитателя наслѣдника, называя себя только наставникомъ, очень естественно, что, по своему міросозерцанію, онъ не могъ отдѣлить образованія отъ нравственнаго воздѣйствія на человѣка, и потому основнымъ и первымъ правиломъ всего предполагаемаго обученія онъ поставилъ: «Цѣль воспитанія вообще и ученія въ особенности есть образованіе для добродѣтели».

«Во-первыхъ скажу, — докладывалъ онъ въ своемъ «планѣ» императору Николаю I, — Его Высочеству нужно быть не ученымъ, а просвѣщеннымъ... Просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ есть многообъемлющее знаніе, соединенное съ нравственностью... Исторія, освѣщенная религіею, воспламенитъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству, и дастъ ему высокое понятіе объ его санѣ. Изъ нея извлечетъ онъ правила дѣятельности царской. Сихъ правилъ немного».

Изложеніе этихъ правилъ представляетъ собою одинъ изъ благороднѣйшихъ поступковъ Жуковскаго: въ немъ сказался старый арзамасецъ. Онъ смѣло и откровенно высказалъ свои искреннія убѣжденія, и въ число правилъ царскихъ дѣйствій ввелъ слѣдующія, твердо рѣшившись внести это въ міросозерцаніе своего будущаго питомца: «Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ: законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно — сильнѣйшая подпора благона-

мѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти, — но изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха — оно вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастный судія исполнителей его воли; мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безпечно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, то-есть, правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе царей и свобода народовъ; свобода и порядокъ, одно и то же; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силой, а порядкомъ: истинное могущество государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народа. Будь вѣренъ слову: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый — безсиленъ. ...Уважай народъ свой, тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви царя къ народу нѣтъ любви народа къ царю».

Къ этимъ правиламъ Жуковскій присоединилъ выписку изъ своего любимаго писателя, историка Іоанна Мюллера, среди мнѣній котораго онъ приводитъ слѣдующія: «Строй безъ спѣха, но для вѣковъ; исправляй не разрушая, не упреждай своего вѣка, но и не отставай отъ него; не будь его рабомъ, но свободно съ нимъ соглашайся».

Онъ закончилъ свою записку, между прочимъ, такими словами: «Государь! Можетъ-быть, прежде я бы не съ такою довѣренностью къ Вамъ употребилъ сей языкъ свободный! Но теперь, послѣ того, что случилось, смѣлая искренность съ Вами не стоитъ никакого усилія. Вы познакомили съ собой Россію... съ этой минуты видимъ дѣятельность, имѣемъ право надѣяться временъ прекрасныхъ, порядка, законовъ, просвѣщенія, всего, что было въ душѣ Александра».

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что, когда Жуковскому нужно было привести примѣръ широко гуманнаго императора, онъ и въ обращеніяхъ къ императору Николаю I, и въ бесѣдахъ съ великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ не разъ обращался къ тому, что, по его словамъ, «было въ душѣ Александра». Не даромъ Жуковскій называлъ себя поэтомъ Александровскаго времени, и по смерти Александра I писалъ А. И. Тургеневу: «Жизнь нашего Александра была лучшимъ временемъ нашей жизни: время нашихъ надеждъ; наша дѣятельность принадлежитъ его вѣку; онъ былъ слитъ со всѣмъ нашимъ лучшимъ».

Свой «планъ ученія» Жуковскій передалъ императору Николаю I, настаивая на полномъ его проведеніи, и выражалъ надежду на успѣхъ только въ томъ случаѣ, если «и особа, время, и все окружающее великаго князя — будутъ, безъ всякаго ограниченія, подчинены тѣмъ людямъ, коимъ его высочество будетъ порученъ довѣренностью государя. Государь императоръ, конфирмовавъ сей планъ, да благоволитъ быть первымъ безпрекословнымъ его исполнителемъ».

Весь курсъ ученья былъ разсчитанъ на 12 лѣтъ, и раздѣлялся на 3 періода: періодъ отрочества (отъ 8 до 13 лѣтъ); юношество (отъ 13 до 18 лѣтъ); первые годы молодости (отъ 18 до 20 лѣтъ). Соотвѣтственно этимъ періодамъ, ученіе шло, концентрически расширяясь, а предметами преподаванія должны были быть: Законъ Божій, въ который входило и богословіе, родной языкъ, исторія и политическія науки, естественныя науки, изящныя и классическія литературы, военныя науки, математика; языки: латинскій, французскій, нѣмецкій, англійскій и польскій; философія, изящныя искусства, токарное и столярное мастерство.

Настаивая на необходимости латинскаго языка, Жуковскій разсчитывалъ связать знаніе этого языка съ преподаваніемъ другихъ европейскихъ языковъ. Онъ выражалъ полную увѣренность, что «ученіе латинскаго языка» послужитъ къ «основательному просвѣщенію» великаго князя,

предоставляя ему возможность знакомиться съ классической литературой. Самъ Жуковскій всегда сожалѣлъ о своемъ незнаніи этого языка. Отдавая должное военному искусству, онъ желалъ, чтобы военное обученіе великаго князя не сводилось бы къ «одному знанію фрунта, механически пріобрѣтаемому», но пробуждало бы въ высокомъ воспитанникѣ хорошія человѣческія качества — «смѣлость, терпѣніе, расторопность, присутствіе духа, осторожность, рѣшительность, хладнокровіе», и, боясь увлеченія наслѣдника военными упражненіями, въ ущербъ общаго научнаго образованія, просилъ, «чтобы сіи военныя наставительныя игры принадлежали исключительно одной эпохѣ года и нисколько не вмѣшивались въ остальное ученіе».

Самый способъ обученія долженъ былъ быть такъ построенъ, чтобы онъ, какъ можно болѣе, вызывалъ великаго князя на самостоятельность, «чтобы онъ, какъ можно болѣе, находилъ самъ, а не механически затверживалъ». Жуковскій желалъ, чтобы преподаватели старались «сдѣлать и предметъ ученія и самое ученіе привлекательными, возбуждая любопытство, владѣя вниманіемъ, питая воображеніе, говоря сердцу, словомъ—сколько можно, *дѣйствуя на всего человѣка*».

Для юнаго возраста примѣнялась метода Песталоцци, съ которой Жуковскій уже былъ знакомъ въ это время, а въ преподаваніи для старшаго возраста, приглашая очень обдуманно профессоровъ, онъ имъ вѣрилъ и предоставлялъ просторъ, сохраняя за собою только общій надзоръ за ходомъ дѣла.

Хотя за ученіе выставлялись отмѣтки, но наказанія и награды Жуковскій признавалъ нежелательными: онъ выражалъ убѣжденіе, что великій князь, въ исполненіи своихъ обязанностей, долженъ видѣть «простую необходимость». «Его Высочество долженъ пріучиться дѣйствовать безъ награды: мысль объ отцѣ должна быть его тайною совѣстью... Его Высочество долженъ трепетать при мысли объ упрекѣ

тца. Государь будетъ всегда знать о его мелкихъ проступкахъ, но пускай это будетъ тайною между Его Величествомъ и наставниками».

Все ученіе было широко обставлено учебными пособіями, изъ которыхъ многія изобрѣтались и приготовлялись по мѣрѣ надобности. Для обученія наслѣдника спеціально устраивались соотвѣтствующіе кабинеты: физическій, минералогическій, технологическій и т. п. Нѣкоторое понятіе объ издержкахъ этого воспитанія даетъ дошедшая до насъ смѣта перваго года. Издержки воспитанія Жуковскій вычислялъ на первый годъ ассигнаціями такимъ образомъ: 1) общая сумма платы наставникамъ 44.000 р. (среди нихъ Жуковскій и Мердеръ получали по 6.000 руб. въ годъ), 2) книги 10.000 руб. 3), различныя издержки 25.000 р. Всѣ эти расходы составляютъ въ итогѣ 79.000 руб., причемъ нужно замѣтить, что въ эту смѣту еще не вошли единовременныя затраты на упомянутые выше кабинеты. За указаніями о пополненіи библіотеки великаго князя и выборѣ учебныхъ пособій Жуковскій обращался къ извѣстнѣйшимъ педагогамъ своего времени и къ своимъ просвѣщеннымъ друзьямъ — Блудову, Ташкову, Николаю и Александру Тургеневымъ.

Послѣдняго онъ такъ благодаритъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ: «Тѣмъ, что ты вымозжилъ изъ Герена [1]), я доволенъ, ибо оно все критически справедливое».

Все направленіе образованія наслѣдника должно было идти въ духѣ широкой гуманности, о которой даетъ понятіе не только «планъ ученія», но и постановка отдѣльныхъ предметовъ. Для примѣра можно остановиться на тѣхъ воззрѣніяхъ, которые вошли въ преподаваніе Закона Божія и Русской исторіи. Приглашая въ преподаватели наслѣднику протоіерея Г. П. Павскаго, указаннаго ему Мердеромъ, Жуковскій такъ писалъ о немъ императрицѣ. «Мнѣ кажется, что мы въ правѣ поздравить себя съ нашимъ выборомъ:

[1]) Нѣмецкаго историка.

этотъ человѣкъ, повидимому, весьма способенъ имѣть прекрасное вліяніе на вашего ребенка. Найди мы только богослова, свѣдущаго по части догматовъ, Законъ Божій ничего бы не выигралъ. Для вашего ребенка, для его будущей судьбы требуется религія сердца. Ему необходимо имѣть высокое понятіе о Промыслѣ, чтобы оно могло руководить всею его жизнью, — религію просвѣщенную, благодушную, проникнутую уваженіемъ къ человѣчеству, — религію, которая могла бы предохранить душу отъ стѣсняющихъ ее предразсудковъ... Мнѣ кажется, что Павскій обладаетъ всѣмъ, что нужно для внушенія подобнаго взгляда нашему дорогому воспитаннику».

По этому представленію Жуковскаго, Герасимъ Петровичъ Павскій былъ приглашенъ преподавать Законъ Божій, и у него сложились самыя близкія и сердечныя отношенія съ наслѣдникомъ и великими княжнами.

Правда, протоіерей Павскій былъ уволенъ отъ своей должности въ 1835 году вслѣдствіе его полемики съ митрополитомъ Филаретомъ, а также вслѣдствіе недовольства придворныхъ дамъ, которыя приносили свои жалобы на его уроки митрополиту Серафиму и оберъ-прокурору Св. Синода кн. Мещерскому, но Жуковскій энергично его защищалъ въ докладной запискѣ императору. Защита его, однако, не могла уже увѣнчаться успѣхомъ, и Павскій былъ уволенъ, хотя и награжденный государемъ, по представленію Жуковскаго.

Особенно характерно мнѣніе Жуковскаго о преподаваніи наслѣднику свѣдѣній о Польшѣ. Приглашая на этотъ предметъ преподавателя, онъ писалъ въ 1829 году: «Дѣло важное. Будущаго царя Польши надобно знакомить съ Польшею и заставить полюбить ее. Надобно, чтобы онъ узналъ ее такою, какова она есть, безъ предубѣжденій, безъ односторонности; надобно, чтобъ онъ узналъ, что она теперь, чего ей недостаетъ, что ей имѣть должно; чтобы онъ, познакомившись съ ея прошедшимъ и настоящимъ, могъ полюбить

ея будущее, какъ слѣдуетъ царю, которому надлежитъ на небѣ, простертомъ надъ двумя подвластными ему народами, поставить свѣтлую радугу союза».

Свѣдѣнія юнаго наслѣдника могли быть тѣмъ шире, что Жуковскій не ограничивался только выборомъ печатныхъ и нарочно составленныхъ учебныхъ пособій, а желалъ, чтобы передъ будущимъ русскимъ государемъ находились государственные акты, съ которыми онъ могъ бы познакомиться подъ руководствомъ просвѣщеннѣйшихъ людей. Когда начались занятія наслѣдника по отечествовѣдѣнію, подъ руководствомъ Константина Ивановича Арсеньева, то изданъ былъ такой указъ императоромъ: «По требованію коллежскаго совѣтника Арсеньева, повелѣваемъ доставлять ему всѣ изъ всѣхъ министерствъ свѣдѣнія, нужныя къ составленію статистики Россійской имперіи для преподаванія Его Императорскому Высочеству, великому князю, наслѣднику престола». По докладной запискѣ Жуковскаго, тому же К. И. Арсеньеву выдавались изъ архива подлинные акты новѣйшей русской исторіи, съ тою же цѣлью. Чтобы настоящимъ образомъ оцѣнить эти условія преподаванія, стоитъ припомнить, что К. И. Арсеньевъ былъ широко образованный человѣкъ, что попечитель Петербургскаго университета Руничъ не очень задолго передъ тѣмъ запретилъ ему читать въ университетѣ, за тѣ «вредныя мѣста его лекціи», въ которыхъ трудъ свободный превозносился надъ трудомъ крѣпостнымъ, прославляется свобода промысловъ, выражается сожалѣніе объ отсутствіи кодификаціи законовъ, порицается подкупность судей и т. п.», — однимъ словомъ, чуть не заключается, можемъ мы теперь сказать, значительная часть программы будущихъ реформъ императора Александра II. Только сильное недовѣріе, которое внушалъ Руничъ великому князю Николаю Павловичу, спасло тогда К. И. Арсеньева. Государственное значеніе условій этого преподаванія станетъ еще очевиднѣе, если припомнить, что великій князь Александръ Николаевичъ особенно былъ привязанъ къ тремъ изъ сво-

ихъ руководителей: къ Карлу Карловичу Мердеру, Василію Андреевичу Жуковскому и Константину Ивановичу Арсеньеву.

Къ этому нужно прибавить, что Арсеньевъ пользовался совѣтами и указаніями Сперанскаго, при полномъ сочувствіи имъ Жуковскаго. По крайней мѣрѣ, въ одномъ письмѣ Сперанскому Жуковскій говорилъ: «Онъ (К. И. Арсеньевъ) въ восхищеніи отъ пріема, который ваше высокопревосходительство благоволили ему сдѣлать. Вы ободрили его: онъ исполненъ теперь живѣйшаго рвенія къ предпринимаемому имъ дѣлу и полонъ надеждою совершить его съ успѣхомъ. Имѣть такого помощника, какъ вы, есть для него величайшее счастье. Одна изъ важнѣйшихъ частей образованія великаго князя состоитъ въ томъ, чтобы онъ зналъ свою Россію, но зналъ ее такъ, чтобы это знаніе возбудило въ немъ энтузіазмъ къ великому дѣлу царствованія. Не безплодными фактами и числами, ужасающими вниманіе и обременяющими умъ, хотимъ мы нагрузить его голову: мы хотимъ представить ему всѣ силы, таящіяся въ его отечествѣ, и въ нихъ всѣ способы дѣйствовать для общаго блага.

«...Не вѣрьте слухамъ! Ваше мнѣніе о ходѣ воспитанія великаго князя мнѣ дорого. Вы знаете лучше меня, какъ судитъ нашъ свѣтъ, какъ мало въ немъ доброжелательства. Воспитаніе великаго князя идетъ хорошимъ порядкомъ. Время не теряется. Со стороны императора нѣтъ и не будетъ помѣхи».

Послѣднія слова Жуковскаго весьма важны; они показываютъ, что императоръ выполнялъ обѣщаніе, данное Жуковскому на слѣдующія слова его докладной записки: «Если Высочайшею довѣренностью Государя, — писалъ онъ, — мнѣ будетъ порученъ надзоръ за ученіемъ Его Высочества, то смѣю просить Его Величество утвердить меня въ моемъ званіи и дать мнѣ принадлежащее мнѣ имя, дабы я *имѣлъ право и полную свободу дѣйствовать*». Отчетность его должна была состоять въ ежемѣсячныхъ экзаменахъ въ присутствіи императрицы, и ему очень хотѣлось, чтобы хотя

два раза въ годъ на этихъ экзаменахъ присутствовалъ императоръ.

Уже перечисленныхъ фактовъ достаточно, чтобы показать, что Жуковскій не могъ ограничиться только ролью учителя и отстранить отъ себя воспитательную сторону дѣла. Самое пониманіе имъ просвѣщенія приводило его къ глубокому и благотворному руководительству нравственнымъ развитіемъ наслѣдника русскаго престола. Онъ, въ сущности, весь былъ проникнутъ заботами о воспитаніи своего царственнаго ученика. Да и какъ могъ поступать иначе человѣкъ, для котораго на всю жизнь лучшимъ воспоминаніемъ остались впечатлѣнія изъ семьи Тургеневыхъ и ихъ друзей, членовъ Новиковскаго дружескаго общества? Воспитаніе наслѣдника, дѣйствительно, находилось въ надежныхъ рукахъ: Мердеръ укрѣплялъ его физическія силы и закалялъ волю, давалъ въ себѣ самомъ живой примѣръ настоящей, не сантиментальной доброты и большого мужества; Жуковскій съ энергіей и сердечностью расширялъ умственный и нравственный его горизонтъ. Они дѣйствовали въ полномъ согласіи между собою, и сходились на желаніи простоты и скромности для своего царственнаго воспитанника. Жуковскій писалъ, напримѣръ, императрицѣ по поводу тѣхъ впечатлѣній, которыя могъ вынести великій князь изъ торжества коронаціи: «Сознаюсь здѣсь откровенно, что я былъ нѣсколько встревоженъ при мысли о томъ вліяніи, которое великолѣпныя московскія сцены могли имѣть на умъ великаго князя. Подобныя впечатлѣнія въ столь нѣжномъ возрастѣ могутъ оставить неизгладимый слѣдъ на всю остальную жизнь. Свидѣтель этихъ народныхъ поклоненій, принимая въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти личное въ нихъ участіе, онъ легко могъ бы усвоить себѣ нѣкоторыя незрѣлыя понятія о величіи, которыя, какъ несвоевременныя, могутъ вредить развитію свойствъ исключительно человѣческихъ, самыхъ драгоцѣнныхъ, единственныхъ, которыя составляютъ истинное достоинство человѣка и должны быть сохранены въ цѣлости».

Какъ ни былъ мечтателенъ Жуковскій, но въ дѣлѣ воспитанія наслѣдника онъ становится подчасъ реалистомъ и цѣнитъ житейскія впечатлѣнія болѣе, чѣмъ классное преподаваніе. Онъ хочетъ создать своему впечатлительному ученику самую простую, дѣловую обстановку жизни и сократить для него придворныя развлеченія, чтобъ не «лишить его того спокойствія, которое необходимо для усвоенія добрыхъ привычекъ».

Высшее образованіе наслѣдника состояло въ курсѣ государственныхъ наукъ: законовѣдѣніе преподавалъ ему Сперанскій, финансовое право — министръ финансовъ графъ Канкринъ, съ дипломатическими сношеніями Россіи познакомилъ наслѣдника Брунновъ, впослѣдствіи нашъ посланникъ въ Лондонѣ.

По плану Жуковскаго все образованіе великаго князя должно было завершиться путешествіемъ по Россіи и Европѣ для окончательнаго реальнаго ознакомленія съ своею страной и ея сосѣдствомъ. Все предшествовавшее преподаваніе должно было углубить эти впечатлѣнія для великаго князя. Планъ этого путешествія былъ составленъ К. И. Арсеньевымъ. Сопровождать наслѣдника въ путешествіи должны были Александръ Александровичъ Кавелинъ, заступившій мѣсто умершаго Мердера, и флигель-адъютантъ Юрьевичъ, а изъ учителей наслѣдника только Арсеньевъ и Жуковскій.

Жуковскому не пришлось осуществить этого путешествія такъ, какъ ему хотѣлось: маршрутъ назначенъ былъ слишкомъ быстрый, и впечатлѣнія могли получаться только мимолетныя. Жуковскій выразилъ это свое мнѣніе въ первомъ же своемъ отчетномъ письмѣ императрицѣ, написанномъ изъ Твери подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ бала, даннаго тверскимъ дворянствомъ цесаревичу. Жуковскій писалъ: «Я не жду отъ него (путешествія) большой жатвы положительныхъ практическихъ свѣдѣній о состояніи Россіи: для этого мы слишкомъ скоро ѣдемъ, имѣемъ слишкомъ много предметовъ для обозрѣнія и путь нашъ слишкомъ опредѣленный, не будетъ ни свободы, ни досуга, а отъ этого часто и желанія

заняться, какъ слѣдуетъ, тѣмъ, что представляется нашему любопытству...» О степени быстроты этого путешествія даетъ понятіе также слѣдующая замѣтка въ письмѣ Жуковскаго къ императрицѣ изъ Казани: «Мы летимъ, и я едва успѣваю ловить тѣ предметы, которые мелькаютъ, какъ тѣни, мимо глазъ моихъ...» Иногда Жуковскій упоминаетъ о «величайшей усталости наслѣдника». Главная польза отъ этого путешествія могла быть, по мнѣнію Жуковскаго, только нравственная — этими, хотя и быстрыми, но зато непосредственными впечатлѣніями должна была укрѣпляться связь между наслѣдникомъ престола и его народомъ. И можно согласиться съ Жуковскимъ, что, несмотря на свою быстроту, путешествіе могло давать сердцу наслѣдника очень важныя впечатлѣнія. Въ томъ же письмѣ изъ Твери Жуковскій упоминаетъ, что великій князь Александръ Николаевичъ «былъ полонъ радостнымъ благодарнымъ чувствомъ къ русскому народу», послѣ цѣлаго дня, въ который онъ былъ предметомъ народныхъ овацій, когда въ народныхъ толпахъ многіе плакали и крестили его. Жуковскій слѣдилъ любовными глазами за нравственными успѣхами своего ученика. «Могу всѣмъ сердцемъ радоваться живымъ полетомъ нашего мужающаго орла», — писалъ онъ императрицѣ.

И было чему радоваться! Въ наслѣдникѣ русскаго престола, дѣйствительно, крѣпли чувства, отъ которыхъ многаго могла ожидать Россія. Какъ примѣръ благородныхъ движеній его сердца, можно вспомнить его ходатайство передъ императоромъ за декабристовъ, посланное изъ Сибири. Это ходатайство было отправлено съ курьеромъ въ Петербургъ, и курьеръ императора съ отвѣтомъ на обращеніе наслѣдника встрѣтилъ путешественниковъ между Буинскомъ и Симбирскомъ. Государь въ своемъ отвѣтѣ цесаревичу давалъ понять, что онъ связываетъ благородный порывъ своего сына съ непосредственнымъ вліяніемъ на него его наставника. Предоставимъ самому Жуковскому разсказать, какъ былъ принятъ имъ отвѣтъ государя.

«Вчера, — пишетъ онъ императрицѣ изъ Симбирска 24 іюня 1837 г., — была одна изъ счастливѣйшихъ минутъ моей жизни... На дорогѣ между Буинскомъ и Симбирскомъ встрѣтилъ насъ фельдъегерь, и скоро потомъ великій князь сообщилъ мнѣ содержаніе письма государя императора, въ которомъ было и для меня драгоцѣнное милостивое слово. Посреди дороги, подъ открытымъ небомъ, мы трое: великій князь, Александръ Александровичъ [1]) и я, обнялись во имя царя, возвѣстившаго намъ милость къ несчастнымъ... Такія минуты, конечно, принадлежатъ къ лучшимъ въ моей жизни. Я не смѣю благодарить государя за то, что онъ въ письмѣ своемъ къ наслѣднику поставилъ и мое имя, — государь не любитъ подобныхъ изъявленій, но я не могу не сообщить Вашему Величеству тѣхъ чувствъ, которыя во мнѣ возбудились этимъ радостнымъ событіемъ; не могу не подѣлиться съ Вами, какъ съ доброю матерью, тою радостью, которую произвелъ во мнѣ этотъ произвольный порывъ къ милосердію въ нашемъ миломъ цесаревичѣ... Я поцѣловалъ съ жаромъ великаго князя...»

Путешествіе наслѣдника по западной Европѣ совершалось такъ же быстро, какъ и по Россіи, было пріостановлено его болѣзнью и закончилось помолвкой его съ дочерью великаго герцога Людвига Гессенъ-Дармштадтскаго — въ мартѣ 1839 г. Здѣсь непосредственное вліяніе Жуковскаго уже прекращалось, и великій князь начиналъ свою новую, молодую, самостоятельную жизнь взрослаго семейнаго человѣка.

Здѣсь кончалась роль Жуковскаго, какъ воспитателя. Онъ ушелъ съ тѣхъ поръ въ неожиданно для него создавшуюся собственную семейную жизнь и въ изученіе эпической народной поэзіи.

Роль воспитателя учитывается вообще трудно, потому что она сложна и состоитъ изъ ряда тонкихъ, нерѣдко неуловимыхъ, хотя и сильныхъ вліяній. Въ своемъ обзорѣ сдѣ-

[1]) Кавелинъ, заступившій мѣсто Мердера.

ланнаго Жуковскимъ, мы могли остановиться только на болѣе яркихъ выраженіяхъ того, что было имъ сдѣлано, между тѣмъ, чтобъ сдѣлать возможно полную оцѣнку заслуги Жуковскаго, слѣдовало бы, конечно, прослѣдить интимную сторону его дѣла. Сдѣлать это тѣмъ важнѣе, что Жуковскій былъ силенъ, главнымъ образомъ, способностью пережить настроеніе и создать его въ другихъ, подѣйствовать на человѣческое сердце. Особенно важно было бы намъ познакомиться съ этой стороной воспитательнаго вліянія Жуковскаго и потому, что великій князь глубоко и нѣжно былъ привязанъ къ своему наставнику.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ дать надлежащей картины этой важной стороны дѣла, и должны ограничиться только очень небольшимъ количествомъ выдержекъ изъ интимныхъ писемъ Жуковскаго къ великому князю, дошедшихъ до печати съ Высочайшаго соизволенія.

Правда, этихъ выдержекъ изъ писемъ Жуковскаго можно привести немного, но онѣ все-таки могутъ нѣсколько освѣтить то направленіе, въ которомъ шло личное вліяніе Жуковскаго. Что переписка эта, дѣйствительно, интимна, можно видѣть изъ слѣдующихъ выраженій Жуковскаго, въ ней встрѣчающихся: «Святымъ правомъ говорить вамъ все, что на умѣ и сердцѣ, я буду и обязанъ пользоваться безъ всякой оглядки... Оставьте меня быть съ вами нараспашку: *и вашему сердцу это нужно*».

«Знаю, что ваше сердце моему родное, — писалъ цесаревичу Жуковскій въ 1839 году, — и что мое всегда найдетъ въ вашемъ отголосокъ. И въ этомъ чистомъ сношеніи любви и правды будетъ отнынѣ моя связь съ наслѣдникомъ престола. Ни къ кому изъ постороннихъ не можете вы имѣть того отношенія, какъ ко мнѣ: оно просто человѣческое... человѣкъ во всякомъ санѣ есть главное».

Не говоря уже о важности послѣднихъ словъ самихъ по себѣ, вотъ на что направлялись эти отъ сердца идущія обращенія поэта къ великому князю. Когда Мердеръ въ

1833 году извѣстилъ Жуковскаго, что въ пятнадцатилѣтнемъ его воспитанникѣ все болѣе замѣтно становится чувство долга, Жуковскій писалъ великому князю: «У меня сердце поворотилось отъ радости, а слезы благодарности къ Богу наполнили глаза мои, когда я прочиталъ безцѣнныя строки Карла Карловича о васъ и о происшедшей въ васъ перемѣнѣ, мой безцѣнный, вѣрный другъ. Я увѣренъ, что, разъ пробудившись, вы не заснете». Въ томъ же году онъ пишетъ ему: «Съ Богомъ впередъ! Вы уже теперь въ такихъ лѣтахъ, что можете знать, чего вамъ должно желать; желайте только съ жаромъ и будьте постоянно тверды въ стремленіи къ своей цѣли. Неуспѣхъ въ достиженіи этой цѣли можетъ произойти, между прочимъ, отъ двухъ причинъ: отъ невѣжества въ своемъ дѣлѣ и отъ излишней довѣренности къ самому себѣ».

Даже по окончаніи воспитанія Жуковскій стремился постоянно пробуждать въ цесаревичѣ его лучшія наклонности. Поздравляя, напримѣръ, его съ рожденіемъ перваго ребенка, онъ пишетъ: «Могу развѣ только прибавить то пожеланіе... чтобы Онъ (Богъ) просвѣтилъ вашу душу царскими мыслями и чтобы научилъ васъ знать, въ чемъ состоитъ Его правда, дабы вы послѣ смиренно покорились этой правдѣ и мыслью, и дѣломъ во благо народа русскаго».

Въ 1843 году вотъ что писалъ онъ наслѣднику русскаго престола: «Совѣсть, если только она не подкуплена, всякій разъ будетъ отвѣчать коротко и ясно. Дѣло только въ томъ, чтобъ спросить во-время и съ надлежащимъ благоговѣніемъ. Вамъ, наслѣднику русскаго царства, болѣе нежели кому-нибудь нужна привычка къ этому благоговѣнію. Не думайте, чтобы вы могли устроить по волѣ своей будущее ваше и вашего народа. Нѣтъ, это — обманъ! ...Не будьте никогда *сами выше закона*, хотя вы сами законодатель; ибо законъ, нарушаемый вами, впадаетъ и у другихъ въ презрѣніе».

Таковы были полныя вѣры, надежды и любви обращенія Жуковскаго къ своему царственному ученику. Они исполнены

широкой гуманности, встрѣчались съ впечатлительной натурой, и, подкрѣпленныя всей созданной Жуковскимъ системой образованія, не могли не сопровождаться для Россіи самыми плодотворными послѣдствіями. Если Жуковскій и писалъ про себя за 20 слишкомъ лѣтъ передъ этимъ, что онъ не можетъ никѣмъ руководить, что онъ можетъ идти только рядомъ, то здѣсь онъ превзошелъ самого себя и, совершенствуясь самъ, невольно становился надежнымъ руководителемъ будущаго русскаго царя. Онъ лучшія свои силы положилъ на это высокое дѣло, отдался ему чистосердечно, оно стало для него особымъ, глубоко переживаемымъ міромъ, исполненнымъ смутныхъ предчувствій чего-то свѣтлаго для Россіи. Описывая московскія торжества по случаю пребыванія въ ней цесаревича, Жуковскій говорилъ [1]): «Москва очаровательна. Въ ней чувствуешь Россію. Она теперь шумитъ радостью. А для меня радость ея имѣетъ какой-то особенный звукъ, ибо я самый старый товарищъ жизни наслѣдника. Я радовался его появленію на свѣтъ младенцемъ, какъ теперь радуюсь его появленію въ жизнь дѣятельную...»

Привѣтствуя тогда въ апрѣлѣ 1818 года рожденіе великаго князя Александра Николаевича, Жуковскій писалъ:

„Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій — *человѣкъ*“.

Не думалъ тогда еще Жуковскій, что ему придется современемъ стать во главѣ образованія этого новорожденнаго и что ему удастся *святѣйшее изъ званій «человѣкъ»* провести, какъ девизъ этого образованія.

---

[1]) Письмо къ императрицѣ 24 іюня 1837 г.

Самоотверженная работа Жуковскаго, мы теперь можемъ это сказать съ полнымъ правомъ, дала плодъ сторицею. Его царственный ученикъ, исполненный гуманныхъ стремленій, превзошелъ своего наставника въ широтѣ пониманія практическихъ общественныхъ задачъ.

Не довелось Жуковскому, какъ и многимъ воспитателямъ не доводится, увидать настоящихъ плодовъ своего труднаго и отвѣтственнаго дѣла, но, если бъ онъ могъ увидать подпись русскаго императора подъ актомъ, дарующимъ свободу милліонамъ людей, то это было бы лучшимъ его нравственнымъ удовлетвореніемъ, и вотъ когда онъ съ гордостью имѣлъ бы право подарить ему свой портретъ, съ тою надписью, которую онъ сдѣлалъ когда-то Пушкину, съ тою надписью, которая всегда будетъ лучшею гордостью всякаго честнаго наставника: «Побѣдителю ученику отъ побѣжденнаго учителя».

VIII.

Женитьба Жуковскаго. — Его семейная жизнь. — Занятія. — Религіозные взгляды. — Состояніе здоровья. — Смерть.

Послѣ поѣздки по Россіи, Жуковскій, состоя при цесаревичѣ, бывалъ то за границей, сопровождая великаго князя и пользуясь водами различныхъ мѣстечекъ для поправленія собственнаго расшатаннаго уже здоровья, то ѣздилъ въ Петербургъ и въ Москву. Во время заграничныхъ поѣздокъ ему пришлось побывать и въ Италіи, и въ Англіи, гдѣ онъ посѣтилъ, между прочимъ, кладбище, описанное Греемъ въ извѣстной элегіи, давшей поводъ Жуковскому написать когда-то юношеское свое произведеніе (1802 г.), которое было привѣтствовано Карамзинымъ въ «Вѣстникѣ Европы». Здѣсь Жуковскій вспомнилъ свои юношескія впечатлѣнія, и, тронутый этими воспоминаніями, вновь перевелъ (но уже менѣе удачно) ту же элегію, и нарисовалъ съ натуры видъ этого кладбища [1]).

Къ этому же времени его жизни относятся и его переводы повѣсти «Ундина» и драматической поэмы «Камоэнсъ», въ которыя онъ внесъ многое изъ своей личной жизни.

Жуковскому предстояло теперь, послѣ окончанія занятій цесаревича, по желанію императора Николая Павловича, заняться обученіемъ русскому языку юныхъ великихъ князей и особенно невѣсты цесаревича, но для него самого его личная судьба сложилась совсѣмъ иначе. Въ то время, какъ приближалась свадьба его царственнаго воспитанника, неожиданно исполнились давнишнія завѣтныя мечты Жуковскаго: у него образовалась собственная семья. Онъ самъ разсказалъ подробности этого важнаго событія въ своей жизни въ

[1]) См. стр. 208 и 209.

ирномъ письмѣ, написанномъ 5 сентября 1840 г. къ
ымъ въ деревню.

Еще въ 1816 году познакомился онъ въ Дерптѣ съ
ецкимъ художникомъ Рейтерномъ, который въ то время
килъ въ гусарскомъ полку. Рейтернъ впослѣдствіи въ
мъ изъ сраженій лишился правой руки, вышелъ въ
авку и отдался живописи, выучившись рисовать лѣвой
ственной своей рукой; своимъ талантомъ онъ сталъ
стенъ императору Александру I, который иногда оказы-
ь ему матеріальную поддержку. Жуковскій, во время
ихъ заграничныхъ поѣздокъ, не разъ встрѣчался съ
герномъ, не разъ помогалъ ему своимъ ходатайствомъ
ѣдъ государемъ, и особенно близко сошелся съ нимъ и
его семействомъ, когда они провели вмѣстѣ зиму и весну
3 г. въ деревенькѣ Верне, на берегу Женевскаго озера.
овскій такъ передаетъ свои впечатлѣнія объ этой жизни
Рейтерномъ и его семьей: «Верне—деревенька незамѣтная
картѣ Европы, но слишкомъ замѣтная на спеціальной
ѣ судьбы моей... Мы всѣ вмѣстѣ переселились въ наше
шеніе. И съ этой минуты начинается для меня жизнь
ія, и ясный миръ домашній обхватываетъ мою душу,
, въ бывалые, лучшіе, прежніе годы. Это была одна
тѣхъ эпохъ жизни, которыя, прекращаясь, оставляютъ
ушѣ неизъяснимое чувство тоски по отчизнѣ». Старшей
ри Рейтерна, Елизаветѣ, было тогда 13 лѣтъ, и никакой
ли о бракѣ не возникало тогда у нашего поэта, да
е могло возникнуть; это было просто свѣтлое впечатлѣніе
дружеской теплоты и сердечности, въ которой онъ всегда
дался. Когда Жуковскій, укрѣпивши свои силы, долженъ
ь вернуться къ своимъ обязанностямъ, то впечатлѣнія
не улетѣли отъ него «какъ свѣтлыя, райскія тѣни».

Послѣ этого въ продолженіе пяти лѣтъ онъ только разъ
комъ видѣлся съ Рейтерномъ. Все семейство Рейтерновъ
видѣлъ еще разъ въ 1838 г., а черезъ пять лѣтъ,
Дюссельдорфѣ, когда сопровождалъ за границу въ Эмсъ

захворавшаго цесаревича, здѣсь онъ провелъ съ ними 3 дня, и у него осталось впечатлѣніе, что обѣ старшія дочери (Елизаветѣ въ это время было 18 лѣтъ) «расцвѣли, какъ чистыя розы». Съ этихъ поръ онъ не разъ мысленно любуется воспоминаніемъ о свѣтломъ образѣ старшей дочери Рейтерна, но въ немъ еще нѣтъ и тѣни мысли о возможности брака. Робкая мечта о личномъ счастьи, съ примѣсью горькой мысли о его невозможности, въ первый разъ возникаетъ у Жуковскаго въ 1839 году, послѣ того, какъ онъ провелъ два дня въ замкѣ Виллингсгаузенъ, въ гостяхъ у Рейтерна. «Старшая дочь Рейтерна, 19 лѣтъ,—пишетъ онъ,—была передо мною точно какъ райское видѣніе, которымъ я любовался отъ полноты души, просто, какъ видѣніемъ райскимъ, не позволяя себѣ и мысли, чтобы этотъ свѣтлый призракъ могъ сойти для меня съ неба и слиться съ моею жизнью; я любовался ею, какъ образомъ Рафаэлевой мадонны, отъ которой, послѣ нѣсколькихъ минутъ счастья, удаляешься съ тихимъ воспоминаніемъ... Однако, нѣтъ, въ тогдашнемъ чувствѣ, съ которымъ смотрѣлъ я на это ангельское лицо, не было того совершеннаго покоя, съ какимъ смотришь на тихую мадонну—оно было соединено съ грустью: мнѣ было жаль себя: смотря на нее и чувствуя, что молодость сердца была еще вся со мною, я горевалъ, что молодость жизни миновалась, и что мнѣ надобно проходить равнодушно мимо того, чему бы душа могла предаться со всѣмъ неистощеннымъ жаромъ своимъ, и что, однако, навсегда должно ей остаться чуждымъ. Это были два вечера грустнаго счастья. И всякій разъ, когда ея глаза поднимались на меня отъ работы (которую она держала въ рукахъ), то въ этихъ глазахъ былъ взглядъ невыразимый, который прямо вливался мнѣ въ глубину души, и я бы изъяснилъ этотъ взглядъ въ пользу моего счастья, и онъ бы тутъ же рѣшилъ мою судьбу, если бы только мнѣ можно было позволить себѣ такого рода надежды и не должно было отъ себя всѣми силами отталкивать подобныя желанія,

моимъ лѣтамъ [1]) уже неприличныя и только для меня тревожныя. Но что же? этотъ взглядъ говорилъ мнѣ правду, о которой я не смѣлъ и мечтать».

Рейтернъ поѣхалъ съ Жуковскимъ въ Петербургъ, и черезъ нѣсколько времени въ Петербургѣ Жуковскій въ первый разъ рѣшился высказать ему свою мечту. Оба они пожалѣли о ея несбыточности, но Рейтернъ при этомъ сказалъ, что онъ съ своей стороны не возражалъ бы, если бы, никѣмъ не склоняемая, его дочь сама избрала Жуковскаго. «Ни отъ меня, ни отъ матери она не услышитъ объ этомъ ни слова», прибавилъ онъ. Жуковскому въ этомъ же году пришлось еще разъ провести вечеръ въ Ганау у Рейтерна наединѣ съ его дочерью, но, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ, «мечта нѣсколько разъ сквозь сонъ пошевелилась» въ его душѣ, «что-то похожее на домашнее счастье, за одно съ такимъ милымъ, чистымъ созданіемъ, какъ привидѣніе, мелькнуло... и улетѣло», и Жуковскій, разставшись съ Елизаветою Алексѣевной, весь ушелъ въ подготовку уроковъ русскаго языка съ невѣстой цесаревича, отгоняя отъ себя какія бы то ни было мечты о личномъ счастьи. Только одинъ разъ оторвался онъ отъ работы, чтобы повидаться съ Рейтерномъ, и это свиданье перевернуло въ Жуковскомъ начинавшее складываться болѣе спокойное настроеніе. Они простились въ Майнцѣ, откуда Рейтерны, вмѣстѣ съ ихъ общимъ другомъ Радовицемъ, должны были ѣхать въ Дюссельдорфъ. Послѣ свиданья Жуковскій пошелъ провожать ихъ, «Когда пароходъ тронулся, — пишетъ онъ, — я остался на берегу, смотрѣлъ за нимъ вслѣдъ, и она смотрѣла на меня съ палубы такимъ взглядомъ, который опять взволновалъ мою и опять могъ бы произвести въ ней все, отъ чего она уже давно отказалась...»

Этотъ проникающій взглядъ молодой дѣвушки вновь волновалъ Жуковскаго, а сами обстоятельства, какъ будто,

---

[1]) Жуковскому въ это время шелъ 58 годъ.

приняли въ немъ участіе, и стали складываться благопріятнѣе. Цесаревичъ долженъ былъ уѣхать на двѣ недѣли въ Эмсъ навстрѣчу императрицѣ, а его невѣста, принцесса Марія, на эти двѣ недѣли пожелала съѣздить въ Мюнхенъ, и Жуковскій, неожиданно для себя, оказался свободенъ.

Долго колебался онъ, гдѣ и какъ провести эти двѣ недѣли полнаго отдыха, и, наконецъ, написалъ Рейтерну «роковое», по его словамъ, письмо, въ которомъ извѣщалъ, что ѣдетъ отдыхать къ нему. «Эта минута, — пишетъ онъ, — была послѣднею тѣхъ 20-ти лѣтъ, которыя посвящены были мною семейству царскому. Я былъ свободенъ, стоялъ на границѣ новой области жизни...»

Двѣ недѣли у Рейтерновъ пролетѣли, «какъ двѣ свѣтлыя минуты», и на возвратномъ пути отъ нихъ Рейтернъ поѣхалъ провожать Жуковскаго. «Ночь была, — вспоминаетъ онъ, — тихая, ясная, небо въ звѣздахъ, посреди звѣздъ великолѣпная полная луна, на Рейнѣ ни струи и кругомъ тишина удивительная. Мы начали ходить по палубѣ». Оба они были настроены нѣсколько грустно отъ предстоящей разлуки, какъ они думали тогда, на очень продолжительное время; Жуковскій рѣшился напомнить своему старому другу ихъ петергофскій разговоръ, и вдругъ услышалъ отъ Рейтерна, что его мечты могутъ сбыться и что Елизавета Алексѣевна, можетъ-быть, его любитъ. Жуковскій былъ потрясенъ радостнымъ извѣстіемъ, но они тутъ же рѣшили не оказывать никакого давленія на дѣвушку, и пока предоставить все времени. Онъ все еще не рѣшался дѣлать окончательнаго шага, ему казалось, что онъ не имѣетъ права на такое счастье, и съ этими колебаніями онъ уѣхалъ во Франкфуртъ, гдѣ должно было встрѣтиться царское семейство съ невѣстой цесаревича. Здѣсь онъ долго еще совѣтовался съ своимъ другомъ Радовицемъ о своемъ правѣ на предстоящій бракъ, и, ободренный имъ, написалъ письмо государю, въ которомъ говорилъ о своемъ намѣреніи и просилъ *увольненія* отъ своихъ преподавательскихъ обязанно-

стей во имя своей новой, улыбавшейся ему жизни. Онъ просилъ государя «устроить свое будущее» и «сохранить сказанное... въ тайнѣ», сообщивъ его только императрицѣ, и вчернѣ показалъ это письмо Рейтерну. Письмо было очень длинно и должно было обстоятельно посвятить государя въ намѣренія и условія жизни Жуковскаго.

Государь въ тотъ же день выѣхалъ вмѣстѣ съ государыней изъ Дармштадта, а Жуковскій около мѣсяца оставался при невѣстѣ цесаревича, ожидая отвѣта на свое письмо. Наконецъ, 29 іюня 1840 г. императрица вернулась въ Дармштадтъ, и Жуковскій получилъ милостивое увольненіе отъ своихъ прежнихъ обязанностей. Его душевное состояніе въ это время рисуетъ его собственный разсказъ о томъ, какъ онъ свободнымъ человѣкомъ ѣхалъ изъ Дармштадта съ Рейтерномъ въ Дюссельдорфъ, гдѣ жило въ то время его семейство. «Онъ (Рейтернъ), — пишетъ Жуковскій, — пришелъ за мною, чтобы меня взять, чтобъ вдругъ переселить туда, гдѣ я нѣкогда жилъ и уже пересталъ жить мечтою, куда влекло и уже перестало влечь сердце, гдѣ ясный міръ, гдѣ поэзія (бывшій товарищъ молодости и теперь ея представитель и замѣна); и я свободенъ; прошлая жизнь осыпалась съ меня и лежитъ на моей дорогѣ, какъ сухой листъ вокругъ дерева, воскресающаго съ весной. Можете или не можете вообразить, какъ я вздохнулъ свободно, какъ мнѣ весело было покинуть Дармштадтъ...»

Въ Дюссельдорфѣ Жуковскій поселился рядомъ съ Рейтернами и проводилъ у нихъ цѣлые дни (для него была даже отведена въ ихъ домѣ особая комната), но все еще не рѣшался объясниться съ Елизаветою Алексѣевной, и только тогда, когда старикъ Рейтернъ сказалъ ему, что она, бросившись на шею своей матери, «почти уже сдѣлала признаніе, и что пора кончить это положеніе неизвѣстности», Жуковскій рѣшился, наконецъ, высказаться Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Онъ попросилъ ее принести къ нему въ комнату чернильницу и перо, и вотъ какъ самъ, частью по-француз-

ски, частью по-русски разсказалъ происшедшее между ними объясненіе:

«Она робко подошла къ столу, передъ которымъ я стоялъ, поставила чернильницу, положила перо и хотѣла уйти. «Подождите Лиза, подойдите сюда», сказалъ я ей; я взялъ ее за руку, а у меня въ это время были въ рукахъ маленькіе часы, подаренные мнѣ Наташей Кирѣевскою. «Позвольте мнѣ подарить вамъ эти часы, но часы показываютъ время, а время есть жизнь: съ этими часами я предлагаю вамъ всю мою жизнь. Принимаете ли вы ее? Не давайте отвѣта сей часъ же, подумайте о вашемъ отвѣтѣ, но не совѣтуйтесь ни съ кѣмъ. Ваши отецъ и мать знаютъ все, но они воздержатся отъ совѣта». Такъ или почти такъ сказалъ я ей. Отвѣтъ былъ въ двухъ словахъ: «Мнѣ нѣтъ надобности обдумывать»; съ этимъ она кинулась мнѣ на шею. Я сказалъ ей, чтобы она привела отца и мать, и они тутъ же насъ благословили».

Такъ случилось, что въ то время, какъ приближалась свадьба царственнаго ученика Жуковскаго, устроилось его собственное давно жданное семейное счастіе.

Свадьба цесаревича состоялась 16 апрѣля 1841 года, а 21 мая въ церкви русскаго посольства въ Штутгартѣ обвѣнчался съ Елизаветой Алексѣевной Жуковскій [1]). Цесаревичъ написалъ вскорѣ послѣ этого Жуковскому: «21 мая я много думалъ объ васъ и молилъ Бога, чтобы Онъ благословилъ васъ семейнымъ счастьемъ, величайшимъ благомъ въ семъ мірѣ, такъ какъ Онъ доселѣ насъ благословляетъ».

Для Жуковскаго, дѣйствительно, на первое время настала счастливая семейная жизнь, и притомъ въ полномъ достаткѣ, благодаря щедрымъ милостямъ къ нему государя. Вмѣстѣ съ чиномъ тайнаго совѣтника ему дано было въ пенсіонъ полностью жалованье — 10.000 руб., сохранен

---

[1]) Описаніе свадьбы см. на стр. 313, а также въ 6-мъ письмѣ къ Булгакову.

окладъ по мѣсту — 18.000 р., что вмѣстѣ съ прежнимъ пенсіономъ въ 4.000 р. — составляло 32.000 р. ассигн. годового дохода, или, при переводѣ на серебро по тогдашнему курсу, приблизительно 8.800 р. въ годъ; сверхъ того, на первое обзаведеніе государь пожаловалъ ему 10.000 руб. серебромъ. Были у Жуковскаго въ это время и нѣкоторыя личныя средства: незадолго передъ этимъ его другъ Зейдлицъ купилъ его имѣніе Мейерсгофъ, подъ Дерптомъ, за 115.000 р., что «вмѣстѣ съ арендой» по словамъ Жуковскаго составляло «капиталъ въ 130.000 руб.». Переводя эту сумму на серебро, можно исчислить капиталъ его къ этому времени въ 37.700 руб. Но нельзя все-таки сказать, чтобы онъ вступилъ въ эту новую для себя жизнь съ полнымъ увлеченіемъ, безъ нерѣшимости и безъ всякаго тревожнаго раздумья. Его другъ Зейдлицъ вспоминаетъ, что, когда Жуковскій передъ свадьбой пріѣзжалъ въ Россію, передъ возвращеніемъ за границу, онъ былъ грустенъ и, прощаясь съ Зейдлицемъ, подойдя къ письменному столу, онъ, съ навернувшимися на глазахъ слезами, вынулъ изъ бокового кармана бумагу и сказалъ: «Вотъ, старый другъ, подпиши здѣсь же, на этомъ мѣстѣ, какъ свидѣтель, мое заявленіе, что я обязываюсь крестить и воспитывать дѣтей своихъ въ лонѣ православной церкви. Дѣтей моихъ! Странно!»

Этотъ отъѣздъ Жуковскаго за границу оказался отъѣздомъ навсегда. Онъ отдался своей семейной жизни, надѣясь хотя и на позднее счастье, но тутъ впервые ему пришлось встрѣтиться съ такими обстоятельствами жизни, о которыхъ прежде онъ не подозрѣвалъ. Онъ писалъ цесаревичу, что уже черезъ четыре мѣсяца послѣ женитьбы онъ понялъ, что съ семейною жизнью связаны не только счастье, но и страданія, но, что эти страданія выше и чище тѣхъ, которыя ему приходилось испытывать раньше, такъ какъ прежнее его горе бывало горемъ эгоистическимъ, а новое горе было страданіемъ за любимаго человѣка (жена Жуковскаго по-

стоянно хворала). Его другъ Зейдлицъ говоритъ, что при этомъ Жуковскій «скоро почувствовалъ разладъ съ самимъ собою. Новая жизнь не вязалась съ тѣмъ, что составляло внутренній его міръ, не шла къ тому, что выработалось въ немъ, съ чѣмъ онъ сжился — она отрывала его отъ прежнихъ образовъ, связей и мечтаній. Сколько ни старался онъ увѣрить себя и друзей своихъ, что именно теперь счастливъ, и въ семейныхъ заботахъ умиротворилъ свой духъ, узналъ, что такое истинное счастье на землѣ,— сквозь подобныя увѣренія всегда слышалось, что счастье, имъ достигнутое, не есть вполнѣ то, къ которому онъ стремился въ молодости». Болѣзнь жены была однимъ изъ главныхъ источниковъ страданій самого Жуковскаго, хотя онъ и надѣялся въ концѣ жизни, что «она отдохнетъ отъ своего многолѣтняго страданія», но въ то же время писалъ Плетневу: «Бываютъ несказанно тяжелыя минуты, и бываютъ часто. Я на нихъ не ропщу: это минуты поучительныя и образовательныя. Но въ шестьдесятъ лѣтъ труднѣе учиться, нежели въ молодыя лѣта...»

«Моя жизнь не на розахъ», нерѣдко вырывалось у него въ письмахъ къ друзьямъ за послѣднее время его жизни. И можно удивляться, какъ при такомъ настроеніи онъ могъ усердно и плодотворно работать надъ такими огромными предпріятіями, какъ, напримѣръ, переводъ Одиссеи [1]), или переводы «Наль и Дамаянти» и «Рустемъ и Зорабъ». Его письма объ этихъ переводахъ, о дѣтскихъ сказкахъ, написанныхъ имъ въ послѣдній періодъ жизни, свидѣтельствуютъ о необыкновенной свѣжести чувства въ этомъ страдающемъ и старѣющемъ человѣкѣ. Его радостью этого времени жизни были, главнымъ образомъ, дѣти: дочь (Александра) и сынъ (Павелъ). О нихъ онъ пишетъ всѣмъ своимъ друзьямъ, радуется на ихъ здоровье и рѣзвость, и видитъ съ гордостью въ сынѣ отраженіе себя самого. Онъ принималъ самое

[1]) Объ переводѣ Одиссеи см. письмо къ Уварову, передъ Одиссеей.

ельное участіе въ ихъ воспитаніи, на которое затрачи-
› массу труда, въ которомъ чувствовалась ему глубокая
ія. «Это педагогическое занятіе не есть просто механи-
ое преподаваніе азбуки и механическій счетъ, — писалъ
Плетневу, — это педагогическая поэма, въ которую все
итъ и которой никто не можетъ сочинить съ такимъ
ствомъ, какъ самъ отецъ, если только онъ имѣетъ къ
призваніе». Эти энергія и разнообразіе работы стано-
я поразительны, когда принимаешь во вниманіе, что
игающаяся старость не баловала Жуковскаго. Надо было
ъ много глубокой и спокойной энергіи, чтобъ предпри-
ть работы, требовавшія нѣсколькихъ лѣтъ труда въ то
я, когда мысль о смерти неотступно вонзалась въ его
у и когда физическія недомоганія выражались, напри-
›, постепенною потерею зрѣнія. Жуковскій писалъ свои
ныя работы послѣдняго періода жизни, когда одинъ
ь у него уже былъ потерянъ навсегда, а другой начи-
слабѣть, когда, вслѣдствіе ревматизма этого единствен-
глаза, ему пришлось провести нѣсколько мѣсяцевъ, не
дя изъ темной комнаты. Конечно, бывали у Жуковскаго
ты вялости, грусти, упадка духа, подъ давленіемъ соб-
ныхъ недомоганій и страданій жены, но все-таки само-
аніе и работоспособность не покидали его. «У меня, —
ъ онъ въ концѣ 1850 года, — работы по горло, и мнѣ
естанно говоритъ тайный голосъ: спѣши! Не то, чтобы
ылъ голосъ смерти; нѣтъ; но глаза слабѣютъ и слухъ
ътъ. Что, если мнѣ назначено не кончить начатаго,
нуть и оглохнуть? Итакъ, надобно не терять времени,
жду тѣмъ, и приготовить себя къ этой томительной
і. Не скажу, чтобы она меня ужасала. Весьма вѣроятно,
я и не будетъ. Воля Божія. Но надобно быть гото-
. Я уже выдумалъ себѣ машинку для писанія въ случаѣ
ты. Надобно придумать отводъ и отъ глухоты. Между
постараюсь воспользоваться сколько можно собою, пока
› цѣлъ». И онъ, дѣйствительно, неутомимо работалъ;

сидя въ темной комнатѣ, онъ диктовалъ свою предсмертную вещь — поэму «Странствующій жидъ», а въ одномъ письмѣ къ Плетневу замѣчаетъ: «Мои работы будутъ жестоко хромать отъ невозможности употреблять глаза; ибо моя болѣзнь можетъ продолжиться еще недѣли. Постараюсь взять противъ этого мѣры: я человѣкъ изобрѣтательный! Вотъ, напримѣръ, я давно уже приготовилъ машинку для писанія на случай угрожающей слѣпоты. Эта машинка пригодилась мнѣ полуслѣпому. Могу писать съ закрытыми глазами. Правда, написанное мнѣ трудно самому читать. Въ этомъ помогаетъ мнѣ мой камердинеръ».

Русскіе, знакомые его и друзья, начинали объяснять себѣ его продолжительное отсутствіе изъ Россіи охлажденіемъ къ ней, привязанностью къ семейству Рейтерновъ и вліяніемъ на него этой семьи. Но это было глубокое «заблужденіе». Его удерживала за границей болѣзнь жены, которая для поправленія здоровья, по предписанію извѣстныхъ тогда врачей, должна была пользоваться водами и климатомъ различныхъ нѣмецкихъ курортовъ. Жуковскаго же тянуло въ Россію, и разлука съ родиной только прибавляла новыя огорченія къ его и безъ того тяжелой жизни. «Если бъ былъ одинъ, я давно былъ бы на пути въ Россію», пишетъ онъ Булгакову, и ему же въ другомъ письмѣ замѣчаетъ «Горько мнѣ это; горько мнѣ бивакировать на чужой землѣ гдѣ нѣтъ теперь ни покоя, ни пріюта; еще болѣе горько отъ причины (болѣзни жены), которая меня къ тому принуждаетъ; а ты все мнѣ пишешь: обасурманился, зажился, бросилъ Россію; это меня печалитъ и сердитъ». Бивакированіе Жуковскаго вызывалось тревожными политическими событіями того времени: тогда разыгрывалась революція 48 года, и, въ поискахъ болѣе покойной жизни для жены и своихъ близкихъ, ему постоянно приходилось мѣнять мѣсто своего пребыванія, причемъ самые переѣзды изъ одного города въ другой бывали нерѣдко далеко не безопасны; одинъ изъ этихъ переѣздовъ онъ передаетъ, напримѣръ, въ

слѣдующихъ выраженіяхъ: «Передъ нашимъ вагономъ и позади его около тридцати вагоновъ, всѣ наполнены солдатами и пьяною чернью съ заряженными ружьями, кольями, дубинами и прочими конфектами; крикъ, шумъ, топотъ, стрѣляпье изъ ружей; и на каждой станціи надобно было ждать: одни выходили изъ вагоновъ, другіе въ нихъ лѣзли съ криками, пѣснями, воемъ, лаемъ, стрѣльбой; наконецъ, до десяти героевъ сѣло на кровлѣ нашего вагона. Такое пріятное путешествіе продолжалось три часа...»

Невесело было ему на старости лѣтъ путешествовать въ такой обстановкѣ съ больною женою, ему—принципіальному противнику какихъ бы то ни было возстаній.

Въ этотъ послѣдній періодъ его жизни большою радостью для него было посѣщеніе цесаревича (въ 1847 г.), навѣстившаго своего наставника очень дружески. Жуковскій никогда не могъ потомъ забыть, какъ великій князь носилъ на рукахъ его дѣтей и ласкалъ ихъ. Но самымъ постояннымъ утѣшеніемъ его жизни все-таки оставалась поэзія, безкорыстно имъ любимая, и религія. «Въ продолженіе моей десятилѣтней заграничной жизни я узналъ по опыту,— писалъ онъ, — что можно любить поэзію, не заботясь ни о какой извѣстности, ни даже о участіи тѣхъ, чье одобреніе дорого. Они имѣютъ большую прелесть; но сладость поэтическаго созданія сама себѣ награда».

Религія была въ это время для него большою поддержкою. Правда, это уже не было прежнее его ясное и простое религіозное чувство. Зейдлицъ, прекрасно его знавшій, указываетъ, что Жуковскій не остался безъ вліянія нѣмецкихъ піетистическихъ кружковъ, которые были близки Рейтернамъ. «Русскому читателю, — говоритъ Зейдлицъ, — можетъ-быть, это не такъ замѣтно, но нѣмцу, знакомому съ проявленіями германскаго піетизма, слѣды его легко бросаются въ глаза. Чувства, которыя донынѣ Жуковскій выражалъ радостными и непринужденными словами и даже гимнами ко Всевышнему, заглушаются передъ какимъ-то невѣдомымъ, таинственнымъ

страхомъ». Можетъ-быть здѣсь сказывалось и вліяніе Гоголя, который не разъ въ это время гостилъ у Жуковскаго, тѣмъ болѣе, что бесѣды о религіи были обыкновенными бесѣдами между ними.

Смерть Гоголя, по его собственнымъ словамъ, была для него «неожиданна» и «оглушила» его, и въ то время, какъ онъ просилъ своихъ друзей о посмертномъ изданіи сочиненій своего друга, приближалась и его кончина. Уже онъ самъ смотрѣлъ на свое стихотвореніе «Царско-сельскій лебедь» и поэму «Странствующій жидъ» [1]), какъ на свои лебединыя пѣсни.

Жуковскій умеръ въ Баденъ-Баденѣ въ 1 ч. 37 минутъ пополуночи, 12 апрѣля 1852 года (69-ти лѣтъ). Незадолго передъ смертью онъ слегъ, пригласилъ къ себѣ отца Іоанна Базарова, съ которымъ бесѣдовалъ, и у котораго исповѣдался и причастился, вмѣстѣ съ своими дѣтьми. Вечеромъ наканунѣ смерти онъ позвалъ къ себѣ свою маленькую дочь и сказалъ ей: «Поди, скажи матери, что я теперь нахожусь въ ковчегѣ и высылаю ей перваго голубя, это — моя вѣра другой голубь мой, это — терпѣніе». Уже поздно вечеромъ онъ сказалъ г-жѣ Рейтернъ, сидѣвшей у его постели: «Теперь остается только матеріальная борьба, душа уже готова».

Это были его послѣднія слова.

Тѣло Василія Андреевича было сначала поставлено въ склепѣ на загородномъ Баденскомъ кладбищѣ, а потомъ перевезено въ Петербургъ и похоронено въ Александро-Невской лаврѣ, по его желанію, не разъ высказанному въ теченіе его жизни, — рядомъ съ могилой Карамзина.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ провожалъ тѣло до могилы и присутствовалъ при погребеніи.

---

[1]) См. стр. 218 и 221.

Сентиментальность и классицизмъ въ поэзіи Жуковскаго. — Романтическія ея черты. — Отношеніе современниковъ къ его романтическимъ стремленіямъ. — Отношеніе Жуковскаго къ реалистамъ. — Свойства его таланта.— Его значеніе для современниковъ и для нашего времени.

Самъ Жуковскій называлъ «Сельское кладбище» первымъ своимъ произведеніемъ, появившимся въ печати, между тѣмъ, какъ нѣкоторые его переводы появлялись въ печати и раньше, такъ, напримѣръ, въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» (1797 г.) былъ уже помѣщенъ отрывокъ «Чувства при гробницѣ». Во всякомъ случаѣ, опредѣляя грубо начало его поэтической дѣятельности, можно считать его совпадающимъ съ началомъ XIX вѣка; оно почти совпадаетъ и съ выходомъ его изъ Благороднаго пансіона (1801 г.), гдѣ еще на школьной скамьѣ онъ восхищался Ломоносовымъ, Державинымъ и дѣлалъ первыя попытки подражать этимъ, тогда въ его глазахъ, великолѣпнымъ образцамъ. Къ этому же времени относится и его увлеченіе Карамзинымъ и Дмитріевымъ, который былъ для него «второю ипостасью Карамзина». Въ журналахъ, которые читали воспитанники, былъ истинный культъ Карамзина: онъ назывался здѣсь «чувствительнымъ, нѣжнымъ, любезнымъ и привлекательнымъ нашимъ Стерномъ». Сотрудники этихъ журналовъ любили пастораль, чувствительность и меланхолію. Ужъ въ то время Жуковскій ученикомъ могъ читать въ журналѣ «Иппокрена» переводныя баллады «О Леонардѣ и Блондинѣ», «Вильямъ и Маргарита», помѣщенныя здѣсь задолго до появленія въ печати балладъ Каменева.

Таковы были литературныя вліянія, которыми напитывался юноша Жуковскій на самой зарѣ своей дѣятельности. Если припомнить его восторженные отзывы о той нравственной атмосферѣ, которую онъ вдыхалъ въ домѣ Тургеневыхъ, станетъ вполнѣ понятенъ меланхолическій, сентиментальный и морализующій тонъ его первыхъ произведеній.

При выходѣ изъ Пансіона Жуковскій сближается и съ начинающимъ ученую и писательскую карьеру классикомъ Мерзляковымъ. Какъ разъ въ это время въ соединенномъ составѣ бывшихъ воспитанниковъ Благороднаго пансіона и студентовъ университета основывается «Дружеское литературное общество», уставъ котораго, въ числѣ другихъ подписываютъ Мерзляковъ и Жуковскій, и эти законы опредѣленно показываютъ, что ко всѣмъ чертамъ чувствительности литературныхъ понятій этой молодежи присоединялось желаніе высоко держать знамя изящнаго вкуса, а «теорія изящныхъ наукъ» должна была служить мѣриломъ «Аріадниною нитью въ лабиринтѣ юродствующаго воображенія». Имъ хотѣлось «гладкости, ясности и пріятности стиля», въ стихахъ — «гармоніи». Они прославляютъ «дружество, любовь» и особенно цѣнятъ «нравственный характеръ поэзіи». Эта цѣлая программа «Harmonische Plattheif» (гармоническій плоскости), по счастливому термину, пущенному въ оборотъ Фр. Шлегелемъ. Это вылощенное направленіе надолго захватило легко поддававшагося чужому вліянію Жуковскаго и тѣмъ болѣе могло сказываться въ его сочиненіяхъ, что онъ въ то время еще плохо зналъ нѣмецкій языкъ и находился, по иностраннымъ своимъ образцамъ, въ значительной зависимости отъ такихъ французскихъ ложноклассиковъ, какъ, напримѣръ, Флоріанъ, вліяніе котораго на Жуковскаго въ эту пору очевидно: Жуковскій переводитъ изъ него «Донъ-Кихота», задумываетъ «Вадима» подъ вліяніемъ Флоріанова «Вильгельма Телля» и раздѣляетъ взгляды этого писателя на право переводчика, «сохраняя мысли автора, *ослабляя* нѣкоторыя выраженія, иное *смягчая*, и *пуще всего писать плавнымъ и чистымъ языкомъ*“. Въ его глазахъ въ это время «поэзія то же, что музыкальный инструментъ, въ которомъ вѣрность звуковъ должна уступить мѣсто ихъ пріятности». По мѣрѣ того, какъ онъ усваивалъ нѣмецкій языкъ, онъ все болѣе обращался къ тѣмъ представителямъ старой берлинской школы, которые

съ упорствомъ старовѣровъ отстаивали правила и вкусы ложноклассиковъ, негодуя на свѣжія стремленія романтиковъ, даже такихъ, какъ Гёте. Только въ 1827 году, уже 44-хъ лѣтъ отъ роду, Жуковскій почувствовалъ свою ошибку и горячо отозвался о Гёте въ словахъ:

Почто судьба мнѣ запретила
Тебя узрѣть въ моей веснѣ?
Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоемъ огнѣ;
Тогда бъ вокругъ меня создался
Иной чудесно пышный свѣтъ;
Тогда бъ и обо мнѣ остался
Въ потомствѣ слухъ: онъ былъ поэтъ.

Вполнѣ подчинивъ свой вкусъ взглядамъ ближайшихъ друзей: А. Тургенева, Карамзина, Вяземскаго и Блудова, Жуковскій, по вялости своей личности, мало анализировалъ, мало самостоятельно размышлялъ и очень опасливо поглядывалъ на здоровыя жизненныя теченія литературы. Въ его глазахъ «Гамлетъ» былъ «чудовищемъ», Шекспиръ ему казался грубымъ; слова басни Крылова «отъ радости въ зобу духъ сперло» вызвали у него замѣчаніе: «Едва ли это непріятное выраженіе: *въ зобу духъ сперло,* понравится людямъ, привыкнувшимъ къ языку хорошаго общества». Редактируя журналъ «Вѣстникъ Европы», онъ наполнялъ его переводами изъ совсѣмъ устарѣлыхъ въ то время писателей Энгеля, Гарве, Меркеля и др. Уже послѣ того, какъ была извѣстна «Гамбургская драматургія» Лессинга, онъ все еще смотрѣлъ на трагедію глазами Лагарпа и увлекался взглядами Сульцера на мораль въ поэзіи. Девизомъ «Вѣстника Европы» онъ ставилъ себѣ все ту же задачу — очистить вкусъ своихъ читателей, или печаталъ въ немъ свои идиллическія мечты о семейномъ счастьи, отражавшія больше всего его личное положеніе въ то время. Недаромъ онъ называлъ себя впослѣдствіи *жалкимъ издателемъ* «Вѣстника Европы».

Жуковскій какъ будто боялся взглянуть жизни прямо въ глаза: она теряла для него смыслъ «когда въ ней нѣтъ очарованья», и онъ жилъ, главнымъ образомъ, мечтой. Эти стороны его общихъ, а потому и литературныхъ взглядовъ, раскрытыя, главнымъ образомъ, академикомъ Тихонравовымъ, подтверждаются всею его перепискою и его дневниками, въ настоящее время напечатанными. Его способность въ переводахъ схватывать настроеніе оригинала, прекрасно рисовать увлекательнымъ и гармоничнымъ языкомъ картины, и въ то же время смягчать и сглаживать всякую рѣзкость подлинника, остались до глубокой старости преобладающею чертой всѣхъ его переводовъ. Его сочувствіе классицизму не покидало его всю жизнь, но особенно сильно оно выражалось въ первое десятилѣтіе прошлаго вѣка.

Интересъ къ сочиненіямъ лучшихъ европейскихъ романтиковъ становится замѣтенъ у Жуковскаго въ самомъ началѣ 10-хъ годовъ прошлаго вѣка. Правда, еще въ 1810 году онъ предпочиталъ Бюргера Шиллеру и даже находилъ у Бюргера «истинно приличный тонъ избранному роду стихотворенія», т.-е., именно то, чего не находилъ въ немъ самъ Шиллеръ, но все-таки съ этого года становится замѣтно, что Жуковскаго начинаютъ интересовать романтики и все улучшающееся знаніе нѣмецкаго языка даетъ ему возможность все большаго знакомства съ нѣмецкой романтической школой и, наконецъ, Шиллеръ дѣлается однимъ изъ любимѣйшихъ его поэтовъ.

Мы заранѣе могли бы угадать, какія стороны романтизма должны были наиболѣе привлечь къ себѣ вниманіе Жуковскаго. «Мечтательный зритель», конечно, прежде всего могъ замѣтить и полюбить у романтиковъ ихъ идеализмъ, любовь къ мечтѣ, стремленіе въ таинственную даль. Не въ характерѣ Жуковскаго было откликнуться на протестующія стремленія, на яркіе порывы къ свободѣ творчества, которые такъ характерны для истыхъ романтиковъ: его ужасали, какъ совсѣмъ непростительная дерзость, такіе порывы. Даже въ 1833 году

нъ писалъ Крылову: «Я не могъ дочитать ея («Новой Элоизы» Руссо) и въ молодости, когда воображенію нужны болѣе мечты, нежели истины... Въ Байронѣ есть что-то жасающее, стѣсняющее душу. Онъ не принадлежитъ къ поэтамъ — утѣшителямъ жизни. Что такое истинная поэзія? Откровеніе божественное произошло отъ Бога къ человѣку и облагородило здѣшній свѣтъ, прибавивъ къ нему вѣчность. Откровеніе поэзіи происходитъ въ самомъ человѣкѣ и обла-ораживаетъ здѣшнюю жизнь въ здѣшнихъ ея предѣлахъ. Поэзія Байрона не выдержитъ этой повѣрки».

Хотя Жуковскій и просилъ Тургенева въ 1806 году прислать ему нѣмецкихъ философовъ, но философы начала XIX вѣка, бывшіе предметомъ горячихъ споровъ и увлеченія романтиковъ, и развивавшіе принципы, которыми жили нова-оры поэзіи, остались чужды для малодѣятельнаго ума Куковскаго. «Шеллинга брось, — писалъ онъ позднѣе Тургеневу, — не думаю, чтобы изъ его философіи откровенія что-нибудь могло выдти».

Такимъ образомъ, боевая сторона романтизма не расшеве-ила Жуковскаго, и, напротивъ, эта новая струя въ литера-урѣ привлекла къ себѣ его только тѣми чертами, которыя акъ разъ находились на границѣ между сентиментализмомъ и романтизмомъ. То легенда, то баллада, страшная и рогательная, то «Идеалы» Шиллера (преображающіеся въ Мечты» у Жуковскаго) — вотъ, куда направляется его очувствіе.

Тѣмъ не менѣе, какъ только Жуковскій обращается даже ъ этой сторонѣ романтизма, онъ сейчасъ становится предме-омъ нападеній, такъ какъ тотъ родъ поэзіи, съ которымъ онъ ыступаетъ, не можетъ удовлетворить наиболѣе извѣстныхъ огда представителей различныхъ литературныхъ направленій, и го баллады вызываютъ насмѣшки и возраженія. Мерзляковъ, мягчая дружественнымъ тономъ свои замѣчанія, указываетъ естройность, непослѣдовательность и излишнюю, въ глазахъ лассика, причудливость этихъ сочиненій Жуковскаго. Князь

Шаховской даже осмѣиваетъ Жуковскаго въ одной изъ своихъ комедій, а зарождающаяся реальная школа остается недовольна идеальничаньемъ и неестественностью балладъ Жуковскаго, и Грибоѣдовъ пишетъ по поводу «Людмилы»: «Но, чу! бьетъ полночь! Къ Людмилѣ крадется *мертвецъ* на цыпочкахъ, конечно, чтобы никого не испугать. *Тихо брякнуло кольцо* и т. д. Этотъ мертвецъ слишкомъ милъ, живому человѣку нельзя быть любезнѣе... Мнимый женихъ Людмилы признается ей, что домъ его гробъ и путь къ нему далекъ...—Я бы, напримѣръ, послѣ этого ни минуты съ нимъ не остался, но не всѣ видятъ вещи одинаково. Людмила обхватила мертвеца нѣжною рукой и помчалась съ нимъ».

Пушкинъ, очень любившій поэзію Жуковскаго и угадавшій въ ней, лучше многихъ, ея наиболѣе глубокія достоинства все-таки не могъ не сказать про Бюргеровскую «Лепору», что она «извѣстна у насъ по *невѣрному и прелестному* подражанію Жуковскаго» и что Жуковскій «*ослабилъ* духъ и формы образца».

И, дѣйствительно, при всемъ увлеченіи Жуковскаго романтической нѣмецкой поэзіей, его не покидали привычки и вкусъ человѣка, воспитаннаго на сентиментальностяхъ классицизмѣ. Впечатлѣнія 1812 года не могли, конечно, миновать и Жуковскаго, къ нимъ присоединились и личныя обстоятельства, которыя направили его въ ополченіе. «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ», сильно выдвинувшій его создавшій ему особенную извѣстность, былъ откликомъ на общій патріотизмъ, и любопытно, что въ этомъ патріотическомъ стихотвореніи, взывающемъ къ отмщенію, которое было совершенно несвойственно Жуковскому, онъ сохранилъ наибольшее количество ложноклассическихъ пріемовъ. Видно было, что приподнятость чувствъ этого произведенія была нѣсколько искусственна, и всѣ эти воины съ «мечами» «бранными щитами», мечущіе другъ въ друга «стрѣлы», эти «перуны, бросающіе смерть», всѣ эти славянизмы и торже

ственныя слова — представляли только риторику довольно старинаго образца. Но ни самъ Жуковскій, ни тѣмъ менѣе патріотически настроенные его читатели не могли замѣтить этой фальши и только уже въ старости маститый авторъ, перечитавъ своего «Пѣвца», замѣтилъ, что онъ ему «самому мало нравится». Откликнулся Жуковскій и на побѣдоносное возвращеніе русскихъ войскъ изъ похода 1814 года, но и сквозь это произведеніе, написанное значительно лучше «Пѣвца», гдѣ-то вдали виднѣются лучшія оды Ломоносова и Державина.

До конца жизни Жуковскій остался мечтателемъ и съ негодованіемъ относился къ тѣмъ реальнымъ стремленіямъ, которыя и въ европейской, и въ русской жизни все болѣе давали себя чувствовать. «Что такое теперешняя русская литература? — пишетъ онъ въ 1846 году декабристу фонъ-Деръ-Бриггену. — То же, что всѣ почти иностранныя литературы, съ тою только разницею, что состояніе нѣмецкой и французской литературы есть паденіе съ высоты, а у насъ просто паденіе». Чрезвычайно характерно для Жуковскаго его отношеніе къ Пушкину. Безкорыстно и глубоко любуясь его дарованьемъ, справедливо признавая въ немъ не только талантъ, но и геніальность, Жуковскій никакъ не могъ помириться съ бурными порывами своего друга, и, какъ няпька, постоянно старался сдерживать, хотя въ большинствѣ случаевъ, конечно, безуспѣшно, порывистую и бурную натуру не признававшаго надъ собою правилъ и беззавѣтно отдававшагося своимъ стремленіямъ поэта. «Ты знаешь, какъ я люблю твою Музу, — писалъ ему Жуковскій въ 1826 г., — и какъ дорожу твоею благопріобрѣтенною славою; ибо умѣю уважать поэзію и знаю, что ты рожденъ быть великимъ поэтомъ и могъ бы быть честью и драгоцѣнностью Россіи. Но я ненавижу все, что ты написалъ возмутительнаго для порядка и нравственности. Наши отроки (то-есть, все зрѣющее поколѣніе), при плохомъ воспитаніи, *которое не даетъ* имъ никакой подпоры для жизни, поэма-

компились съ твоими буйными, одѣтыми прелестью поэзіи мыслями; ты уже многимъ нанесъ вредъ неисцѣлимый — это должно заставить тебя трепетать. Талантъ ничто; главное — величіе нравственное». Что именно могъ подразумѣвать Жуковскій подъ безнравственными произведеніями Пушкина выясняется изъ его письма къ гр. Соллогубу, которое еще разъ и притомъ полнѣе разъясняетъ, чему не могъ сочувствовать Жуковскій въ явленіяхъ новой русской литературы. «Пишите русскій романъ... — совѣтуетъ Жуковскій гр. Соллогубу, — но только избавьте насъ отъ противныхъ *Героевъ нашего времени*, отъ *Онѣгиныхъ* и прочихъ многихъ, имъ подобныхъ, которые всѣ суть не иное что, какъ бѣсы, вылетѣвшіе изъ грязной лужи нашего времени, начавшіеся въ утробѣ Вертера и расплодившіеся отъ Донъ-Жуана и прочихъ героевъ Байрона».

Прося за Гоголя Смирнову въ 1845 году, онъ писалъ ей: «Вы лучше другихъ можете характеризовать Гоголя съ его настоящей, лучшей стороны. По его комическимъ твореніямъ могутъ видѣть совсѣмъ не то, что онъ есть».

Жуковскій до самой своей кончины не примирился съ новыми вѣяніями русской и иностранной литературы, но въ то же время уже въ глубокой старости онъ почувствовалъ, что и въ его взглядахъ на поэзію есть что-то, что находится въ разладѣ съ тѣмъ горькимъ опытомъ, который принесли ему послѣдніе годы жизни. Онъ передалъ это раздумье надъ своей поэтической дѣятельностью въ 1847 г. въ письмѣ къ Смирновой такими словами: «Моя жизнь пролетѣла на крыльяхъ поэзіи, которая насъ часто гибельнымъ образомъ обманываетъ насчетъ насъ самихъ, и часто, часто мы ея свѣтлую радугу, привидѣніе ничтожное и быстро исчезающее, принимаемъ за твердый мостъ, ведущій съ земли на небо. Подъ старость я не разссорился съ поэзіей, но не въ ней правда».

Волей-неволей сама жизнь стала развязывать Жуковскому *глаза, но уже* въ то время, когда человѣку трудно искать

новыхъ дорогъ, когда силы начинаютъ ему измѣнять на каждомъ шагу.

И если самъ Жуковскій, оглядываясь на прошлое своей поэзіи, начиналъ приходить къ такому неутѣшительному взгляду на него, если онъ чувствовалъ свою односторонность, то чѣмъ же объяснить, что онъ справедливо считается однимъ изъ лучшихъ русскихъ писателей, чѣмъ объяснить интересъ и уваженіе къ его поэзіи выдающихся и мыслящихъ его современниковъ, а также и то, что многое изъ его поэзіи не потеряло интереса и для нашихъ современниковъ?

Жуковскій представляетъ для современнаго читателя интересъ не только историческій, но и непосредственный.

Правда, онъ самъ указывалъ на отсутствіе у себя большой оригинальности. Онъ писалъ 6 февр. 1847 г. Гоголю: «Я часто замѣчалъ, что у меня наиболѣе свѣтлыхъ мыслей тогда, какъ ихъ надобно импровизировать въ возраженіе или въ дополненіе чужихъ мыслей; мой умъ, какъ огниво, которымъ нужно ударить о кремень, чтобы изъ него выскочила искра — это вообще характеръ моего авторскаго творчества: у меня все чужое или по поводу чужого — и все, однако, мое». Эти собственныя слова Жуковскаго даютъ вполнѣ вѣрную оцѣнку его дарованья. Въ каждой области дѣятельности бываютъ люди съ аналитическимъ умомъ, съ сильнымъ воображеніемъ; они обладаютъ способностью открывать новыя глубокія и крупныя истины. Рядомъ съ ними встрѣчаются и другіе, не имѣющіе въ себѣ такого запаса проницательности, личной энергіи и мужества, чтобы смѣло прокладывать совершенно самостоятельные новые пути, за то у нихъ бываетъ другая способность: они прекрасно и глубоко чувствуютъ то хорошее, что сдѣлали другіе, и обладаютъ необыкновеннымъ даромъ правдиво и изящно передать массамъ открытія другихъ. Такихъ людей мы называемъ популяризаторами. Честная и талантливая популяризація очень почтенная дѣятельность и одно изъ важнѣйшихъ

всякаго просвѣщенія. Въ поэзіи бываютъ также свои популяризаторы, съ большею или меньшею собственною оригинальностью. Такимъ типомъ писателя и былъ Жуковскій, и его популяризація поэзіи шла двояко.

Онъ, во-первыхъ, внесъ въ русское общество, какъ никто изъ его предшественниковъ, убѣжденіе романтиковъ въ возвышающую силу поэзіи, которая была для него самого почти религіей, и сумѣлъ эту мысль распространить среди своихъ читателей; своей искренностью онъ далъ ее почувствовать, и тѣмъ привилъ ее русскому обществу; во-вторыхъ, онъ познакомилъ насъ со многими лучшими произведеніями европейскаго романтизма и иностраннаго народнаго эпоса. Историческое же его значеніе заключается въ томъ, что онъ невольно, благодаря личнымъ особенностямъ своего настроенія и поэтическому чутью, сталъ выразителемъ романтическихъ стремленій Александровской эпохи. Уже въ позднемъ возрастѣ, занимаясь переводомъ эпизода о Налѣ и Дамаянти и припоминая сдѣланное имъ въ русской литературѣ, онъ съ обычнымъ изяществомъ такъ опредѣлилъ основное содержаніе своей поэзіи:

.... Часто на краю
Небесъ, когда ужъ солнце сѣло, видимъ
Мы облака; изъ-за пурпурныхъ ярко
Выглядываютъ золотыя, свѣтлымъ
Вершинамъ горъ подобныя; и видитъ
Воображенье тамъ, какъ будто область
Иная міра. Такъ, теперь созданьемъ
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежитъ вдали минувшее мое...

Для всякаго человѣка, интересующагося исторіей русской культуры, эти первые тогда еще мечтательные порывы русскаго общества представляютъ предметъ глубокаго интереса. «Это идеальное стремленіе къ чему-то возвышенному, — писалъ академикъ Я. К. Гротъ, — эта задумчивая мечтательность, эта глубокая вѣра въ таинственное, это патріотическое настроеніе, которыми звучала лира Жуковскаго, —

вполнѣ согласовались съ духомъ того времени; можно даже сказать, что Жуковскій, съ его энтузіазмомъ къ прекрасному, съ его страстію къ поэзіи и къ воспроизведенію иностранныхъ образцовъ ея, былъ созданіемъ своей эпохи, но дѣло въ томъ, что у него эти общіе вкусы совпадали съ не обычайнымъталантомъ, съ высокими свойствами собственной его природы, а потому и труды его, выливавшіеся изъ глубины души, проникнутые горячею искренностью, должны были носить печать превосходства и воздѣйствовать на облагороженіе общества, на усиленіе въ немъ человѣчности и расположенія ко всему прекрасному и идеальному».

Для оцѣнки дѣятельности Жуковскаго, какъ переводчика, мы позволимъ себѣ привести мнѣніе В. Чешихина, извѣстнаго своимъ спеціальнымъ изслѣдованіемъ переводовъ Жуковскаго: «Во всѣхъ лучшихъ переводахъ Жуковскаго,— говоритъ онъ [1]), — замѣчаются слѣдующія достоинства: дословность въ передачѣ мысли автора, точное воспроизведеніе стихотворной формы подлинника, и самоограниченіе въ смыслѣ безграничнаго уваженія къ подлиннику. Мастерское знаніе родного языка обусловило еще одно, едва-ли не самое цѣнное для всякаго переводчика достоинство: легкость и изящество слога и стиха — виртуозность, производящую впечатлѣніе вполнѣ самостоятельнаго, вдохновеннаго и непринужденнаго творчества, импровизаціи... Переводы изъ Шиллера составляютъ такую существенную часть всей поэтической дѣятельности Жуковскаго, что, уже благодаря имъ однимъ, Жуковскій можетъ почитаться величайшимъ изъ русскихъ поэтовъ-переводчиковъ».

Относительно переводовъ Жуковскаго изъ иностраннаго народнаго эпоса (Одиссеи, эпизодовъ изъ Шахъ-Намэ и Магабараты) не разъ возражали, что эти его переводы сдѣланы не съ оригиналовъ, взяты изъ вторыхъ рукъ. Но сила

[1]) В. Чешихинъ. „Жуковскій, какъ переводчикъ Шиллера“ (Критическій этюдъ, увѣнчанный Импер. Ак. Наукъ преміей за сочиненіе о Жуковскомъ). Рига 1895 г. (стр. 170—172).

этихъ переводовъ вовсе не въ научной ихъ точности. Можно съ увѣренностью сказать, что, будь они переведены только точно, ихъ бы рѣдко кто сталъ читать. Жуковскій сдѣлалъ другое — онъ почувствовалъ самъ лучшія стороны этой поэзіи и далъ ихъ почувствовать русскому читателю, а этимъ заставилъ его заинтересоваться этой поэзіей и познакомиться съ ней.

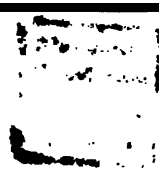
Безпристрастный критикъ нашего времени не можетъ не присоединиться къ одной изъ лучшихъ оцѣнокъ Жуковскаго, сдѣланной Бѣлинскимъ: «Неизмѣримъ подвигъ Жуковскаго и велико значеніе его въ русской литературѣ! Его романтическая муза была для дикой степи русской поэзіи богиней Церерой: она дала русской поэзіи душу и сердце».

Мы не можемъ только согласиться съ словами Бѣлинскаго, что пора романтическаго энтузіазма, пора даже ложныхъ мечтаній есть необходимая пора въ развитіи каждаго человѣка; мы считаемъ эти слова Бѣлинскаго въ его статьѣ о Жуковскомъ только отголоскомъ его романтической эпохи; мы желаемъ для каждаго юноши и человѣка не романтическаго настроенія, а идеализма, исполненнаго истинныхъ, реальныхъ и благородныхъ стремленій, ведущихъ не къ разочарованію, а къ полной энергіи, житейской борьбѣ въ поискахъ лучшаго будущаго; мы, наконецъ, увѣрены, что наше время можетъ и должно дать условія для такого развитія человѣка.

При всемъ томъ мы думаемъ, что многое въ поэзіи Жуковскаго еще не устарѣло и для нашего времени: онъ, дѣйствительно, далъ «душу и сердце» русской поэзіи, и отголоски его благороднаго сердца есть лучшій вкладъ его въ нашу литературу.

Сестрино.
Лѣто 1901 г.

А. Альферовъ.



Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина,

въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Екатеринбургѣ, Одессѣ, Воронежѣ и Нижегородской ярмаркѣ,

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

СЕРІЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО

подъ редакціей **А. Д. АЛФЕРОВА.**

1. **Изящное иллюстрированное изданіе,** на лучшей бумагѣ, **ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ,** съ геліогравюрнымъ портретомъ, исполненнымъ въ Вѣнѣ у **Блехингера,** и нѣсколькими геліотипическими портр. работы **К. А. Фишера.** Ц. **7** Р.

2. **Удешевленное иллюстрированное изданіе. ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ** съ тѣми же текстомъ и рисунками, на болѣе дешевой бумагѣ. Геліогравюра замѣняется геліотипіей. Ц. **3** Р. **50** К.

3. **Общедоступное иллюстриров. народное изданіе, ВЪ ОДНОМЪ ТОМѢ,** въ восьмую долю листа, съ портретомъ **В. А. ЖУКОВСКАГО,** съ краткимъ біографич. очеркомъ и примѣчаніями редактора. Ц. **60** К.

Серія отдѣльныхъ произведеній В. А. ЖУКОВСКАГО

и небольшихъ сборниковъ его стихотвореній, съ иллюстраціями и примѣчаніями для употребленія въ школахъ и для народнаго чтенія.

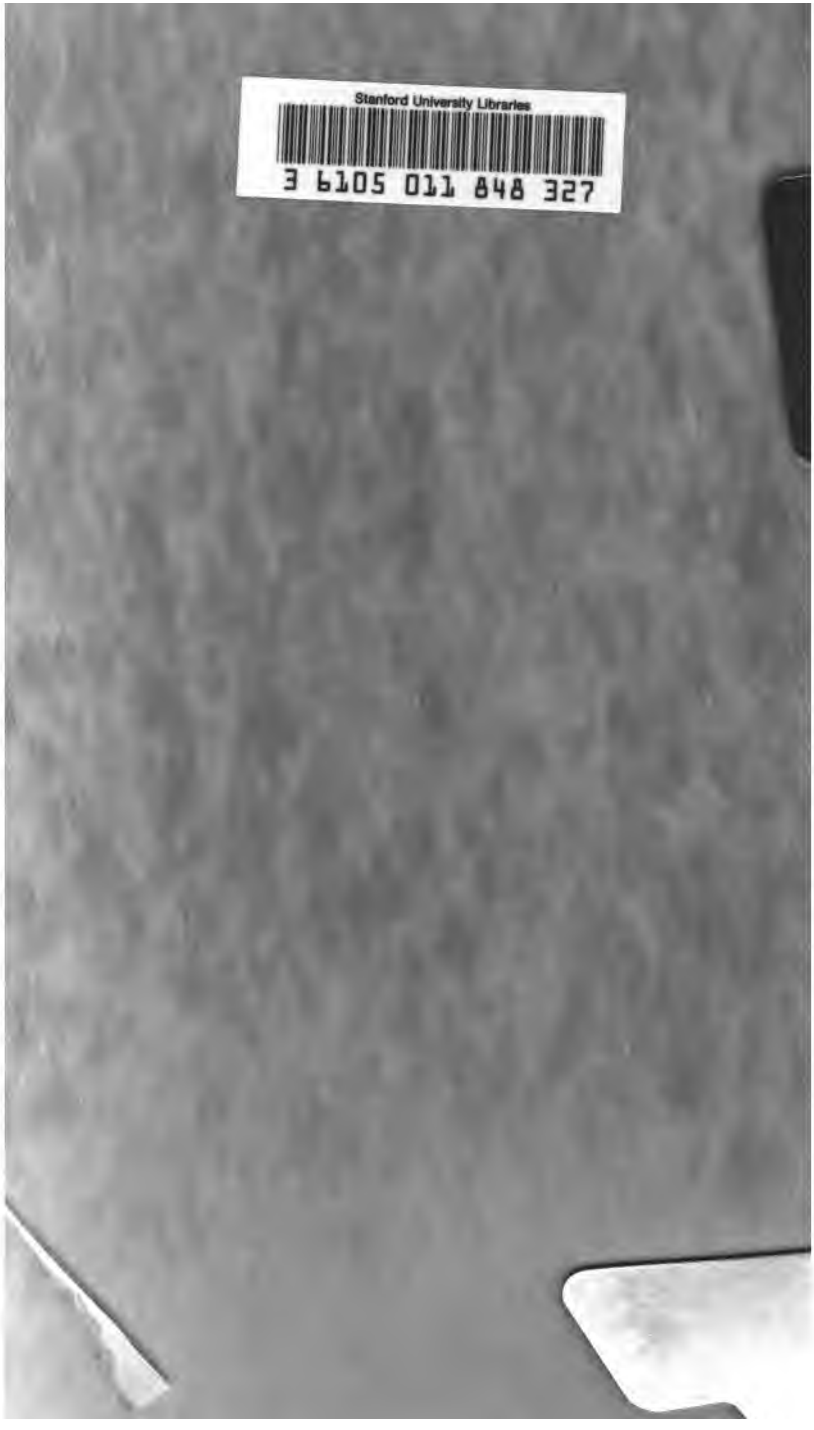
1. **Сказка о царѣ Берендеѣ.— Овсяный кисель. — Деревенскій сторожъ.**
2. **Спящая царевна.**
3. **Котъ въ сапогахъ.—Война мышей и лягушекъ.**
4. **Сказка о Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ.**
5. **Двѣнадцать спящихъ дѣвъ.**
6. **Наль и Дамаянти.**
7. **Рустемъ и Зорабъ.**
8. **Ундина.**
9. **Орлеанская дѣва.**
10. **Камоэнсъ.**
11. **Баллады.**

*Цѣна отдѣльныхъ брошюръ отъ **3** до **20** копеекъ.*

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. СЫТИНА продаются художественно исполненные въ 10 крас.

портреты В. А. Жуковскаго.

Большой портретъ для школъ. ц. 25 к.
Портретъ для подарка учащимся. ц. 5 к.


Stanford University Libraries
3 6105 011 848 327